

ISSN 2949-463X

СОЦИОЛОГИЯ

4_M

МЕТОДОЛОГИЯ
МЕТОДЫ
МАТЕМАТИЧЕСКОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ

T.35

№1 (62)

Социология:

методология, методы, математическое моделирование

Научный журнал
Российской
академии наук

Основан в 1991 году

DOI: 10.19181/4m.2026.35.1

EDN: MDWYMH

Т. 35. № 1 (62)

ISSN: 2949-463X

2026

Sociology:

Methodology, Methods, Mathematical Modeling

DOI: 10.19181/4m.2026.35.1

EDN: MDWYMH

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки

Федеральный
научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук

Журнал издается при финансовой поддержке
научно-исследовательского центра

«Демоскоп»

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Тел.: +7 (993) 957-91-75. *E-mail:* sociology.4m@gmail.com

Главный редактор

Н.С. Бабич

Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

Редакционный совет

- О.Б. Божков** *Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург)*
- Е.Е. Горяченко** *ИЭОПП СО РАН; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск)*
- Ю.Н. Гаврилец** *Центральный экономико-математический институт РАН (Москва)*
- А.С. Готлиб** *Самарский государственный университет (Самара)*
- П.М. Козырева** *Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва)*
- М.С. Косолапов** *Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*
- В.А. Мансуров** *Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*
- А.Ю. Мягков** *Ивановский государственный энергетический университет (Иваново)*
- А.И. Орлов** *МГТУ им. Н.Э. Баумана (Москва)*
- А.П. Петров** *Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН*
- Г.И. Саганенко** *Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург)*
- Г.А. Сагаров** *Фонд ИНДЕМ (Москва)*
- Г.Г. Татарова** *Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*
- Ю.Н. Толстова** *НИУ ВШЭ; Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*
- Т.Ю. Черкашина** *ИЭОПП СО РАН; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск)*
- В.А. Шведовский** *МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)*
-

Ответственный редактор – *А.А. Михайлов*
Ответственный секретарь – *Н.В. Иващенкова*
Редактор – *В.А. Иванова*

Editor-in-Chief

Nikolay S. Babich

Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)

Editorial Board

- Oleg B. Bozhkov** *Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS
(Saint Petersburg)*
- Elizaveta E. Goryachenko** *Institute of Economics and Industrial Engineering
SB RAS; Novosibirsk State University (Novosibirsk)*
- Yuriy N. Gavrilets** *Central Economics and Mathematics Institute RAS
(Moscow)*
- Anna S. Gotlib** *Samara State University (Samara)*
- Polina M. Kozyreva** *Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the RAS (Moscow)*
- Mikhail S. Kosolapov** *Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)*
- Valeriy A. Mansurov** *Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)*
- Alexander Yu. Myagkov** *Ivanovo State Power Engineering University (Ivanovo)*
- Alexander I. Orlov** *Bauman University (Moscow)*
- Alexander P. Petrov** *Keldysh Institute of Applied Mathematics RAS*
- Galina I. Saganenko** *Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS
(Saint Petersburg)*
- Georgy A. Satarov** *Foundation for Information on Democracy (Moscow)*
- Galina G. Tatarova** *Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)*
- Yuliana N. Tolstova** *NRU HSE; Institute of Sociology
FCTAS RAS (Moscow)*
- Tatyana Yu. Cherkashina** *Institute of Economics and Industrial Engineering
SB RAS; Novosibirsk State University (Novosibirsk)*
- Vyacheslav A. Shvedovsky** *Lomonosov Moscow State University (Moscow)*

Managing Editor – *Alexey Mikhailov*
Executive Secretary – *Natalia Ivashchenkova*
Copy Editor – *Vera Ivanova*

СОДЕРЖАНИЕ

Качество социологических данных

Звоновский В. Б., Ходыкин А. В., Раскевич А. В. Разница между российскими регионами по достижимости респондентов в массовых телефонных опросах на политическую тематику 7

Теория и методы измерения

Михалёва В. Д. Объективна ли мораль? Классификация методов измерения обыденных метаэтических представлений..... 36

Пузанова Ж. В., Ларина Т. И., Бобкова С. В. Социологический потенциал автоматического анализа эмоционального восприятия проблемы домашнего насилия 71

Качественные методы в социологии

Спиркина А. К. Молчание в диалоге: разговорный анализ как методология исследования пауз в повседневном разговоре 95

Человек в науке

Михайлов А. А. М. К. Горшков как методический инноватор. Памяти выдающегося ученого 121

Батыков И. В. Репрезентативность в самоописании обществ. К осмыслению наследия М. С. Косолапова..... 135

In memoriam

Памяти Юрия Николаевича Гаврильца 152

К сведению авторов 156

CONTENTS

Quality of sociological data

- Zvonovsky V. B., Khodykin A. V., Raskevich A. V.** The difference between Russian regions in terms of accessibility of respondents in mass telephone surveys on political topics 7

Theory and measurement methods

- Mikhaleva V. D.** Is morality objective? Classification of methods for measuring folk meta-ethical claims..... 36
- Puzanova Zh. V., Larina T. I., Bobkova S. V.** Sociological Potential of Automated Analysis of Emotional Perception of the Problem of Domestic Violence..... 71

Qualitative methods in sociology

- Spirkina A. K.** Silence in dialogue: conversation analysis as a methodology for studying pauses in everyday conversation..... 95

A man in science

- Mikhailov A. A. M. K.** Gorshkov as a methodological innovator. In memory of an outstanding scientist 121
- Batykov I. V.** Representativeness in the self-description of societies. Towards an understanding of the legacy of M. S. Kosolapov 135

In memoriam

- In memory of Yuri Nikolaevich Gavriltis 152

- Information for authors**..... 156

**РАЗНИЦА МЕЖДУ РОССИЙСКИМИ РЕГИОНАМИ
ПО ДОСТИЖИМОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ В
МАССОВЫХ ТЕЛЕФОННЫХ ОПРОСАХ НА
ПОЛИТИЧЕСКУЮ ТЕМАТИКУ**

Звоновский Владимир Борисович

Фонд социальных исследований,

Самара, Россия

Эл. почта: zvb@socio-fond.com

ORCID: 0000-0002-8805-9028

Ходыкин Александр Владимирович

Самарский государственный экономический университет,

Самара, Россия

Эл. почта: a.khodykin@socio-fond.com

ORCID: 0000-0003-0230-5775

Раскевич Александра Владимировна

Самарский национальный исследовательский университет имени

академика С.П. Королёва,

Самара, Россия

Эл. почта: a.raskevich@socio-fond.com

ORCID: 0009-0008-4278-7872

Для цитирования: *Звоновский В. Б., Ходыкин А. В., Раскевич А. В.* Разница между российскими регионами по достижимости респондентов в массовых телефонных опросах на политическую тематику // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026. Т. 35, № 1(62). С. 7-35. DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.1. EDN: BDONZE.

Жители разных регионов России различаются по готовности и возможности участвовать в телефонных опросах на политическую тематику: где-то на достижимость негативно влияют технические сложности с качеством мобильной связи, где-то привычки людей, культурная специфика, языковой барьер или повышенные риски обсуждения политических тем побуждают чаще отказываться от участия в опросах. В целом для снижения влияния региональных различий по достижимости респондентов во всероссийских опросах исследовательскими компаниями используются стратифицированные по федеральным округам выборки, позволяющие нивелировать различия между регионами из разных округов. Однако региональное неравенство внутри стран-округов сохраняется. Его уровень измерен в данной статье на базе 13 волн всероссийских телефонных опросов на политическую тематику, проводившихся с 10 марта 2022 г. по 15 апреля 2024 г. при участии авторов: 9 волн пришлось на 2022 год, 3 волны – на 2023 год и одна волна – на апрель 2024 года. Для выявления специфических отличий по достижимости респондентов из некоторых регионов исследование дополнено проведёнными в 2024 и 2025 годах двумя волнами политических телефонных опросов жителей нескольких российских регионов (в каждом регионе опрошено по 500 человек). Проведённое исследование показало наличие четырёх групп проблемных регионов, стабильная недостаточность жителей которых во всероссийских выборках не может быть полностью компенсирована стратификацией выборок по федеральным округам: столицы (Москва и Санкт-Петербург); национальные республики (Дагестан, Чечня, Татарстан и Тыва); особые уральские территории (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) и приграничные южные регионы: Ростовская область и Краснодарский край.

Ключевые слова: телефонные опросы, регионы, достижимость респондентов, методические исследования, политические опросы, репрезентативность, выборка, кооперация респондентов.

Введение

Достижение репрезентативной выборки в телефонных опросах представляет собой сложную методическую задачу из-за различного рода смещений, происходящих при сборе данных [1]. Во-первых, разная техническая доступность респондентов, живущих в разных частях страны. Техническая недоступность некоторых социальных групп ещё в начале нынешнего века была одной из ключевых проблем, сдерживающих развитие телефонных опросов [2]. Плохое качество связи и отсутствие у значимого числа представителей генеральной совокупности телефонов ставили под сомнение репрезентативность телефонных опросов как в России, так и за рубежом [3; 4]. Однако к началу нынешнего десятилетия покрытие мобильной телефонной связью в России приблизилось к 100%, в результате чего использование стационарных телефонов в опросах утратило смысл, а сколь-нибудь численно значительных групп, не охваченных мобильной связью, не осталось: уже в 2015 году величина ошибок покрытия из-за отсутствия доступа к мобильной связи была менее 2% [5]. Сейчас же эта доля должна ещё сильнее уменьшиться из-за распространения мобильной телефонизации, поэтому можно констатировать отсутствие значимого влияния на результаты телефонных опросов того факта, что не все россияне могут пользоваться мобильной связью. Так что проблема охвата связью для телефонных опросов осталась только в развивающихся странах, что показано на примерах исследований в Бангладеш и Танзании [6]. Для России же остаётся актуальной проблема качества связи в сельской местности и отдалённых регионах. Во-вторых, смещения выборки могут быть вызваны самоотбором респондентов: в массовых опросах всегда можно выделить две неравные по численности группы: 1) успешно прошедшие опрос и 2) все остальные подходящие под требования опроса респонденты, которых не удалось успешно опросить [7].

Во вторую группу входят отказавшиеся от участия в опросе или прервавшие интервью в ходе его проведения. По данным наших исследований, вторая группа в разы превосходит первую по численности, причём основную долю второй группы составляют отказавшиеся проходить опрос люди: на одно успешное интервью, например в телефонных опросах, проводимых различными компаниями, приходится около девяти полученных с отказами [8].

Столь большая разница в размерах групп успешно прошедших и не прошедших опрос респондентов может приводить к систематическим смещениям в полученных данных, только если представители этих групп различаются по измеряемым параметрам, но проблема в том, что хороших методов измерить это пока не существует. Одним их косвенных способов является сравнение с эталоном, когда невзвешенные выборки успешных интервью сравниваются по социально-демографическим параметрам со статистическими данными, признаваемыми условным эталоном. Если из результатов множества проводимых разными методами опросов мы знаем, что молодёжь стабильно менее лояльна решениям действующей власти, чем самое старшее поколение, а в собранном массиве успешных интервью по результатам политического опроса молодёжи значимо меньше, чем должно быть по статистическим данным, тогда как респондентов старшего возраста, напротив, значимо больше, чем в генеральной совокупности, мы можем предполагать, что и по политическим взглядам выборка с высокой долей вероятности систематически смещена. Даже при отсутствии знания относительно связи между измеряемыми в опросе показателями и статистически проверяемыми данными (пол, возраст, территория проживания и т.п.) любые смещения по статистически проверяемым признакам – это тревожный сигнал, что выборка может иметь скрытые систематические смещения, о которых мы не знаем. Если же в нескольких волнах опроса по сходной тема-

тике и со сходными признаками смещения имеют какую-то стабильность (например, стабильно не хватает женщин, молодёжи или жителей какой-то местности), то вероятность смещений в результатах опроса значительно возрастает, поэтому регулярный контроль соответствия случайно формируемых выборок показателям генеральной совокупности, которые мы можем проверить, имеет принципиальное значение для предупреждения систематических смещений. На предыдущих этапах исследования нами измерено соответствие выборок генеральной совокупности по половозрастным показателям [8]. Эту статью посвятим анализу региональных смещений.

Размеры России и множество различий между её регионами придают региональную специфику обозначенным проблемам достижимости респондентов: различия между регионами по национальному составу населения, повседневным практикам людей, уровню жизни, качеству мобильной связи и другим показателям создают разный уровень достижимости в телефонных опросах жителей разных регионов. Это относится как к технической достижимости (покрытие местности мобильной связью и её качество), так и к готовности респондентов участвовать в опросах. Практика показывает, что сложнее всего опрашивать столичные регионы и национальные республики. Поэтому в массовых всероссийских телефонных опросах большинством компаний (ВЦИОМ, ФОМ, Russian Field, IPSOS и др.) используются стратифицированные по федеральным округам выборки: каждый федеральный округ, а также по отдельности Москва и Санкт-Петербург образуют самостоятельную репрезентативную выборку, объём которой определяется долей взрослого населения данного округа в генеральной совокупности. Поскольку выборка, составленная из репрезентативных выборок, сама с необходимостью репрезентативна, такая стратификация позволяет снизить влияние различий между регионами по уровню достижимости респондентов. Однако это не решает проблему региональных

различий внутри страты. Стратифицировать же выборку по регионам не представляется возможным из-за слишком малого числа респондентов, приходящихся на большинство регионов в опросе со стандартным объёмом выборки (1000-1800 чел.). Поэтому выборки во всероссийских телефонных опросах имеют некоторое смещение по регионам. Данная статья посвящена измерению уровня этого смещения на материалах 13 волн наших опросов на социально-политическую тематику.

Материалы и методы исследования

Чтобы измерить региональные смещения выборок в массовых телефонных опросах на социально-политическую тематику, проанализируем региональный состав респондентов в 13 волнах телефонных опросов (САТ), проведённых Фондом социальных исследований с 10 марта 2022 г. по 15 апреля 2024 г. при участии авторов этих строк: 9 волн пришлось на 2022 год, 3 волны – на 2023 год и одна волна – на апрель 2024 года. Все выборки репрезентируют взрослое население России, стратифицированы по федеральным округам, Москва и Санкт-Петербург выделены отдельными стратами. Итого, в каждой выборке по 10 страт. Опросы проводились только по мобильным номерам. Базы контактов составлены генератором случайных номеров на основании самых свежих на момент проведения опросов диапазонов мобильных номеров, ежегодно выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи по регионам. Объём выборки в каждой волне составил около 1600 респондентов¹. Суммарный объём выборок составил 20 952 респондента.

¹ В первой волне N=1650, во второй – N=1625, в одиннадцатой – N=1605, в двенадцатой – N=1601 и в тринадцатой – N=1671. В остальных волнах выборка составила N=1600 респондентов. Различия между волнами по объёму выборок не значимы, поэтому ими можно пренебречь и рассчитывать доли регионов как для выборок, равных 1600 респондентов.

Для выявления специфических отличий некоторых регионов исследование дополнено анализом достижимости в массовых телефонных опросах на социально-политическую тематику жителей 11 регионов: Москва, Санкт-Петербург, Курская, Белгородская области, Краснодарский край, Свердловская область, Чечня, Бурятия, Башкортостан, Дагестан и Тыва. В каждом из регионов опрошено по 500 взрослых респондентов. В Тыве опрос проведён в 2024 году, в остальных регионах – в 2025 году. По каждому региону сформирована отдельная случайная выборка, номера телефонов сгенерированы описанным выше способом для каждого региона по отдельности.

Различия между регионами внутри стран – федеральных округов

Чтобы выявить регионы, жители которых систематически реже принимают участие в опросах, мы объединили данные по всем 13 волнам массовых телефонных опросов на социально-политическую тематику и рассчитали средние значения по каждому региону (таблица 1). В третьем столбце таблицы (X) приведено среднее по всем волнам опросов число респондентов по каждому региону. В четвёртом столбце (Y) приведены такие значения числа респондентов по каждому региону, какими они должны были бы быть в выборке размером 1600 человек, если бы доля региона в этой выборке точно соответствовала доле этого региона в генеральной совокупности с учётом числа номеров мобильных телефонов, приходящихся на каждого взрослого жителя², т.е. зна-

² Генеральной совокупностью является всё взрослое население России. Она рассчитана по данным Статистического бюллетеня Росстата о численности населения по полу и возрасту по субъектам РФ на 1.01.2022 (<https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13284>). Значения 2022 года выбраны, поскольку большинство опросов проведены в 2022 году и выборки для них рассчитаны на основании этих статистических данных. Количество номеров телефонов на жителя

чения четвёртого столбца являются пересчётом доли взрослого населения каждого региона на выборку размером 1600 респондентов. В пятом столбце представлены разницы (А) между средним числом респондентов по каждому региону в выборках и тем числом, каким оно должно было быть в случае полного соответствия выборки размером 1600 человек генеральной совокупности, т.е. разница между значениями третьего (Х) и четвёртого (Y) столбцов. Положительные значения свидетельствуют об избыточной представленности жителей данного региона в выборках, тогда как отрицательные – об их систематической недостаточности в выборках, т.е. достижимость респондентов по сравнению с другими регионами в данном федеральном округе ниже. Цветом выделены значимые разницы, рассчитанные по z-критерию с уровнем значимости 95%. Суммарный объём выборок составил 20 952 респондента, что позволяет получить для каждого региона достаточный объём выборки для вычисления среднего показателя участия в массовых телефонных политических опросах, а наличие 13 волн опросов, проведённых на протяжении трёх лет нивелирует воздействие региональных политических событий на готовность жителей данного региона участвовать в политических опросах.

каждого региона рассчитано на основании диапазонов мобильных номеров, выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи в каждом регионе

Таблица 1

СРАВНЕНИЕ ЧИСЛА РЕСПОНДЕНТОВ В ВЫБОРКАХ
ОПРОСОВ И В ГЕНЕРАЛЬНОЙ СОВОКУПНОСТИ

Страта	Регион	Среднее число в выборках (X)	Плановое число респондентов в регионе, исходя из числа номеров, приходящегося на 1 жителя региона (Y)	Разница между числом в выборках и в генеральной совокупности (A=X-Y)
ЦФО без Москвы	Белгородская область	19	14	5
	Брянская область	13	12	1
	Владимирская область	14	14	0
	Воронежская область	30	22	8
	Ивановская область	13	12	1
	Калужская область	11	12	-1
	Костромская область	7	8	-1
	Курская область	13	11	2
	Липецкая область	12	12	0
	Орловская область	9	10	-1
	Рязанская область	10	13	-3
	Смоленская область	12	10	2

Продолжение табл. 1

Страта	Регион	Среднее число в выборках (X)	Плановое число респондентов в регионе, исходя из числа номеров, приходящегося на 1 жителя региона (Y)	Разница между числом в выборках и в генеральной совокупности ($A=X-Y$)
ЦФО без Москвы	Тамбовская область	11	10	1
	Тверская область	15	15	0
	Тульская область	20	17	3
	Ярославская область	13	15	-2
	Московская область	100	95	5
МСК	<u>Москва</u>	137	149	-12
СЗФО без СПБ	Карелия	8	6	2
	Коми	7	9	-2
	Архангельская область	9	11	-2
	Вологодская область	14	11	3
	Калининградская обл.	9	9	0
	Мурманская область	8	8	0
	Новгородская область	8	6	2

Продолжение табл. 1

Страта	Регион	Среднее число в выборках (X)	Плановое число респондентов в регионе, исходя из числа номеров, приходящегося на 1 жителя региона (Y)	Разница между числом в выборках и в генеральной совокупности (A=X-Y)
СЗФО без СПБ	Псковская область	8	7	1
	Ленинградская область	28	24	4
СПБ	<u>Санкт-Петербург</u>	61	64	-3
ЮФО	Адыгея	4	4	0
	Калмыкия	4	3	1
	Крым и Севастополь	39	18	21
	Краснодарский край	53	80	-27
	Астраханская область	12	12	0
	Волгоградская область	25	25	0
	Ростовская область	37	41	-4
СКФО	Дагестан	22	29	-7
	Ингушетия	3	6	-3
	Кабардино-Балкария	11	8	3
	Карачаево-Черкессия	7	6	1
	Северная Осетия	10	8	2

Продолжение табл. 1

Страта	Регион	Среднее число в выборках (X)	Плановое число респондентов в регионе, исходя из числа номеров, приходящегося на 1 жителя региона (Y)	Разница между числом в выборках и в генеральной совокупности ($A=X-Y$)
СКФО	Чечня	5	14	-9
	Ставропольский край	40	34	6
ПФО	Башкортостан	37	38	-1
	Марий Эл	8	7	1
	Мордовия	10	8	2
	Татарстан	30	43	-13
	Удмуртия	17	15	2
	Чувашия	10	14	-4
	Пермский край	29	27	2
	Кировская область	16	13	3
	Нижегородская область	35	40	-5
	Оренбургская область	25	21	4
	Пензенская область	16	13	3
	Самарская область	42	37	5
	Саратовская область	30	24	6
	Ульяновская область	14	13	1

Продолжение табл. 1

Страта	Регион	Среднее число в выборках (X)	Плановое число респондентов в регионе, исходя из числа номеров, приходящегося на 1 жителя региона (Y)	Разница между числом в выборках и в генеральной совокупности (A=X-Y)
УФО	Курганская область	10	9	1
	Свердловская область	45	44	1
	ХМАО	11	21	-10
	ЯНАО	2	8	-6
	Тюменская область	20	16	4
	Челябинская область	40	34	6
СФО	Республика Алтай	2	2	0
	Тыва	1	4	-3
	Хакасия	5	7	-2
	Алтайский край	29	19	10
	Красноярский край	24	30	-6
	Иркутская область	30	26	4
	Кемеровская область	26	25	1
	Новосибирская область	26	32	-6
	Омская область	21	20	1
	Томская область	13	12	1

Окончание табл. 1

Страта	Регион	Среднее число в выборках (X)	Плановое число респондентов в регионе, исходя из числа номеров, приходящегося на 1 жителя региона (Y)	Разница между числом в выборках и в генеральной совокупности ($A=X-Y$)
ДФО	Бурятия	12	9	3
	Якутия	6	9	-3
	Забайкальский край	13	9	4
	Камчатский край	2	4	-2
	Приморский край	21	21	0
	Хабаровский край	13	14	-1
	Амурская область	11	7	4
	Магаданская область	1	2	-1
	Сахалинская область	4	6	-2
	Еврейская АО	1	2	-1
	Чукотский АО	1	1	0

При анализе данных таблицы отдельных пояснений заслуживают столичные регионы, представленные самостоятельными стратами. Даже в таких условиях до нужного объёма выборки стабильно не добирается несколько человек по Москве (-12) и Санкт-Петербургу (-3). Зато доли респондентов из Московской (5) и Ленинградской (4) областей ста-

бильно избыточны, однако это вызвано не высокой достижимостью их жителей, а стабильно избыточным числом номеров из этих регионов в выборках. Так происходит, поскольку Минцифры РФ не выдаёт мобильным операторам отдельных кодов на Москву и Санкт-Петербург, т.е. случайную базу номеров по этим регионам создать невозможно – в базу попадают и области вокруг этих городов. Таким образом, по Московской базе опрашиваются и москвичи, и жители Московской области, а по Петербургской – и петербуржцы и жители области, но опрошенные жители столиц попадают в свои отдельные страты, а респонденты из областей – в страты ЦФО без Москвы и СЗФО без Санкт-Петербурга соответственно. Поскольку в столицах достижимость значительно ниже, чем в их областях, на столицы приходится выделять базы большего объёма, чем должно быть по числу их жителей, соответственно, и в Московскую и Ленинградскую области тоже попадает большее число номеров, что приводит к избытку их жителей в стратах ЦФО и СЗФО. Трудности опроса жителей столиц с наибольшей вероятностью вызваны приводящим к усталости избытком поступающих им звонков (с опросами на разные темы, рекламными предложениями и другими запросами), большим количеством неподходящих для опроса номеров (телефонные номера организаций, номера, привязанные к различным устройствам передачи данных, шлагбаумам и другим дистанционно управляемым устройствам и т.п.), большим объёмом времени, когда респондент не может проходить опрос (в частности, из-за размеров столиц их жители вынуждены тратить на движение по городу больше времени, чем жители других городов).

В Южном федеральном округе наибольший избыток респондентов выявлен в Крыму (21), поскольку на каждого взрослого жителя там приходится наименьшее число телефонных номеров (чуть больше 2), а многие крымчане имеют номера соседних Краснодарского края (-27) и Ростовской области (-4). Соответственно, наибольший недостаток респондентов выявлен в этих

регионах, где ещё и номеров на жителя в разы больше, чем в Крыму: в Краснодарском крае – 7, в Ростовской области 5.

В самом труднодоступном для проведения опросов Северо-Кавказском округе межрегиональная разница выражена сильнее, чем в других округах. Сложнее всего опросить жителей Дагестана (-7) и Чечни (-9). Большее влияние традиционных норм в сочетании с повышенными рисками, с которыми для жителей этих регионов связано обсуждение политических событий, не позволяет многим участвовать в массовых опросах на политическую тематику, а проблемы с качеством мобильной связи в сельской местности делают задачу дозвониться до жителей данных республик более трудной. Среди респондентов из Чечни и Дагестана, по данным наших опросов, стабильно выражены значительные смещения выборок по полу и возрасту в сторону мужчин старше 40 лет, в то время как женщин и молодёжи в политических опросах почти вдвое меньше, чем должно быть, что создаёт систематические смещения выборок по социально-демографическому составу, которые, согласно исследованиям Лесли Киша, ставят под сомнение репрезентативность получаемых данных [9]. Ни по одному другому российскому региону столь выраженных социально-демографических различий не наблюдалось. В Ставропольском крае (6) достижимость респондентов значительно выше. По-видимому, меньшее влияние традиционных норм на уклад жизни людей и не столь выраженные последствия травматического опыта вооружённых конфликтов конца XX века позволяют жителям Ставрополя чаще соглашаться на участие в политических опросах, чем их соседям из других кавказских республик.

Регионы Поволжья относительно слабо различаются по достижимости респондентов. Значимо сложнее опросить только жителей Татарстана (-13).

В Уральском федеральном округе самыми проблемными по достижимости респондентов являются Ханты-Мансийский (-10)

и Ямало-Ненецкий (-6) автономные округа. Проблемы с мобильной связью в этих северных регионах, особенности труда значительного числа их жителей (добыча полезных ископаемых в тяжёлых условиях), множество проводимых федеральными компаниями (в частности, ВЦИОМ) опросов среди них, большее число номеров на взрослого жителя (7 в ХМАО, 9 в ЯНАО) и более выраженная в этих регионах неготовность людей обсуждать с незнакомыми людьми какие бы то ни было темы значительно осложняют любые телефонные опросы в данных регионах. С политической тематикой опросов это не связано: и в опросах ВЦИОМ отмечаются давно сложившиеся и стабильные трудности с достижимостью жителей этих регионов в телефонных опросах на любые темы. В то же время жителей Тюменской (4) и Челябинской (6) областей, где столицами являются крупные развитые города, а номеров на взрослого жителя по 5 в каждом регионе, в выборках в среднем больше, чем нужно.

В Сибирском федеральном округе низкой достижимостью выделяется Тыва (-3), на долю которой приходится вчетверо меньше респондентов, чем должно быть в соответствии с её долей во взрослом населении России. Жителей Алтайского края (10), напротив, в среднем легче опросить, чем их соотечественников из соседних регионов.

Специфика достижимости респондентов в отдельных регионах

Чем больше номеров данного региона нужно прозвонить в соответствии с требованиями³ к попыткам контакта для успешного опроса определённого числа респондентов, тем ниже дости-

³ На каждый номер совершается не менее трёх попыток контакта в случае, если не достигнут финальный статус (тот, на который не перезванивают: успешно, жёсткий отказ, офис/организация и т.п.).

жимость респондентов в этом регионе. Поэтому, чтобы выявить специфику достижимости респондентов в некоторых особо важных для политических опросов регионах, в августе 2024 (Тыва) и марте 2025 гг. (остальные регионы) нами проведен телефонный опрос на политическую тематику в 11 регионах России с одинаковой выборкой для каждого региона – по 500 успешных интервью. Разница в числе необходимых номеров для опроса одного и того же числа респондентов может быть связана с трудностями технической достижимости респондента (трудно дозвониться) или с низкой кооперацией респондентов (люди не хотят проходить опросы). Важным показателем готовности потенциальных респондентов участвовать в опросах является коэффициент кооперации. Он рассчитывается как «отношение опрошенных ко всем единицами наблюдения, удовлетворяющим условиям выборки, с которыми удалось связаться» [10, с. 39]. Чем выше его значение, тем чаще люди соглашаются на интервью и доводят его до конца. Формула для расчета коэффициента кооперации такова:

$$\frac{I}{(I + P) + R + O} = COOP,$$

где I — успешные интервью, P — прерванные интервью, R — отказы, O — другие случаи, когда состоялся контакт с респондентом, но не удалось провести успешное интервью.

Регионы для опроса выбраны нами, исходя из отнесения региона к одной из групп нашей классификации регионов по специфике факторов, влияющих на готовность их жителей участвовать в телефонных опросах на политическую тематику: столичные регионы (Москва и Санкт-Петербург), близкие к военным действиям регионы (Курская и Белгородская области, Краснодарский край), национальные республики (Чечня, Бурятия, Башкортостан, Дагестан и Тыва) и остальные регионы, которые в нашей выборке представляет Свердловская область. На рисунке 1 показано, сколько номеров потребовалось набрать,

чтобы опросить по 500 респондентов в каждом регионе и какие коэффициенты кооперации получены по этим регионам. Результаты подтверждают полученные нами на всероссийских выборках данные: столицы, Чечня, Дагестан и Тыва выделяются наибольшим числом необходимых для опроса телефонных номеров, т.е. наименьшей достижимостью респондентов. При этом москвичи, жители Чечни и Тывы выделяются низкими коэффициентами кооперации, т.е. в наименьшей степени готовы успешно проходить опросы. Однако здесь стоит оговориться, что на низкую достижимость столичных регионов повлияло несовпадение диапазонов, выделяемых Минцифры РФ регионам с границами столичных регионов, т.е. Москва и Санкт-Петербург являются отдельными регионами, но отдельных диапазонов номеров на них не выделено, поэтому, чтобы попасть в Москву например, приходилось звонить по номерам, сгенерированным и для Москвы, и для Московской области, отбирая при этом только москвичей, тогда как жители Московской области просто не проходили отбор. То же самое и с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью. Этим объясняется большое число номеров, необходимых для достижения респондентов из Москвы и Санкт-Петербурга.

Как и во всероссийских выборках, сильнее всех на общем фоне выделяются жители Чечни и Тывы, где число набранных номеров на 500 собранных анкет вдвое превзошло показатели других регионов. Это явно связано с техническими причинами: в обеих республиках это недостаточное пространственное покрытие телефонной связью и плохое качество соединений, а в Тыве ещё и большое количество номеров на одного взрослого человека (7). В итоге дозвониться в Тыву и Чечню оказалось значительно сложнее, чем в другие исследованные регионы.

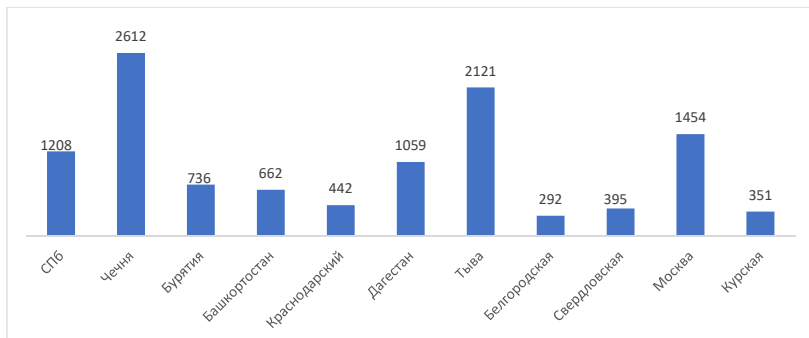

Рис. 1. Количество набранных номеров на 500 успешных интервью (тыс. номеров, 2025 г. (Тыва – 2024 г))

Что касается коэффициента кооперации, то ниже всего он также в Тыве (1,1%) и Чечне (1,3%). Как и во всероссийских опросах, низкие показатели выявлены в Москве (2,3%) (рисунок 2). В Башкортостане кооперация тоже низкая (2,9%), хотя по всероссийским опросам этого не выявлено.

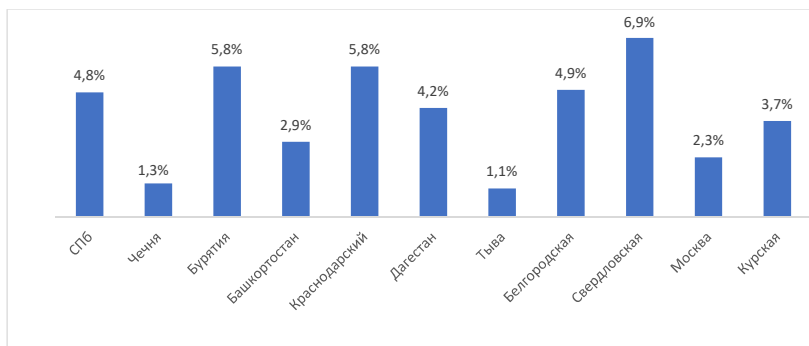

Рис. 2. Показатели коэффициента кооперации COOP1 (2025 г. (Тыва – 2024 г)) по исследованным регионам

В целом мы видим, что отличия по числу номеров и кооперации респондентов по регионам устойчиво велики и в значительной степени отражают отличия в технической доступности респондентов в этих регионах. Географическое покрытие, особенности технического подключения локальных операторов и число приходящихся на одного взрослого жителя номеров, выделенных для связи в данном регионе, формируют различные условия для доступности жителей и вероятности их охвата телефонными опросами.

Ограничения использованных методов исследования

Основные ограничения для использования собранных данных создаёт способ измерения принадлежности респондента к региону: во всех опросах региональная принадлежность измерена с помощью задаваемого респондентам вопроса о том, в каком регионе они живут постоянно. Однако высокая межрегиональная мобильность населения не всегда позволяет достоверно ответить на этот вопрос. Если респондент живёт в одном регионе, а работает вахтовым методом в другом, то часто не совсем понятно, в каком регионе он живёт постоянно. Объём только маятниковой миграции ещё в 2021 г. составлял 8% от всего занятого населения России [11]. Доля работающих вахтовым методом в последние годы увеличилась: об этом свидетельствуют исследования HH.ru, согласно которым в 2024 г. число вахтовых вакансий выросло на 74%, и 68% соискателей работы готовы работать в таком режиме [12]. В то же время доля живущих на несколько регионов россиян представляется не столь высокой, чтобы повлиять на результаты измерения межрегиональных различий по уровню достижимости респондентов.

Выводы и обсуждение результатов

Проведённое исследование показало наличие четырёх групп проблемных регионов, стабильная недостаточность жителей которых во всероссийских выборках не может быть полностью компенсирована стратификацией выборок по федеральным округам:

1. Столицы: Москва и Санкт-Петербург;
2. Национальные республики: Дагестан, Чечня, Татарстан и Тыва;
3. Особые уральские территории: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа;
4. Приграничные южные регионы: Ростовская область и Краснодарский край.

Нехватка в выборках респондентов из этих групп регионов снижает представленность их жителей во всероссийских политических опросах и создаёт угрозу систематических смещений всероссийских выборок по региональной принадлежности респондентов. Основной необходимой мерой для решения этой проблемы является генерация номеров для выборок в количестве, пропорциональном числу выделенных на каждый регион номеров мобильных телефонов, а не численности взрослого населения. Кроме того, решить эту проблему можно, взвешивая число номеров по каждому из проблемных регионов в базах контактов на коэффициент представленности данного региона в выборках, рассчитываемый как отношение доли респондентов в выборках, какой она должна быть в соответствии с параметрами генеральной совокупности, к реальной доле респондентов из этого региона в опросах: например, по ХМАО это отношение составляет 1,91. Соответственно, нужно количество номеров телефонов в базах контактов, выдаваемых для опроса жителей ХМАО, умножить на 1,91, т.е. увеличить объём базы ХМАО в 1,91 раза. Существенным недостатком такого способа является увеличение

затрат труда и времени для формирования баз контактов в разы. Для решения о целесообразности предложенной корректировки баз представляется полезным контролировать различия между проблемными и остальными регионами по измеряемым признакам. Если эти различия существенны, то стоит потратить лишние усилия на корректировку баз.

При этом такой способ не способен решить проблему, сопутствующую любому ремонту выборок: не понятно, насколько можно экстраполировать мнения успешно опрошенных жителей регионов с проблемной достижимостью на всех жителей этого региона, поскольку среди редких соглашающихся участвовать в опросах распределение мнений может быть иным, чем среди тех, кого не удалось опросить. Условно говоря, если в Чечне или Дагестане женщин в выборках почти вдвое меньше, чем должно быть в генеральной совокупности, мы, конечно, можем придать этим женщинам большие веса и отремонтировать выборку до нужных показателей, однако есть все основания полагать, что эти редкие опрошенные женщины отличаются от остальных по жизненному стилю, мировоззрению, уровню жизни и т.п., а значит, с высокой долей вероятности, и по политическим взглядам. Такая проблема характерна для любого региона, но в проблемных регионах её влияние сильнее, поскольку по ним смещения более выражены. Её решение ещё предстоит найти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Telephone Surveys in Europe / Ed. by S. Häder., M. Häder., M. Kühne. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012. 324 p. ISBN 978-3-642-25410-9. DOI: 10.1007/978-3-642-25411-6.
2. *Andreenkova A.* Russia // Telephone Surveys in Europe: Research and Practice / Ed. by S. Häder, M. Häder, M. Kühne. Berlin: Springer-Verlag, 2012. P. 3–17. ISBN 978-3-642-25410-9. DOI: 10.1007/978-3-642-25411-6_1.
3. *Blumberg S.J., Luke J.V.* Wireless Substitution: Early Release of Estimates from the National Health Interview Survey // National Center for Health Statistics.

2007. URL: <https://www.cablefax.com/Assets/wireless200705.pdf> (дата обращения: 06.02.2026).

4. *Lavrakas P. J.* Telephone Survey Methods: Sampling, Selection, and Supervision. SAGE Publications, 2008. 160 p. ISBN 978-0803926349.

5. *Сапонов Д. И.* Типы ошибок покрытия в телефонном опросе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015, № 4. С. 36-49. DOI: 10.14515/monitoring.2015.4.0. EDN: XBBCMP.

6. *Pariyo G. W., Meghani A., Gibson D., Ali J., Labrique A., Khan I. A., Al Kibria G. M., Masanja H., Hyder A. A., Ahmed S.* Effect of the data collection method on mobile phone survey participation in Bangladesh and Tanzania: Secondary analyses of a randomized crossover trial // JMIR Formative Research. 2023, vol. 7, № 1. DOI: 10.2196/38774.

7. *Tuckel P., O'Neill H.* The Vanishing Respondent in Telephone Surveys // Journal of Advertising Research. 2002, vol. 42, № 5. P. 26–48. DOI: 10.2501/jar-42-5-26-48.

8. *Звоновский В. Б., Ходыкин А. В.* Проблемы достижимости респондентов в опросах о российско-украинском конфликте // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024, № 4. С. 3-26. DOI: 10.14515/monitoring.2024.4.2549. EDN: FWLFFZ.

9. *Kish L.* Survey Sampling. New York: John Wiley & Sons, 1965. 643 p.

10. *Звоновский В. Б.* Реализация репрезентативной выборки в массовом опросе // Социологический журнал. 2007, № 4. С. 25-47. EDN: PCWAAF.

11. *Соколова А. А.* Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России // Проблемы развития территории. 2023, т. 27, № 4. С. 52–70. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.4. EDN: PIAZRV.

12. *Ходыкин А. В.* Трудности измерения социально-демографических показателей в массовых телефонных опросах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025, т. 25, вып. 5. № 1. С. 55-60. DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-1-55-60. EDN: NPIXAN.

Сведения об авторах

Звоновский Владимир Борисович

Доктор социологических наук, социолог Фонда социальных исследований.

Scopus ID: 8513453000

ResearcherID (WoS): AEJ-0097-2022

SPIN-код: 5589-3297

Elibrary author ID: 74299

Ходыкин Александр Владимирович

Кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии и психологии Самарского государственного экономического университета.

Scopus ID: 57215436300

ResearcherID (WoS): AAB-8675-2020

SPIN-код: 3376-6682

Elibrary author ID: 896399

Раскевич Александра Владимировна

Студентка магистратуры Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва.

Scopus ID: 59370666200

ResearcherID (WoS): PQB-0248-2026

SPIN-код: 5472-1292

Elibrary author ID: 1236205

Статья поступила в редакцию: 17.07.2025 г.

Статья принята к публикации: 21.04.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.1

**THE DIFFERENCE BETWEEN RUSSIAN REGIONS IN
TERMS OF ACCESSIBILITY OF RESPONDENTS IN MASS
TELEPHONE SURVEYS ON POLITICAL TOPICS**

Zvonovsky Vladimir B.,

Social Research Institute, Samara, Russia

zvb@socio-fond.com

ORCID: 0000-0002-8805-9028

Khodykin Alexander V.,

Samara State University of Economics, Samara, Russia

a.khodykin@socio-fond.com

ORCID: 0000-0003-0230-5775

Raskevich Alexandra V.,

Samara National Research University named after Academician

S.P. Korolev, Samara, Russia

a.raskevich@socio-fond.com

ORCID: 0009-0008-4278-7872

For citation: Zvonovsky V.B., Khodykin A.V., Raskevich A.V. The difference between Russian regions in terms of accessibility of respondents in mass telephone surveys on political topics. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 1(62), p. 7-35. DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.1.

Abstract. Residents of different regions of Russia differ in their willingness and ability to participate in telephone surveys on political topics: in some cases, accessibility is negatively affected by technical difficulties with the quality of mobile communications, in others, people's habits, cultural specifics, language barriers, or increased risks of discussing political topics lead them to refuse to participate in surveys more often. In general, to reduce the impact of regional differences in the accessibility of respondents in all-Russian surveys, research companies use samples stratified by federal districts, allowing them to offset differences between regions from different

districts. However, regional inequalities within the strata remain. Its level is measured in this article on the basis of 13 waves of All-Russian telephone polls on political topics conducted from March 10, 2022 to April 15, 2024, with the participation of the authors: 9 waves occurred in 2022, 3 waves in 2023 and one wave in April 2024. To identify specific differences in the accessibility of respondents from some regions, the study was supplemented by two waves of political telephone surveys conducted in 2024 and 2025 among residents of several Russian regions (500 people were interviewed in each region). The conducted research showed the presence of four groups of problematic regions, the stable insufficiency of whose inhabitants in the All-Russian samples cannot be fully compensated by stratification of samples by federal districts: capitals (Moscow and St. Petersburg); national republics (Dagestan, Chechnya, Tatarstan and Tuva); special Ural territories (Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets Autonomous Regions) and the southern border regions: Rostov and Krasnodar regions.

Keywords: telephone surveys, regions, response rate, methodological research, political surveys, representativeness, sampling, cooperation of respondents.

References

1. *Telephone Surveys in Europe*, ed. by S. Häder., M. Häder., M. Kühne. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012. DOI: 10.1007/978-3-642-25411-6.
2. Andreenkova A. "Russia", in: *Telephone Surveys in Europe: Research and Practice*, ed. by S. Häder, M. Häder, M. Kühne. Berlin: Springer-Verlag, 2012, p. 3–17. DOI: 10.1007/978-3-642-25411-6_1. ISBN 978-3-642-25410-9.
3. Blumberg S. J., Luke J. V. Wireless Substitution: Early Release of Estimates from the National Health Interview Survey, *National Center for Health Statistic*, 2007. URL: <https://www.cablefax.com/Assets/wireless200705.pdf> (date of access: 06.02.2026).
4. Lavrakas P.J. *Telephone Survey Methods: Sampling, Selection, and Supervision*. SAGE Publications, 2008. 160 p. ISBN 978-0803926349.
5. Saponov D.I. Types of coverage errors in a telephone survey (in Russian), *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 2015, no. 4. p. 36-49. DOI: 10.14515/monitoring.2015.4.0.

6. Pariyo G.W., Meghani A., Gibson D., Ali J., Labrique A., Khan I.A., Al Kibria G.M., Masanja H., Hyder A.A., Ahmed S. Effect of the data collection method on mobile phone survey participation in Bangladesh and Tanzania: Secondary analyses of a randomized crossover trial, *JMIR Formative Research*, 2023, vol. 7, no. 1. DOI: 10.2196/38774.
7. Tuckel P., O'Neill H. The Vanishing Respondent in Telephone Surveys, *Journal of Advertising Research*, 2002, vol. 42, no. 5, p. 26–48. DOI: 10.2501/jar-42-5-26-48.
8. Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. Problems of respondents' accessibility in surveys on the Russian-Ukrainian conflict (in Russian), *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 2024, no. 4, p. 3-26. DOI: 10.14515/monitoring.2024.4.2549.
9. Kish L. *Survey Sampling*. New York: John Wiley & Sons, 1965. 643 p.
10. Zvonovsky V.B. Implementation of a representative sample in a mass survey (in Russian), *Sociological Journal*, 2007, no. 4, p. 25-47.
11. Sokolova A.A. The scale of pendulum labor migration in the regions of Russia (in Russian), *Problems of territorial development*, 2023, vol. 27, no. 4, p. 52-70. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.4.
12. Khodykin A.V. Difficulties in measuring socio-demographic indicators in mass telephone surveys (in Russian), *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science*, 2025, vol. 25, issue 5, no. 1, p. 55-60. DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-1-55-60.

Information about the authors

Vladimir B. Zvonovsky

Doctor of Sociological Sciences, Sociologist at the Social Research Institute.

Scopus ID: 8513453000

ResearcherID (WoS): AEJ-0097-2022

SPIN-code: 5589-3297

Alexander V. Khodykin

Candidate of Sociological Sciences, Lecturer at the Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics.

Scopus ID: 57215436300

ResearcherID (WoS): AAB-8675-2020

SPIN-code: 3376-6682

Alexandra V. Raskevich

Graduate student at Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev.

Scopus ID: 59370666200

ResearcherID (WoS): PQB-0248-2026

SPIN-code: 5472-1292

**ОБЪЕКТИВНА ЛИ МОРАЛЬ? КЛАССИФИКАЦИЯ
МЕТОДОВ ИЗМЕРЕНИЯ ОБЫДЕННЫХ
МЕТАЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ**

Михалёва Влада Дмитриевна

Международная лаборатория
исследований социальной интеграции, НИУ ВШЭ,

Москва, Россия

Эл. почта: vmikhaleva@hse.ru

ORCID: 0009-0003-8375-9775

Для цитирования: *Михалёва В. Д.* Объективна ли мораль? Классификация методов измерения обыденных метаэтических представлений // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026. Т. 35, № 1(62). С. 36-70. DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.2. EDN: FXRKPY.

Статья посвящена исследованию и систематизации методов измерения обыденных представлений об объективности морали. Актуальность темы обусловлена растущим интересом к изучению того, как обычные люди, не имеющие философской подготовки, воспринимают природу моральных норм и их объективность. На основе анализа существующих подходов к измерению метаэтических представлений, автор показывает разнообразие методологических инструментов, применяемых в современных исследованиях. Показано, что наиболее распространённым методом остаётся метод разногласия, однако существуют и альтернативные подходы, такие как измерение имплицитных установок, прямые вопросы и другие. Автор полагает, что предложенная систематизация методов может послужить основой для дальнейшего развития исследований в области социологии морали и метаэтики.

Ключевые слова: метаэтика, обыденные метаэтические представления, метод разногласия, социология морали

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-070).

Введение. Исследования объективности морали

Последние два десятилетия в экспериментальной философии и психологии стало набирать популярность направление по изучению представлений людей об объективности морали (*folk metaethical claims*). Свои корни данная область черпает из метаэтики – философского направления, изучающего вопросы природы морали. В рамках этой дисциплины учёные пытаются определить на абстрактном уровне, какова сущность морали, существуют ли истинные нормы морали или это в целом невозможно, по каким правилам формируются моральные суждения и т.д. Около столетия данные вопросы оставались характерными для дисциплинарных границ философской этики, но в середине 2000-х начал возрастать интерес к данному направлению в рамках психологии, изучающему вопросы метаэтики в плоскости обыденных представлений [1]. На первый план выходит вопрос, насколько моральные нормы объективны в представлении людей без специализированного философского образования. А если они не являются объективными, то какими? И от чего это может зависеть?

Помимо философских концептуальных корней и психологического эмпирического инструментария, в данной области можно увидеть и социологические черты. Однако, по большей части, рассуждения об объективности морали в социологическом дискурсе можно найти в имплицитном виде. Так, Стиверс считает, что дюркгеймианский подход, в рамках которого «социальное» и «моральное» во многом отождествляется друг другу [2], предполагает наличие объективной моральной реальности, которая

проявляется при нарушении принятых моральных норм, что может являться частью метаэтического объективизма. С другой стороны, Маккаффри отмечает, что в работах Дюркгейма эта реальность не едина для всех обществ [3], что в большей степени характерно для метаэтического релятивизма. Говоря о взглядах Вебера, Абенд предполагает, что в его подходе не существует объективно истинных моральных норм для описания социальной жизни, что может свидетельствовать о релятивистской позиции [4]. Несмотря на то, что в работах Дюркгейма и Вебера можно найти рассуждения непосредственно о природе морали, они продолжают описывать устройство общества как такового, а не склонность людей к понимаю объективности морали.

В современной социологии морали существуют работы, эксплицитно использующие идеи «обыденной метаэтики». В большинстве случаев речь идёт о работах Габриэля Абенда, предлагающего не только реконцептуализацию философских концептов через отцов-основателей социологии [4] но и интеграцию изучения обыденных метаэтических представлений в предметную область социологии морали [4; 5]. Такой подход нашёл отражение в концепции «морального фона» (*the moral background*), дополняющего наши представления о том, что морально допустимо (нормативный уровень), а также наше поведение в моральном домене (поведенческий уровень) [5]. Сам же моральный фон, состоит из 6 компонентов (Абенд считает, что этот набор может быть расширен), в которые входят, и обыденные метаэтические представления. Таким образом, в работе Абенда изучение обыденной метаэтики выводится за дисциплинарные рамки психологии и философии, попадая в поле изучения и социологии [6].

Несмотря на многообразие работ в сфере изучения обыденных метаэтических представлений, одной из трудностей, с которыми сталкивается данная исследовательская область, является отсутствие единого инструментария, позволяющего унифи-

цировано измерять обыденные метаэтические представления. Необходимым первым шагом для создания такого унифицированного инструментария должны стать описание, и что самое главное, систематизация существующих или предлагаемых способов по измерению обыденных метаэтических представлений. Помимо методической компоненты подобная ревизия может подсветить проблемные места, которые возможно разрешить, в том числе, благодаря теоретическому и методологическому аппарату социологии морали. Целью этой статьи станет классификация существующих инструментариев для измерения обыденных метаэтических представлений. Для этого будет осуществлён литературный обзор, в рамках которого будут рассмотрены работы, где эксплицитно обозначен фокус на изучении обыденных метаэтических представлений.¹

Особенности современных исследований обыденных метаэтических представлений

Прежде, чем обсуждать существующие подходы к измерению обыденных метаэтических представлений, выделим основные общие черты данной исследовательской области. В первую очередь важно отметить, что современные исследования преимущественно фокусируются только на одном из множества вопросов, разрабатываемых в рамках метаэтики как философского направ-

¹ Конечно, вопрос методологии изучения воспринимаемой объективности моральных норм имеет более глубокие корни. В этой же статье будет упомянут инструментарий, разработанный в 80-х годах, который в том числе измеряет склонность к моральному релятивизму, а в последствии станет основой для инструментариев по измерению обыденных метаэтических суждений. И такой пример трудно считать единичным случаем. Но в рамках данной статьи кажется важным описать границы конкретного направления, ставящим перед собой основную цель по исследованию непосредственно обыденных метаэтических представлений в терминах, описанных ниже.

ления. Всего можно выделить 6 основных вопросов, разработкой которых занимаются представители философской метаэтики:

1. (*Значение*) Какова функция морального дискурса?
2. (*Метафизика*) Существуют ли моральные факты?
3. (*Эпистемология*) С помощью чего мы можем понять, что какие-то моральные суждения истинны или ложны?
4. (*Феноменология*) Как моральные качества представлены в опыте человека, которые он/она предлагает в качестве неких моральных суждений?
5. (*Моральная психология*) Какой мотивацией руководствуется человек, когда выносит моральные суждения? Есть ли связь между этим суждением и мотивацией?
6. (*Объективность*) Могут ли в целом моральные суждения быть или обладать свойством правильности или неправильности, истинности или ложности? [7]

Как уже было сказано, из всего этого списка вопросов в исследованиях обыденных метаэтических представлений чаще всего фокусируются на последнем пункте – объективности моральных норм. Такое ограничение, с одной стороны, позволяет проводить более консистентные исследования, хотя как будет видно из последующей классификации инструментариев для измерения обыденных метаэтических представлений, подходы к измерению довольно разнообразны даже в условиях узкого направления изучения только объективности морали. С другой стороны, такой фокус может не всегда положительно влиять на качество проводимых исследований – с теоретической точки зрения подобный подход может приводить к фрагментации феноменов, которые рассматривались через более широкую призму, включающую в себя большее количество вопросов.

Другой характеристикой развивающегося психологического подхода в изучении обыденных метаэтических представлениях стала установка на создание инструментария, подходящего для измерения моральных представлений не только в контексте одной

культуры, как это было ранее [8], но и в целом среди различных групп, культур [9]. Подобная попытка создания универсального инструментария отразилась в разработке так называемого «метода разногласия» (“the disagreement paradigm”), который будет обсуждаться далее.

Также, важным свойством данного направления исследований выступает имплицитно принимаемое предположение о соответствии обыденного восприятия морали тем теоретическим направлениям, которые разрабатываются в рамках метаэтики как философского направления. Это выражается в попытке определить возможные обыденные метаэтические представления через существующие концепции в метаэтики (реализм, объективизм, релятивизм, нон-когнитивизм и т.д.). Такой подход несёт за собой ряд трудностей, о которых будет упомянуто далее.

Последней особенностью, связанной с предшествующими пунктами, можно назвать сильную ограниченность в отборе тестируемых метаэтических теорий, а вследствие этого – и исследуемых обыденных представлений. В том числе из-за первоначальной идеи о склонности людей к объективизму, то есть к идее о том, что «область морали основана на универсальных и фундаментальных фактах, которые существуют (в значительной степени) независимо от убеждений, предпочтений, установок, норм или условностей людей» [10], исследования в области обыденной метаэтики сильно сфокусированы на изучении объективистских представлений². По этой причине, в начале развития исследовательской области многие работы были направлены на измерение объективистской позиции, а все остальные опции, если вообще предлагались, шли в категории «нон-объективизма»,

² Стоит разделять объективизм как ряд вопросов в философской метаэтике, связанных с возможностью наличия свойства объективности у моральных норм, и объективизмом как одним из возможных ответов на эти вопросы (как в философской, так и в обыденной метаэтике). Здесь и далее под объективизмом будет пониматься вторая интерпретация.

куда обычно попадали субъективизм или релятивизм (предположение о том, что моральные нормы основаны на убеждениях, предпочтениях, привычках, установках и других конвенциях людей [10]). Стоит отметить, что изначально метаэтический релятивизм и субъективизм не синонимичны друг другу: первый предлагает искать основания моральных суждений на уровне той или иной культуры [11], а второй – в индивидуальных, субъективных представлениях человека [12]. Несмотря на это, в части исследований обыденных представлений два этих термина очень часто приравниваются друг другу [13] или обозначаются как связанные между собой [14].

В последние годы исследователи расширяют пул метаэтических представлений, склонность обывателей к которым изучается эмпирически. Так, например, в работе Девиса [15] на место объективизма и релятивизма приходят натурализм (моральные факты являются частью природных явлений), ноннатурализм (моральные факты не являются частью природных явления), теория Божественного повеления (моральные факты определяются сверхъестественными факторами, связанными с решением Бога), релятивизм, нон-когнитивизм (моральные суждения описывают личные желания и предпочтения) и теория ошибки (все моральные суждения неверны). Такое расширение Девис обосновывает тем, что понятие объективизма слишком широкое, из-за чего не позволяет уловить различные вариации моральных суждений [15].

Другой схожей попыткой стала работа Кова, в которой выделяются следующие позиции: объективизм, эпистемологическая позиция, субъективизм, перспективизм, антиреализм и контекстуализм [16]. Из ещё не представленных ранее опций можно выделить:

- эпистемологическую позицию, которая является частным случаем объективизма, но предполагает, что невозможно установить, кто из сторон прав, так как для этого нет достаточного количества фактов;

- перспективизм, указывающий на возможность, что оба собеседника улавливают часть одной общей истины;
- контекстуализм, отвечающий за ситуацию, когда обе стороны спора правы из-за специфики конкретной ситуации [16].

Другим нововведением стала замена объективизма и нон-объективизма на более привычное для метаэтики разграничение на реализм и антиреализм, которые отсылают к независимости или же наоборот зависимости моральных фактов от человеческого разума [15]. Такой переход стал отличительной чертой определённой группы учёных (Pözlner, Colebrook, Wright), которая также предлагает новую перспективу к изучению обыденных метаэтических представлений. В ходе проведения исследований обыденных метаэтических представлений стали накапливаться противоречивые данные: склонность людей к объективизму сильно варьировалась от работы к работе, что в большей степени воспринималось как ошибка измерения, а не реальная закономерность. Райт [17] же предлагает пересмотреть такой взгляд, предложив концепцию морального плюрализма, которая отказывается от предполагаемого единства метаэтической позиции, как это было ранее. Предполагается, что люди могут быть одновременно как объективистами, так и релятивистами в зависимости от контекста различных моральных норм.

Исходя из этого, можно перечислить пять обозначенных черт современных исследований обыденных метаэтических представлений. Во-первых, фокусирование исследований на вопросах объективизма как возможности истинности моральных суждений. Во-вторых, отождествление философских концепций о возможной истинности моральных суждений с обыденным восприятием морали. В-третьих, изначальное фокусирование на изучении объективизма как преобладающей метаэтической позиции в обыденном восприятии. В-четвёртых, попытка расширения пула метаэтических представлений в современных исследова-

дованиях. И, в-пятых, гипотеза о метаэтическом плюрализме в обычном восприятии морали.

В вышеперечисленном можно заметить некоторые потенциальные трудности, характерные для этой исследовательской области. В первую очередь, они связаны с концептуализацией. Несмотря на довольно сильную проработку метаэтических теорий в философии, возможность прямого отождествления абстрактных понятий из философии обычному восприятию людей может сильно влиять на получаемые результаты – как с точки зрения выстраивания методологии, так и с точки зрения получаемой интерпретации. Возможно, отсюда и вытекает необходимость в метаэтическом плюрализме как попытке объяснить получаемые результаты. Трудность заключается в том, что такое объяснение скорее создаёт новые вопросы – какие именно это контексты, от чего это зависит, почему именно они, могут ли это быть разные наборы и так далее. Конечно, любая область изучения сталкивается с подобного рода вопросами – во многом научное знание построено на том, чтобы ответить на всё возникающие вопросы. Но кажется, что в данном случае более кропотливый подход к концептуализации мог бы ответить на часть существующих вопросов.

Подходы к измерению обыденных метаэтических представлений

После обозначенного общего контекста исследований в области обыденной метаэтики, можно перейти к вопросу о существующих методиках измерения метаэтических представлений. В начале будет обсуждён наиболее используемый инструментарий – метод разногласия, а также его модификации; после этого будут кратко описаны менее распространённые, но также используемые методики по измерению обыденных метаэтических представлений; в заключение, на основании данного анализа будет

предпринята попытка классификации существующих подходов к измерению обыденных метаэтических представлений.

Как уже было обозначено выше, основным фокусом исследований обыденной метаэтики остаётся моральный объективизм. По этой причине, описанные ниже инструментарии чаще всего будут предполагать измерение объективизма, но не будут ограничиваться только им. Кроме того, инструментарии, изначально измеряющие склонность людей к объективизму, в последствии стали использоваться и для измерения большего количества представлений (скептицизм, нон-когнитивизм и т.д.). Если инструментарий использовался для измерения объективизма и/или релятивизма, это не ограничивает его применение только этими представлениями – существует возможность использование инструментария и для других позиций (как это хорошо видно на примере метода разногласия).

Метод разногласия

Наиболее распространённый способ измерения обыденных метаэтических представлений – метод разногласия (*the disagreement paradigm*), предполагающий описание неоднозначных ситуаций (чаще всего споров двух людей), связанных с моральными вопросами, где респонденту необходимо оценить, какая из позиций верна. Важно, что в таких вопросах есть варианты ответа, отсылающие не только к правильности одной из сторон, но и предполагающие отсутствие «победителя». Например, в работе Биба и Сакриса [18] измерение обыденных метаэтических представлений было осуществлено через три блока вопросов:

1. Сначала исследователи предлагали оценить степень согласия с пулом суждений, которые относились к трём различным областям – фактической, этической и вкусовой. Например, одним из этических суждений формулировалось как «Плохо относиться к кому-либо по признаку его расы морально неправильно»

2. В следующем блоке респондентам было необходимо представить ситуацию, в которой их мнение по каждому из суждений, предложенных в первой части, оспаривалось другим человеком. После чего задавался вопрос “Может ли быть такое, что вы оба правы или как минимум кто-то из вас должен ошибаться?”. Как следует из самой формулировки, на выбор давались два варианта ответа – “Как минимум один из нас ошибается” и “Возможно, что мы оба правы”.

3. И на третьем этапе измерялось субъективное представление о степени, в которой предлагаемые суждения разделяются в обществе (субъективное восприятие консенсуса о конкретной норме).

Непосредственно к измерению обыденных метаэтических представлений с помощью метода разногласия относится второй этап, на котором ответ о том, кто “прав” становится индикатором позиции человека об объективности тех моральных норм, которые были предложены исследователями. В этом случае, ответ “Как минимум один из нас ошибается” отсылает к объективизму, а “Возможно, что мы оба правы” – к релятивизму.

Такое внимание к этой методике обосновывается несколькими причинами:

1. На данный момент метод разногласия является самым распространённым в данной исследовательской области – в большинстве своём в работах, посвящённых метаэтическим представлениям используется именно этот инструментарий [9; 17; 19; 20];

2. Разнообразие вариаций этой методки весьма велико, что может требовать отдельного рассмотрения его развития и трансформации;

3. Теоретические основания использования метода разногласий проистекают из философских теорий.

Если говорить более подробно о данном подходе, то стоит отметить, что используемый Бибом и Сакрисом [18] инструментарий, не только применялся в предыдущих работах, но в целом

ознаменовал начало активной работы в области изучения обыденных метаэтических представлений.

Другим примером метода разногласия может стать статья Николса [19], в которой поднимался вопрос “являются ли люди моральными объективистами?”. В исследовании испытуемым предлагался спор двух друзей, Джона и Фреда, о том, можно ли бить других людей, если тебе этого хочется. Было предложено три варианта:

1. Это нормально – бить людей только потому, что тебе так хочется, так что Джон прав, и Фред ошибается.

2. Нехорошо бить людей только потому, что тебе так хочется, так что Фред прав, а Джон неправ.

3. Не существует однозначных утверждений типа “Это нормально – бить людей только потому, что тебе так хочется”. В разных культурах верят в разные вещи, и не совсем верно или ложно, что это нормально – бить людей только потому, что тебе так хочется [19].

Шаблон двух первых суждений стал во многом эталонным для измерения метаэтического объективизма. При этом формулировка последней позиции часто критиковалась в последующих исследованиях, так как в ней смешивается несколько метаэтических позиций. В дальнейшем этот вариант ответа будет заменён на релятивистский с указанием на то, что оба участника могут быть правы [9].

Другим нововведением в этом методе стала попытка введения самого респондента внутрь “спора”. Так у Биба и Сакриса [18], разногласие формулируется через противоречие позиции самого респондента и некоего «другого», защищающего противоположную позицию. Также существуют исследования, в которых модифицируется “другой” [20], принимая обличье то представителя той же культуры, что и респондент, то представителя другой культуры.

Также существуют разные основания для выделения причин самих споров. Так, например, Девис использует теорию

моральных оснований Джонатана Хайдта, исследуя связь между обыденными метаэтическими представлениями и такими основаниями как Вред, Справедливость, Лояльность, Авторитет и Чистота [15]. В случае исследования Ковы [16] были использованы виньетки, связанные с ситуациями выбора по типу «жизнь/смерть». Нужно отметить, что в работе Ковы представлено большее количество возможных вариантов ответа, репрезентирующих другие потенциальные обыденные метаэтические представления помимо релятивизма и объективизма.

Если же вернуться к описанию «классического варианта метода разногласия», то стоит отметить, что изначально в исследованиях использовались дизайны, состоящие из трёх этапов (как, например, в уже упомянутом исследовании [18]):

1. *(Опционально)* Оценка объективности вкусовых предпочтений, моральных суждений, а также научных фактов;

2. *(Обязательно)* Непосредственно ситуация спора о каждом из суждений, в котором человеку необходимо выбрать «победителя»;

3. *(Опционально)* Оценка уровня конвенциональности каждого из утверждений.

На данный момент такая трёхчастная структура инструментария фактически не встречается. Для измерения обыденных метаэтических представлений используется только 2 этап, где респондентам необходимо указать на наличие верного ответа в споре о допустимости какого-либо поступка.

Существующие подходы к классификации методик измерения обыденных метаэтических представлений

На данный момент предпринято две попытки по классификации методик для измерения обыденных метаэтических суждений – Пелцлером и Райт [1], а также Бушем и Моссом [21]. Вторая работа включает большее количество исследований, а вследствие чего предлагает более широкую классификацию,

чем первая. По этой причине в первую очередь будут обсуждена работа Буша и Мосса [21]. Буш и Мосс выделяют три основных направления по измерению метаэтического объективизма и релятивизма: прямые вопросы, метод разногласия (он был подробно обсуждён выше), а также шкалы суждений [21].

Первый подход – прямые вопросы – подразумевает формулировки вопросов в терминах, приближенных к поставленным исследовательским вопросам (например, использование термина «объективность»). Такой подход использовался в работе Фишера и других [22], где в рамках одного из экспериментов задавался вопрос о допустимости различных явлений (преподавание эволюционной теории в школах, аборт, легализация оружия). Респонденту было необходимо оценить, насколько он согласен с тем, что существует объективно верный ответ на этот вопрос.

Другой подход, выделенный Бушем и Моссом, для измерения обыденных метаэтических представлений – шкалы суждений, которые представляют набор утверждений, степень согласия с которыми необходимо указать респонденту, из чего в дальнейшем строится индекс склонности к определённой метаэтической позиции [21]. Так, например, была разработана шкала из 10 суждений, измеряющая склонность к обыденному метаэтическому релятивизму [23]. Другим примером такого подхода может стать *New Meta-ethics Questionnaire*, целью которой стало измерение склонности респондентов к субъективизму и объективизму через набор из 8 суждений [13; 24]. Например, одно из суждений, выступающее индикатором объективизма, звучит следующим образом: «Если бы моральные нормы отличались от человека к человеку, было бы невозможно, чтобы люди жили вместе» [13]. Примером же суждения, измеряющего склонность к субъективизму, может стать следующее: «Моральные нормы носят личный характер, поэтому то, что морально приемлемо для одного человека, может быть аморальным для другого» [13].

Стоит отметить, что New Meta-ethics Questionnaire изначально разрабатывался на основе шкалы Ethics Position Questionnaire [25], с помощью которой измеряется склонность к идеализму и релятивизму. Среди суждений встречаются следующие – “Жесткая этическая позиция, которая запрещает определенные виды поступков, препятствует достижению лучших отношений между людьми и их приспособлению друг к другу” или же “Разные системы моральных принципов нельзя сравнивать по степени их правильности” [26]. Важно отметить, что данная шкала была предложена вне рамок исследовательской программы, изучающей метаэтические представления, но несмотря на это имеет влияние на создание инструментариев в области обыденной метаэтики. Как упоминалась ранее, EPQ легла в основу new meta-ethics questionnaire. Также часть суждений EPQ вошли в крупное социологическое исследование Measuring Morality [27], целью которого стало измерение различных моральных показателей, в том числе и метаэтических, на репрезентативной выборке среди жителей США. По мнению Буша и Мосса [21], трудности с использованием EPQ и основанных на нём шкал связаны с противоречивостью самих суждений, так как при ближайшем рассмотрении, каждое из них включает в себя не одну метаэтическую теорию, как это предполагается для каждого варианта ответа в методе разногласия, а сразу несколько, что сильно влияет как на сами результаты, так и на сложности с их интерпретацией.

Другая классификация методик для измерения обыденных представлений об объективности морали была предложена Пелцлером и Райт [1], в которой они выделяют три основных направления – метод разногласия, измерения, направленные на свойство приложимости истинности (*truth-aptness*)³, и альтерна-

³ При наличии свойства приложимости истинности моральные суждения могут характеризоваться как истинные или ложные; соответственно, если моральные суждения не обладают таким свойством, то описывать их в терминах истинности просто невозможно [28].

тивные способы. Коротко поговорим о втором подходе, который концентрируется на наличии свойства истинности у моральных норм. Пелцлер приводят пример одного из эксперимента Гудвина и Дарли [9], где испытуемым предлагалось оценить истинность предлагаемых суждений посредством трёх вариантов ответа – верное суждение, ложное суждение и мнение. Последний вариант ответа (предложенное суждение является мнением) отвечает за отсутствие у этого суждения свойства приложимости истинности, а значит не может быть ни верным, ни ложным. В случае выбора респондентом первого или второго ответа, суждение обладает данным свойством.

Другим вариантом инструментария, основанного на свойстве приложимости истинности, является инструментарий, использованный Пелцлером и Райт. В начале респондентом предлагалось определение данного свойства, а в дальнейшем задавался вопрос, обладают ли моральные суждения свойством приложимости истинности. Респондентам было необходимо выбрать из двух вариантов ответа – либо моральные суждения обладают свойством приложимости истинности, либо нет [29].

Более подробно поговорим о тех методах, которые попали в категорию альтернативных в классификации Пелцлера и Райт [1]. В первую очередь туда попали исследования, которые Буш и Мосс обозначили как шкалы суждений, где необходимо оценить степень согласия с рядом утверждений. Пелцлер и Райт проиллюстрировали такой подход исследованием Саркисяна и Фелана [30], где предлагались универсалистские суждения по типу “Существует единый моральный кодекс, который применим ко всем, независимо от убеждений или культурной идентичности любого отдельного человека”, что отсылает к идеям морального реализма.

Помимо этого, в альтернативные методы попадают исследования, где используются нестандартные с точки зрения жанра методики, основывающиеся на шутках [27] или же метафорах [29].

Методика измерения обыденных метаэтических представлений через шутки основывается на двух предположениях:

1. Различные типы суждений обладают отличной степенью воспринимаемой объективности. Так, факты воспринимаются как наиболее объективные, а вкусовые предпочтения – как наименее объективные. Моральные суждения находятся между фактами и вкусовыми предпочтениями по степени объективности [31].
2. Насколько шутка воспринимается шуткой, а также насколько она кажется смешной зависит от объективности предмета самой шутки. Шутки о фактах в меньшей степени воспринимаются смешными и шутками как таковыми. Вкусовые предпочтения, наоборот, делают шутку более смешной. [31].

Исходя из этих предположений была предпринята попытка оценить склонность к метаэтическому объективизму через шутки. Респондентам предлагалось три шутки про факты, мораль и вкусовые предпочтения. Исследователи оценивали, насколько предлагаемый текст воспринимается как шутка, а также насколько этот текст кажется смешным. Исходя из этого, оценивалось, насколько мораль воспринимается объективной в сравнении с фактами и вкусовыми предпочтениями [32].

В случае методики с использованием метафор, респондентам было необходимо выбрать одно суждение о моральных фактах. Каждое из них содержало в себе метафоричное описание одного из возможного обыденного метаэтического представления. Например, суждение, отвечающее за субъективизм, формулировалось следующим образом: «Моральные факты являются “индивидуальными изобретениями”. Они вводятся и определяются отдельными людьми». Релятивизм же определялся как «культурное изобретение» [29].

Кроме того, существует исследование, которое не успело войти в классификации Буша и Мосса или Пелцлера и Райт, но

всё предлагает иной подход к измерению обыденных метаэтических суждений. Речь идёт о статье уже упомянутых Пеллцера и Райт совместно с Вагнером [33]. Оригинальность подхода к измерению обыденных метаэтических представлений заключается в том, что помимо метода разногласия также используется тест на измерение имплицитных установок (IAT), который направлен на выявление неявных ассоциаций между понятиями в сознании людей. Эта связь устанавливается на основе задержек в выполнении простой задачи сортировки. Респонденты должны были сравнивать моральные суждения с уже устоявшимся набором научных фактов и личностных предпочтений. Эта статья [33], хотя является пока единственной работой с использованием подобной методики (соединения метода разногласия и теста IAT), имеет значение для всей области измерения обыденных метаэтических представлений, так как в ней впервые используются методы когнитивных исследований. В целом, работа делает попытку перехода измерения метаэтических представлений из русла субъективных оценок в область “объективных” показателей, но всё же остаётся единственной в этой области.

Качественные исследования обыденных метаэтических представлений

Как можно увидеть, все описанные выше исследования проводились в количественном дизайне, что характерно для этой области. Несмотря на это, существует две работы, которые пробуют перенаправить изучение обыденных метаэтических представлений из русла количественных методов в качественные – статья Мосса [34], а также работа Абенда [5].

Если говорить про статью Мосса, то в ней только обсуждается идея качественного подхода для изучения обыденных метаэтических представлений [34]. Такое предложение связано с двумя ограничениями существующих инструментариев:

1. Проблема понимания (*the problem of comprehension*)
2. Проблема комплексности (*the problem of complexity*)

Первая из них связана с тем, что в современных исследованиях нет чёткого понимания, как именно интерпретируются респондентами те ситуации и варианты ответов, которые предлагаются исследователями. Из чего следует серьёзные трудности, так как возникают вопросы, насколько с помощью метода разногласия измеряются непосредственно обыденные метаэтические представления, а не что-то иное. На самом деле, Мосс поднимает тему, которая в этой исследовательской сфере остаётся “за бортом”, а именно – вопрос валидности, хотя стоит заметить, что попытки осмысления качества инструментариев всё же были [1; 34].

Вторая трудность связана с комплексностью самой проблематики мэтаэтических представлений [34]. Как можно понять из существующего множества различных философских направлений по теме “природы морали”, нет никаких оснований полагать, что перенос этой тематики в обыденную плоскость позволит свести все метаэтические представления к паре направлений, как это происходит в современных исследованиях, зачастую тяготеющих к репрезентации только двух взглядов – объективизма и релятивизма. Кроме того, отдельным вопросом становится тот факт, насколько в реальности соотносятся те теоретические направления в этике, которые используются в существующих исследованиях, а также тем, каким образом упорядочены и каким языком выражаются подобные идеи среди обывателей.

Для самого Мосса данная проблема сводится к недостаточности не только вариантов ответов на предлагаемые вопросы, но и самих вопросов [34]. По его мнению, используемые инструментарии страдают от своей неполноты, что сильно ограничивает респондентов, а следственно побуждают их выражению не собственных взглядов, а тех, которые им предлагают исследователи. Выход из двух проблем измерения обыденных метаэтиче-

ских представлений – понимания и комплексности, по мнению Мосса, находится в качественных исследованиях, а точнее в проведении полуструктурированных интервью. Как можно понять из последующих публикаций в этой области, идея Мосса не прижалась, но, в целом, идея введения качественных методов, в том числе и интервью, в пул инструментов для исследования обыденных метаэтических представлений не лишена смысла, так как она может помочь с решением проблем, возникающих как с очевидной, так и экологической валидностью.

Реальной попыткой реализовать изучение обыденных метаэтических представлений стало исследование Абенда в рамках концепции морального фона. Кроме того, подход Абенда [5] представляет собой редкий случай изучения обыденных метаэтических представлений, так как они становятся лишь частью более общей концепции морального фона, и основной фокус изучения направлен сразу на 6 параметров, а не только на метаэтические представления, как это было в ранее упомянутых работах. Также, на данный момент эта работа является единственной в русле социологии морали, в которой эксплицитно обозначены и проблематизированы обыденные метаэтические представления. Но всё же главной особенностью становится выбранный Абендом исторический метод, в рамках которого анализируются источники, связанные с развитием американского предпринимательства. К сожалению, какого-либо алгоритма по вычленению метаэтических суждений Абенд не предлагает, но использование интерпретативных методов в рамках обыденной метаэтики остаётся важным.

*Классификация методов измерения
обыденных метаэтических суждений*

В первую очередь, решение о необходимости дополнительной классификации связано с попыткой встраивания метаэтической проблематики в социологию, что требует дополнитель-

ного осмысления данной области в терминах социальной науки. Отсюда была предпринята попытка по классификации инструментариев, направленных на изучение обыденных метаэтических представлений, на основе существующих эмпирических работ, эксплицитно обозначающих своим фокусом обыденную метаэтику. Так, например, EPQ не входит в эту классификацию, так как основная цель инструментария не сводилась к измерению обыденных метаэтических представлений, хотя он измеряет схожие концепты.

Если всё же попытаться систематизировать измерение обыденных метаэтических представлений по всем методикам, которые были обозначены выше, в разрезе качественного и количественного подходов, то можно представить следующую схему (рис.1). Что касается количественной методологии, то преобладающее большинство исследований реализуются с помощью экспериментального дизайна, что обусловлено предметной областью исследователей – психологией. В экспериментальный дизайн попадают следующие инструментарии:

- Изучающие наличие свойства приложимости истинности у моральных суждений [9; 29];
- Прямые вопросы об объективности моральных суждений [21; 22];
- Тест на измерение имплицитных установок (IAT) [33];
- Попытки измерения обыденные метаэтические представления с помощью метафор [29] и шуток [32].

Помимо эксперимента в качестве количественного метода по измерению обыденных метаэтических представлений можно выделить опрос. Кроме того, в опросный инструментарии попадают шкалы суждений такие как New Meta-ethics Questionnaire [13; 24] или шкала, предложенная Коллиер-Спруэл и другими исследователями [23].

Если говорить о наиболее распространённом инструментарии, то есть о методе разногласия, то он может попадать как в

экспериментальный [16], так и опросный метод в зависимости от дизайна, предложенного исследователями [15]. Также, метод разногласия может различаться по конфликтующим сторонам (спорит ли сам респондент с кем-то, либо спорят два человека без участия самого респондента), по основаниям спора (они могут основываться как на теории моральных оснований, так и на ситуациях, связанных с жизнью или смертью) и по типам исследуемых представлений (объективизм, релятивизм, нон-когнитивизм и т.д.).

В качественных методах указан документарный подход Абенда по изучению обыденных метаэтических представлений [5]. И хотя в этом случае представления были только частью морального фона, они были концептуализированы в той же логике, что и в предыдущих исследованиях – через философскую метаэтику с переносом существующих философских теорий на возможные обыденные метаэтические представления.

Помимо этого, в качественных методах отмечено и предложение Мосса по исследованию обыденных метаэтических представлений с помощью глубинных интервью [34]. А также на схеме можно увидеть набор методов – фокус-группа и включённое наблюдение в качественных методах и формализованное наблюдение с контент-анализом в количественных -, которые не были реализованы или отрефлексированы в рамках изучения обыденных метаэтических представлений. Как уже отмечал Мосс [34], качественная методология могла бы решить проблемы понимания и комплексности, которые возникают в современных исследованиях обыденной метаэтики. В том числе обогащая получаемые результаты обыденным представлением о морали в терминах, используемыми самим респондентом. Такая иллюстрация преследует своей целью показать сильную локализацию существующих методов и инструментариев в рамках экспериментального дизайна и, в целом, количественных подходов. Конечно, список потенциальных методов может быть дополнен.

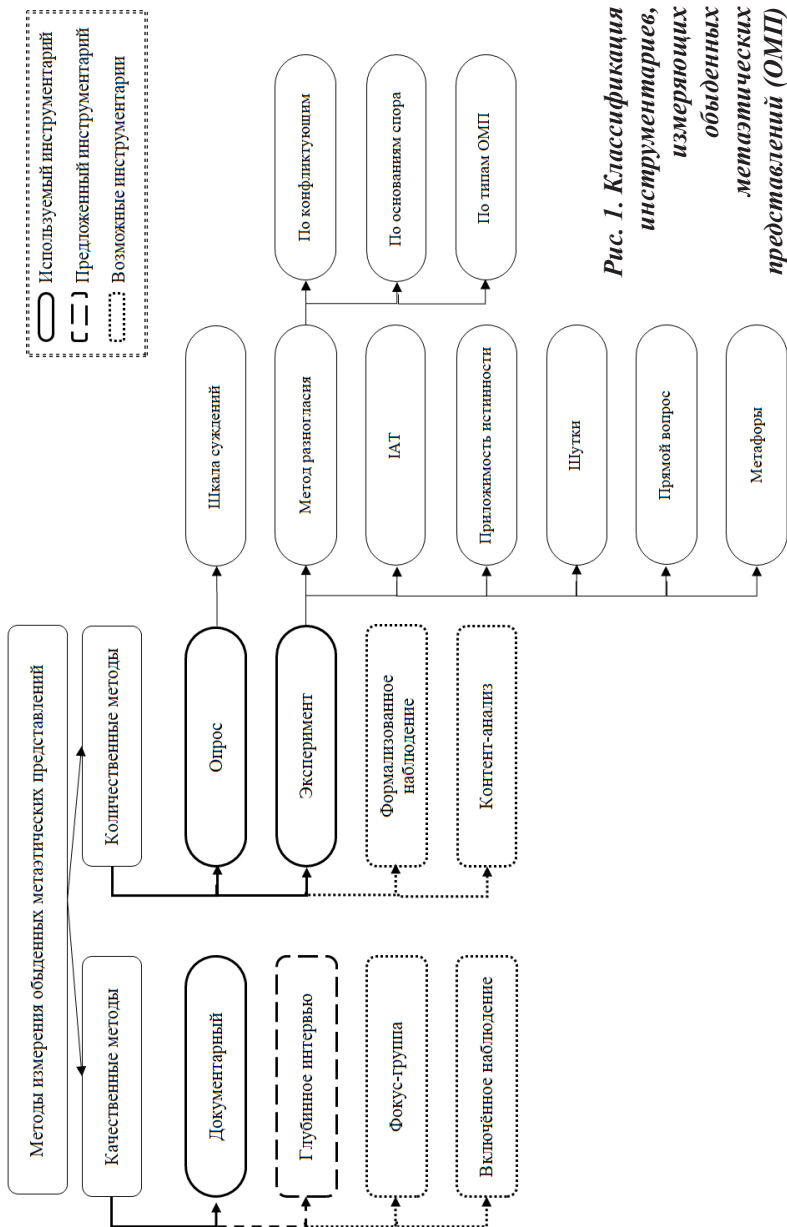

Рис. 1. Классификация инструментариев, измеряющих обыденных метаэтических представлений (ОМП)

Обсуждение. Трудности и перспективы измерения обыденных метаэтических представлений в русле социологии

Как можно увидеть из классификации, исследования обыденных метаэтических представлений сильно локализованы в экспериментальных/квази-экспериментальных дизайнах, что во многом связано с дисциплинарными особенностями исследователей. Кроме того, несмотря на возможное визуальное разнообразие методик в исследованиях обыденной метаэтики, большинство из них использовались либо в единичных случаях (IAT [33], шутки [32], метафоры [29], прямой вопрос [22], документарный [5]), либо являются лишь предложением к проведению подобного исследования (интервью [34]). В основном исследователи в области обыденной метаэтики прибегают к использованию метода разногласия [9; 17; 19; 20], который имеет относительно унифицированную форму, но не содержание, что сильно затрудняет сопоставление получаемых результатов в рамках данной исследовательской области.

Также важно вернуться к идее об отождествлении философских концепций обыденным представлениями людей о морали. Из этой особенности вытекает несколько трудностей, с которыми сталкивается данная область. Во-первых, серьезные вопросы возникают с оценкой очевидной валидности таких исследований, а в особенности – предлагаемых вариантов ответов. И хотя есть необходимость в проверке того, насколько интерпретации предлагаемых вариантов ответов респондентов соотносятся со смыслами, вкладываемыми исследователями, ряд автор уже высказывает опасения о возможных несоответствиях [1; 21]. Во-вторых, существуют трудности с переводом философских теорий на уровень обыденных формулировок и представлений. Это может быть связано как с общими проблемами операционализации, так и с тем, что ряд исследователей могут не всегда корректно интер-

претировать идеи, изложенными в философской метаэтике. Второй случай может, например, приводить к уже описанной ситуации смещения двух концепций – метаэтического релятивизма и субъективизма. Отсюда может возникать вопрос об адекватности решения о сопоставлении абстрактных, философских теорий с возможными взглядами людей на нормы морали.

Действительно ли человек, считающий, что в споре есть одна правильная позиция, разделяет взгляды метаэтического объективизма? Может быть ответ в том, что два человека просто разделяют разные нормы. Тогда каждая из метаэтических позиций может становится отношением людей к этой норме. Отчасти эта идея перекликается с предшествующими исследованиями (если вспомнить идеальное описание метода разногласия, то в начале исследователи определяли отношение человека к норме, которая в дальнейшем становилась предметом спора). Другим ответом может стать идея Абенда о моральном фоне [5] – метаэтическая позиция и другие элементы фона влияют на нормативный уровень, выстраивая его наполнение. Как мне кажется, в более широком рассмотрении, метаэтическая позиция, как и другие элементы морального фона, может становится более укоренившейся, первичной нормой, которую человек не может осознать, – именно поэтому она и становится обыденной. Скорее, это возможный вопрос, который мог бы дать возможность социологически посмотреть на те результаты, которые были получены в рамках уже проведённых исследований обыденной метаэтики.

С одной стороны, социология может предоставить теоретической осмысление как получаемым результатам, так и тем метаэтическим позициям, которые закладываются в исследования. Как уже было упомянуто, одним из таких теоретических источников может стать идея Абенда о «моральном фоне» [5], которая встраивает обыденные метаэтические представления в более общий теоретический контекст «наук о морали». Помимо идей

новой социологии морали, исследования обыденной метаэтики могут найти теоретические основания и в классической социологической теории. Как уже обозначалось во введении, идеи о природе морали встречаются и в работах Дюркгейма. Потенциально, идея о «релятивистском объективизме», то есть о существовании объективных моральных реальностей внутри отдельных обществ, может послужить как одним из социологических обоснований склонности людей к метаэтическому объективизму, так и теоретической рамкой для метаэтического плюрализма через возможные «контексты» – различные культуры. Результаты одного из исследований свидетельствуют о разнице в метаэтической позиции людей в зависимости от того, в рамках какой культуры обсуждаются моральные нормы – своей или «чужой». Так, большую склонность к релятивизму люди демонстрируют при оценке культур, к которым они не принадлежат [20].

С другой стороны, можно говорить о методологическом насыщении данной области. Это может выражаться как в проведении когнитивных интервью для оценки очевидной валидности существующих инструментариев, в том числе и метода разногласия, так и в проведении полноценных исследований, направленных на измерение обыденных метаэтических представлений. В том числе кажется довольно плодотворной идея Мосса [34] о необходимости проведения качественных исследований, в том числе и глубинных интервью, в области обыденной метаэтики, что позволило бы оценить смыслы и термины, которыми «непрофессионалы» описывают свои представления о природе моральных норм, что в дальнейшем позволило бы повысить качество и метода разногласия в том числе.

В целом, обыденные метаэтические представления могут рассматриваться в социологическом знании с двух позиций. В первую очередь, речь идёт о предметной области новой социологии морали. Уже упомянутый Абенд пытается развивать идеи морального фона непосредственно в рамках данного направле-

ния. Стоит отметить, что несмотря на заимствование концепции обыденных метаэтических представлений из философии и психологии, Абенда тяготеет к аналитической социологии морали [35], пытаясь объяснять феномены через социологическую теорию. И в этом подходе к обыденной метаэтике есть рациональное зерно, так как он предполагает недостающую концептуализацию подобным исследованиям. Насколько подход Абенда можно считать необходимым для этой задачи – вопрос дискуссионный. По крайней мере, он становится связующим звеном между уже существующими исследованиями и социологической теорией. С другой стороны, обыденная метаэтика может изучаться не только через концептуальный аппарат социологии морали. Ещё одной перспективой может стать то, что возможно поможет ответить на вопрос об адекватности отождествления философских концептов метаэтическим позициям, — это наконец попытка определить идею обыденности, что кажется, довольно старым социологическим вопросом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pözlner T., Wright J.C.* Empirical research on folk moral objectivism // *Philosophy Compass*. 2019, vol. 14, № 5. DOI: 10.1111/phc3.12589.
2. *Stivers R.* Towards a sociology of morality // *International Journal of Sociology and Social Policy*. 1996, vol. 16, № 1/2. P. 1–14. DOI: 10.1108/eb013238.
3. *McCaffree K.* Moral realism in historical sociological theory // *Journal of Historical Sociology*. 2019, vol. 32, № 1. P. 124–141. DOI: 10.1111/johs.12204.
4. *Abend G.* Two main problems in the sociology of morality // *Theory and Society*. 2008, vol. 37. P. 87–125. DOI: 10.1007/s11186-007-9044-y.
5. *Abend G.* The moral background: an inquiry into the history of business ethics // *The Moral Background: An Inquiry into the History of Business Ethics*. Princeton: Princeton University Press, 2014. 399 p. ISBN 978-0-691-15944-7.
6. *Быков А. В.* Еще три проблемы для социологии морали // *Социологические исследования*. 2026, № 1. С. 15-25. DOI: 10.7868/S3034601026010029.
7. *Miller A.* An introduction to contemporary metaethics. Malden: Polity, 2003. 320 p. ISBN 0-7456-2344-1.

8. Forsyth D., Berger R. The effects of ethical ideology on moral behavior // Journal of Social Psychology. 1982, vol. 117. P. 53–56. DOI: 10.1080/00224545.1982.9713406.
9. Goodwin G. P., Darley J. M. The psychology of meta-ethics: exploring objectivism // Cognition. 2008, vol. 106, № 3. P. 1339–1366. DOI: 10.1016/j.cognition.2007.06.007.
10. Wright J. C., Grandjean P. T., McWhite C. B. The meta-ethical grounding of our moral beliefs: Evidence for meta-ethical pluralism // Philosophical Psychology. 2013, vol. 26, № 3. P. 336–361. DOI: 10.1080/09515089.2011.633751.
11. Gowans C. Moral relativism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E. N. Zalta. Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2021.
12. Bagnoli C. Constructivism in metaethics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. Stanford: Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2024.
13. Yilmaz O., Bahçekapili H. G. Without God, everything is permitted? The reciprocal influence of religious and meta-ethical beliefs // Journal of Experimental Social Psychology. Elsevier BV. 2015, vol. 58. P. 95–100. DOI: 10.1016/j.jesp.2015.01.003.
14. Beebe J. R. How different kinds of disagreement impact folk metaethical judgments // Advances in experimental moral psychology. 2014. P. 167–187. DOI: 10.5040/9781472594150.ch-009.
15. Davis T. Beyond objectivism: new methods for studying metaethical intuitions // Philosophical Psychology. 2020, vol. 34. P. 125–153. DOI: 10.1080/09515089.2020.1845310.
16. Cova F. The need for measure calibration in experimental philosophy: the case of measures of folk objectivism // Oxford studies in experimental philosophy / Ed. by J. Knobe, S. Nichols. UK: Oxford University Press, 2024. Vol. 5. P. 72–106. DOI: 10.31234/osf.io/kcft9.
17. Wright J. C. The fact and function of meta-ethical pluralism: exploring the evidence // Oxford Studies in Experimental Philosophy / Ed. by T. Lombrozo, J. Knobe, S. Nichols. Oxford University Press Oxford, 2018. Vol. 2. P. 119–150. DOI: 10.1093/oso/9780198815259.003.0006.
18. Beebe J., Sackris D. Moral objectivism across the lifespan // Philosophical Psychology. 2016, vol. 29, № 6. P. 912–929. DOI: 10.1080/09515089.2016.1174843.
19. Nichols S. After objectivity: an empirical study of moral judgment // Philosophical Psychology. 2004, vol. 17, № 1. P. 3–26. DOI: 10.1080/095150804200202354.
20. Sarkissian H., Park J., Tien D., Wright J. C., Knobe J. Folk moral relativism // Mind & Language. 2011, vol. 26, № 4. P. 482–505. DOI: 10.1111/j.1468-0017.2011.01428.x.

21. *Bush L., Moss D.* Misunderstanding Metaethics: Difficulties Measuring Folk Objectivism And Relativism // *Diametros*. 2020, vol. 17, № 64. P. 6–21. DOI: 10.33392/diam.1495.

22. *Fisher M., Knobe J., Strickland B., Keil F.C.* The influence of social interaction on intuitions of objectivity and subjectivity // *Cognitive Science*. 2017, vol. 41, № 4. P. 1119–1134. DOI: 10.1111/cogs.12380.

23. *Collier-Spruel L., Hawkins A., Jayawickreme E., Fleeson W., Furr R. M.* Relativism or tolerance? Defining, assessing, connecting, and distinguishing two moral personality features with prominent roles in modern societies // *Journal of personality*. 2019, vol. 87, № 6. P. 1170–1188. DOI: 10.1111/jopy.12466.

24. *Yilmaz O., Bahçekapili H. G.* Meta-ethics and the mortality: Mortality salience leads people to adopt a less subjectivist morality // *Cognition*. 2018, vol. 179. P. 171–177. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.06.014.

25. *Forsyth D.* A taxonomy of ethical ideologies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980, vol. 39, № 1. P. 175–184. DOI: 10.1037/0022-3514.39.1.175.

26. *Фёдоров А. А., Бадиев И. В.* Валидизация русскоязычной версии опросника этических позиций // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2018, т. 15, № 3. С. 491–509. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-3-491-509.

27. *Measuring Morality* // The Kenan Institute for Ethics at Duke University [site]. URL: <https://kenan.ethics.duke.edu/attitudes/resources/measuring-morality/> (date of access: 03.08.2025).

28. *Van Roojen M.* Moral Cognitivism vs. Non-Cognitivism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*/ Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2018.

29. *Pözlner T., Wright J.C.* Anti-realist pluralism: a new approach to folk metaethics // *Review of Philosophy and Psychology*. 2020, vol. 11, № 1. P. 53–82. DOI: 10.1007/s13164-019-00447-8.

30. *Sarkissian H., Phelan M.* Moral objectivism and a punishing God // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2019, vol. 80. P. 1–7. DOI: 10.1016/j.jesp.2018.08.012.

31. *Enoch D.* *Why I Am an Objectivist About Ethics (and Why You Are, Too)* // *The Ethical Life* / Ed. by R.S. Landau. UK: Oxford University Press, 2014.

32. *Zijlstra L.* Are people implicitly moral objectivists? // *Review of Philosophy and Psychology*. 2023, vol. 14, № 1. P. 229–247. DOI: 10.1007/s13164-021-00593-y.

33. *Wagner J. M. J., Pözlner T., Wright J. C.* Implicit metaethical intuitions: validating and employing a new IAT procedure // *Review of Philosophy and Psychology*. 2023, vol. 14, № 1. P. 1–31. DOI: 10.1007/s13164-021-00572-3.

34. *Moss D.* Experimental philosophy, folk metaethics and qualitative methods // *Teorema*. 2017, vol. 36. P. 185–203.

35. *Быков А. В.* Когнитивная и аналитическая перспективы в новой социологии морали: основания различения и ключевые особенности // Социологический журнал. 2024, т. 30, № 1. С. 26–42. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.2.

Сведения об авторе

Михалёва Влада Дмитриевна

Стажер-исследователь, аспирант Международной лаборатории исследований социальной интеграции, НИУ ВШЭ

Статья поступила в редакцию: 05.08.2025 г.

Статья принята к публикации: 07.04.2026 г.

**IS MORALITY OBJECTIVE? CLASSIFICATION OF
METHODS FOR MEASURING FOLK META-ETHICAL
CLAIMS**

Mikhaleva Vlada D.

International Laboratory for Social Integration Research, HSE,
Moscow, Russia
vmikhaleva@hse.ru
ORCID: 0009-0003-8375-9775

For citation: Mikhaleva V.D. Is morality objective? Classification of methods for measuring folk meta-ethical claims. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 1(62), p. 36-70. DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.2.

Abstract. This article investigates and systematizes methods for measuring folk beliefs about the objectivity of morality. The relevance of the topic stems from the growing interest in understanding how ordinary people, without philosophical training, perceive the nature of moral norms and their objectivity. Based on an analysis of existing approaches to measuring folk metaethical claims, the author demonstrates the diversity of methodological tools used in contemporary research. It is shown that «the disagreement paradigm» remains the most common approach, while alternative methods such as measuring implicit attitudes, direct questioning, and others also exist. The author argues that the proposed systematization of methods can provide a foundation for the further development of research in the sociology of morality and metaethics.

Keywords: metaethics, folk metaethical claims, the disagreement paradigm, sociology of morality.

Acknowledgments: The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at HSE University (HSE-BR-2025-070).

References

1. Pözlzer T., Wright J.C. Empirical research on folk moral objectivism, *Philosophy Compass*, 2019, vol. 14, no 5. DOI: 10.1111/phc3.12589.
2. Stivers R. Towards a sociology of morality, *International Journal of Sociology and Social Policy*, 1996, vol. 16, no. 1/2, p. 1–14. DOI: 10.1108/eb013238.
3. McCaffree K. Moral realism in historical sociological theory, *Journal of Historical Sociology*, 2019, vol. 32, no. 1, p. 124–141. DOI: 10.1111/johs.12204.
4. Abend G. Two main problems in the sociology of morality, *Theory and Society*, 2008, vol. 37, p. 87–125. DOI: 10.1007/s11186-007-9044-y.
5. Abend G. The moral background: an inquiry into the history of business ethics, *The Moral Background: An Inquiry into the History of Business Ethics*. Princeton: Princeton University Press, 2014. 399 p. ISBN 978-0-691-15944-7.
6. Bykov A.V. Three More Problems for the Sociology of Morality (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2026, no. 1, p. 15-25. DOI: 10.7868/S3034601026010029.
7. Miller A. *An introduction to contemporary metaethics*. Malden: Polity, 2003. 320 p. ISBN 0-7456-2344-1.
8. Forsyth D., Berger R. The effects of ethical ideology on moral behavior, *Journal of Social Psychology*, 1982, vol. 117, p. 53–56. DOI: 10.1080/00224545.1982.9713406.
9. Goodwin G.P., Darley J.M. The psychology of meta-ethics: exploring objectivism, *Cognition*, 2008, vol. 106, no. 3, p. 1339–1366. DOI: 10.1016/j.cognition.2007.06.007.
10. Wright J.C., Grandjean P.T., McWhite C.B. The meta-ethical grounding of our moral beliefs: Evidence for meta-ethical pluralism, *Philosophical Psychology*, 2013, vol. 26, no. 3, p. 336–361. DOI: 10.1080/09515089.2011.633751.
11. Gowans C. “Moral relativism”, in: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed. by E.N. Zalta. Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2021.
12. Bagnoli C. “Constructivism in metaethics”, in: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Stanford: Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2024.

13. Yilmaz O., Bahçekapili H.G. Without God, everything is permitted? The reciprocal influence of religious and meta-ethical beliefs, *Journal of Experimental Social Psychology*. Elsevier BV, 2015, vol. 58, p. 95–100. DOI: 10.1016/j.jesp.2015.01.003.
14. Beebe J.R. How different kinds of disagreement impact folk metaethical judgments, *Advances in experimental moral psychology*, 2014, p. 167–187. DOI: 10.5040/9781472594150.ch-009.
15. Davis T. Beyond objectivism: new methods for studying metaethical intuitions, *Philosophical Psychology*, 2020, vol. 34, p. 125–153. DOI: 10.1080/09515089.2020.1845310.
16. Cova F. “The need for measure calibration in experimental philosophy: the case of measures of folk objectivism”, in: *Oxford studies in experimental philosophy*, ed. by J. Knobe, S. Nichols. UK: Oxford University Press, 2024, vol. 5, p. 72–106. DOI: 10.31234/osf.io/kcft9.
17. Wright J.C. “The fact and function of meta-ethical pluralism: exploring the evidence”, in: *Oxford Studies in Experimental Philosophy*, ed. by T. Lombrozo, J. Knobe, S. Nichols. Oxford University Press Oxford, 2018, vol. 2, p. 119–150. DOI: 10.1093/oso/9780198815259.003.0006.
18. Beebe J., Sackris D. Moral objectivism across the lifespan, *Philosophical Psychology*, 2016, vol. 29, no. 6, p. 912-929. DOI: 10.1080/09515089.2016.1174843.
19. Nichols S. After objectivity: an empirical study of moral judgment, *Philosophical Psychology*, 2004, vol. 17, no. 1, p. 3–26. DOI: 10.1080/0951508042000202354.
20. Sarkissian H., Park J., Tien D., Wright J.C., Knobe J. Folk moral relativism, *Mind & Language*, 2011, vol. 26, no. 4, p. 482–505. DOI: 10.1111/j.1468-0017.2011.01428.x.
21. Bush L., Moss D. Misunderstanding Metaethics: Difficulties Measuring Folk Objectivism And Relativism, *Diametros*, 2020, vol. 17, no. 64, p. 6–21. DOI: 10.33392/diam.1495.
22. Fisher M., Knobe J., Strickland B., Keil F.C. The influence of social interaction on intuitions of objectivity and subjectivity, *Cognitive Science*, 2017, vol. 41, no. 4, p. 1119–1134. DOI: 10.1111/cogs.12380.
23. Collier-Spruel L., Hawkins A., Jayawickreme E., Fleeson W., Furr R.M. Relativism or tolerance? Defining, assessing, connecting, and distinguishing two moral personality features with prominent roles in

- modern societies, *Journal of personality*, 2019, vol. 87, no. 6, p. 1170–1188. DOI: 10.1111/jopy.12466.
24. Yilmaz O., Bahçekapılı H.G. Meta-ethics and the mortality: Mortality salience leads people to adopt a less subjectivist morality, *Cognition*, 2018, vol. 179, p. 171–177. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.06.014.
25. Forsyth D. A taxonomy of ethical ideologies, *Journal of Personality and Social Psychology*, 1980, vol. 39, no. 1, p. 175–184. DOI: 10.1037/0022-3514.39.1.175.
26. Fedorov A.A., Badiev I.V. Validation of the Russian-Language Version of the Ethics Position Questionnaire (in Russian), *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, vol. 15, no. 3, p. 491–509. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-3-491-509.
27. Measuring Morality, *The Kenan Institute for Ethics at Duke University* [site]. URL: <https://kenan.ethics.duke.edu/attitudes/resources/measuring-morality/> (date of access: 03.08.2025).
28. Van Roojen M. “Moral Cognitivism vs. Non-Cognitivism”, in: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2018.
29. Pölzler T., Wright J.C. Anti-realist pluralism: a new approach to folk metaethics, *Review of Philosophy and Psychology*, 2020, vol. 11, no. 1, p. 53–82. DOI: 10.1007/s13164-019-00447-8.
30. Sarkissian H., Phelan M. Moral objectivism and a punishing God, *Journal of Experimental Social Psychology*, 2019, vol. 80, p. 1–7. DOI: 10.1016/j.jesp.2018.08.012.
31. Enoch D. “Why I Am an Objectivist About Ethics (and Why You Are, Too)”, in: *The Ethical Life*, ed. by R.S. Landau. UK: Oxford University Press, 2014.
32. Zijlstra L. Are people implicitly moral objectivists? *Review of Philosophy and Psychology*, 2023, vol. 14, no. 1, p. 229–247. DOI: 10.1007/s13164-021-00593-y.
33. Wagner J.M.J., Pölzler T., Wright J.C. Implicit metaethical intuitions: validating and employing a new IAT procedure, *Review of Philosophy and Psychology*, 2023, vol. 14, no. 1, p. 1–31. DOI: 10.1007/s13164-021-00572-3.
34. Moss D. Experimental philosophy, folk metaethics and qualitative methods, *Teorema*, 2017, vol. 36, p. 185–203.

35. Bykov A.V. The New Sociology of Morality: Cognitive and Analytical Perspectives (in Russian), *Sotsiologicheskiy Zhurnal [Sociological Journal]*, 2024, vol. 30, no. 1, p. 26–42. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.2.

Information about the authors

Vlada D. Mikhaleva

Research Assistant, Doctoral Student of the International Laboratory for Social Integration Research, HSE.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.3

EDN: VYEWME

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ПРОБЛЕМЫ
ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Пузанова Жанна Васильевна

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия

Эл. почта: Puzanova-zhv@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-7405-3303

Ларина Татьяна Игоревна

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия

Эл. почта: Larina-ti@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-1331-1302

Бобкова Софья Владимировна

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия

Эл. почта: 1132226032@rudn.ru

ORCID: 0009-0009-5729-9983

Для цитирования: Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Бобкова С.В. Социологический потенциал автоматического анализа эмоционального восприятия проблемы домашнего насилия // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026. Т. 35, № 1(62). С. 71-94. DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.3. EDN: VYEWME.

Статья представляет результаты пилотажного исследования, направленного на апробацию автоматического анализа эмоций с помощью ПО «EmoDetect» для изучения восприятия сенситивных тем в эмпирической социологии. В качестве кейса выбрана тема домашнего насилия.

Методология. Исследование представляет собой эксперимент (N=43) с использованием метода онлайн-анкетирования с целью измерения социальной установки по отношению к теме домашнего насилия (две волны, до демонстрации роликов и анализа эмоций, и после этого этапа). Участникам показаны три ролика о домашнем насилии с различными акторами – насилие над женщиной со стороны мужчины, над мужчиной со стороны женщины, и над ребенком со стороны женщины. Для анализа эмоций во время просмотра роликов использовано ПО «EmoDetect».

Результаты. Установлено, что автоматический анализ эмоций является перспективным инструментом для социологии, снижающим эффект социальной желательности. Выявлены гендерные различия в реакциях: женщины демонстрируют более негативные установки, а мужчины – более высокие уровни экспрессии гнева. Наиболее эмоциогенным роликом признан ролик о насилии над ребенком. Обнаружено частичное несоответствие вербализованных эмоций и данных анализ ПО «EmoDetect», что указывает на необходимость учета факторов эмоционального интеллекта. Впервые в отечественной социологии продемонстрирована возможность применения ПО «EmoDetect» для изучения эмоциональных реакций респондентов на сенситивный контент. Результаты открывают возможности для более эффективной разработки социальной рекламы, формирования выборки для качественных исследований и объективного изучения восприятия социально значимых проблем.

Ключевые слова: эмоции, сенситивная тематика, социальная установка, домашнее насилие, эксперимент, ПО «EmoDetect».

Благодарности: Статья подготовлена в рамках инициативной НИР РУДН № 100942-0-000 «Социальные практики и барьеры восприятия территории РУДН как локального центра притяжения в городе: сравнительный анализ мнений студентов, сотрудников и местных жителей»

Введение

Современные технологии искусственного интеллекта (далее ИИ) сегодня активно применяются в качестве эффективного инструмента в научных исследованиях, включая социальные науки. Их использование не только позволяет автоматизировать сбор и обработку больших объемов данных, но и открывает возможности для более глубокого изучения сложных, чувствительных тем, в том числе феномена домашнего насилия. Современные алгоритмы машинного обучения и технологии эмоционального ИИ (Emotion AI) способны распознавать мимику, голос, лексику и поведенческие реакции, выявляя эмоциональные состояния человека с высокой степенью точности.

Несмотря на то, что подобные технологии на нынешнем этапе несовершенны, развитие возможностей эмоционального ИИ способствует расширению методологического инструментария социологии, что позволяет исследователям учитывать эмоциональную динамику респондентов в исследованиях, затрагивающих чувствительные тематики. Технологии, изначально активно применявшиеся в основном в автоматизированном производстве, маркетинге и медицине, сегодня могут быть адаптированы для гуманитарных дисциплин. Так, системы распознавания эмоций, основанные на нейросетевых моделях, революционизировали научные исследования, предоставив социологам мощные инструменты для анализа данных и выявления паттернов [1].

В социологических исследованиях использование ИИ может быть особенно эффективно при работе с темами, где традиционные методы опроса ограничены из-за высокого уровня чувствительности и риска травматизации респондентов. Домашнее насилие – именно такой пример. В подобных исследованиях эмоциональные реакции участников зачастую выражаются невербально или имплицитно, а также эмоции могут попросту не осознаваться самими респондентами, что затрудняет их фиксацию и

интерпретацию. Автоматизированный анализ способен восполнить этот пробел, предоставляя исследователю дополнительный срез данных о степени напряжения и эмоциональных триггерах.

Кроме того, применение ИИ способствует формированию более этичных и безопасных исследовательских практик. Эмоциональный анализ, проводимый алгоритмами, снижает риск субъективной интерпретации и минимизирует прямое вмешательство человека в процесс фиксации эмоциональных реакций, что особенно значимо при работе с чувствительными тематиками. При этом актуальной задачей становится обеспечение прозрачности и этичности алгоритмов, корректная вторичная интерпретация полученных данных и недопущение механистического подхода к человеческим эмоциям.

Автоматическое распознавание эмоций позволяет не только переосмыслить роль ИИ в эмпирических исследованиях, но и открыть новые возможности для изучения эмоциональной составляющей восприятия социальных проблем. Рассмотрение этой темы на примере домашнего насилия представляет собой шаг к формированию более комплексного и чувствительного к человеческому опыту подхода в современной социологии.

Анализ эмоционального восприятия тем социологических исследований респондентами сейчас возможно реализовать автоматически при помощи специальных программ. ПО EmoDetect¹ является одной из доступных в России программ распознавания эмоций, она основана на разработке П. Экмана и У. Фризена – системе кодирования лицевых движений (Facial action coding system, FACS) [2]. Программа позволяет проводить анализ эмоций как в реальном режиме времени, так и работать с загруженными видео. В ходе анализа исследователь получает информацию о проявленности 6 базовых эмоций (радость, грусть, гнев,

¹ Официальный сайт «Эмодетект» // Emodetect: [сайт]. URL: <https://emodetect.ru/> (дата обращения 20.10.2025).

удивление, отвращение и страх) на основе анализа локальных признаков лица.

Несмотря на то, что анализ эмоциональных состояний – стремительно развивающаяся область, особенно в психологической сфере, в научных статьях по социологии пока не так часто встречаются упоминания использования именно этой программы. ПО «ЕmoDetect» было использовано крымскими учеными для определения восприятия крымской символики (геральдики) с целью популяризации в общественном сознании и дальнейшего конструирования территориальных образов будущего [3]. Подробно описано использование ПО «ЕmoDetect» при проведении психолингвистической экспертизы конфликтогенных текстов [4].

Целью данной статьи является пилотаж возможности автоматического анализа эмоций участников эксперимента на сенситивную тему на примере домашнего насилия. Отношение к данной теме уже было рассмотрено в социологии с позиции взаимосвязи эмоционального интеллекта и личностных черт респондентов [5].

Методология и методика исследования

Исследование реализовано в марте-августе 2024 году на базе Лаборатории социологических и фокус-групповых исследований РУДН.

В качестве целевой аудитории выбрана молодежь и люди среднего возраста (до 35 лет), в силу их большей открытости к участию в экспериментах, связанных с техническими инновациями. Для поиска участников эксперимента была использована анкета, измеряющая установку по отношению к домашнему насилию при помощи шкалы Лайкерта (см. табл. 1), в эту анкету включен вопрос о готовности продолжить участие в эксперименте. Всего в опросе приняли участие 431 человек, 307 из которых – женщины (71,2%), 124 – мужчины (28,8%). Воз-

раст респондентов составил 18-24 года – 382 человека (88,6%), количество респондентов 25 лет и старше – 49 (11,4%). Продолжить участие согласились 43 человека, 21 из которых – женщины (48,8%), 22 – мужчины (51,2%). Возраст респондентов составил 18-24 года – 23 человека (53,5%), количество респондентов 25 лет и старше (до 45 лет) – 20 (46,5%). В возрастных группах сохранен гендерный баланс.

В качестве материалов эксперимента выступили три ролика социальной рекламы, демонстрирующей сцены домашнего насилия с различными актерами: насилие над женщиной, насилие над мужчиной, насилие над ребенком.

Процедура эксперимента включила 5 этапов, каждому из которых соответствовали определенные гипотезы (М – методологические):

1. Реализация опроса, измеряющего социальную установку респондентов к теме домашнего насилия с участием различных актеров. (**Гипотеза 1М:** отношение к теме домашнего насилия большинства участников негативное).

2. Демонстрация роликов с проявлением домашнего насилия с различными актерами участникам эксперимента, фиксирование на камеру их эмоций во время просмотра и их анализ при помощи ПО «ЕмоDetect». Выявление того, какие из эмоций преобладают. (**Гипотеза 2.1.М:** во время просмотра роликов преобладающие эмоции участников по версии ИИ – это страх, гнев и грусть; **Гипотеза 2.2.М.** У большинства участников, чья социальная установка по отношению к теме домашнего насилия была нейтральной, она изменится в сторону негативной. У большинства участников, чья социальная установка по отношению к теме домашнего насилия была негативной, она останется неизменной).

3. Выявление эмоции участников на продемонстрированные ролики на основе их самооценки (**Гипотеза 3М.** Собственная оценка респондента своих эмоций и характеристика, полученная с помощью ПО ЕмоDetect, совпадет с характеристикой).

4. Сравнение самооценки эмоций респондента на просмотренные ролики и анализа, полученного с помощью ПО EmoDetect (**Гипотеза 4М**. Собственная самооценка эмоций респондента на просмотренные ролики, и анализ, полученный с помощью ПО EmoDetect, – совпадет).

5. Оценка участниками эксперимента данных, полученных в результате анализа ПО EmoDetect. (**Гипотеза 5М**. Участники критично отнесутся к результатам, полученным EmoDetect).

Также в эксперименте решен ряд задач, связанных с восприятием темы домашнего насилия с соответствующими гипотезами (С – содержательные):

Задача 1: выявить наличие или отсутствие зависимости между возрастом участника и отношением к теме домашнего насилия (**Гипотеза 1С**: чем меньше возраст, тем негативнее отношение к теме домашнего насилия).

Задача 2: выявить наличие или отсутствие зависимости между полом участника и отношением к теме домашнего насилия (**Гипотеза 2С**: количество женщин, относящихся к теме домашнего насилия негативно, больше, чем мужчин).

Задача 3: выявить, ролики с каким актором вызывают больше эмоций у участников-мужчин (**Гипотеза 3С**: ролики, демонстрирующие домашнее насилие над ребенком, вызывают у участников-мужчин больше эмоции).

Задача 4: выявить, ролики с каким актором вызывают больше эмоций у участниц (**Гипотеза 4С**: ролики, демонстрирующие домашнее насилие над ребенком, вызывают у участниц больше эмоций).

Задача 5: выявить, ролики с каким актором вызывают меньше эмоций у участников-мужчин (**Гипотеза 5С**: ролики, демонстрирующие домашнее насилие над мужчиной, вызывают у участников-мужчин меньше эмоций).

Задача 6: выявить, ролики с каким актором вызывают меньше эмоций у участниц (**Гипотеза 6С**: ролики, демонстри-

рующие домашнее насилие над женщиной, вызывают у участниц меньше эмоций).

Инструментарий

Для определения установки по отношению к теме домашнего насилия мы используем шкалу Лайкерта, состоящую из 10 суждений (см. таблицу 1). По шкале возможно было получить максимум 50 баллов: 0-16 баллов – оправдание домашнего насилия, 17-33 баллов – компромисс/ситуативность, 34-50 баллов – неприемлемость домашнего насилия.

Результаты исследования

1 этап. После опроса на предмет выявления установки по отношению к теме домашнего насилия, негативной (неприемлемость) установкой обладали 49,7% женщин возраста 18-24 года и 46,5% женщин старше 25 лет, 43,9% респондентов мужского пола возраста 18-24 года и 43,8% – возраста 25 лет и старше. Так, на данном этапе можно констатировать более негативное отношение к проблеме женщин (причем у младшей группы самое негативное), чем у мужчин (частичное подтверждение гипотезы 1С (верно только для женщин) и подтверждение гипотезы 2С.

2 этап. Далее участникам эксперимента были продемонстрированы ролики с проявлением домашнего насилия с различными акторами, их эмоции во время просмотра были зафиксированы и проанализированы при помощи ПО EmoDetect.

По первому ролику (в котором демонстрируется насилие **над женщиной со стороны мужчины**) у участников 18-24 лет наиболее распространенными эмоциями, которые выявило EmoDetect, были удивление (29,3% и 25,2%), грусть (26,8% и 25,2%) и гнев (23,5% и 24,2%) среди женщин и среди мужчин соответственно; у респондентов 25 лет и старше –

Таблица 1

СУЖДЕНИЯ О ДОМАШНЕМ НАСИЛИИ ПО ШКАЛЕ ЛАЙКЕРТА

Суждения	Полностью согласен	Скорее согласен	Загруженность ответить	Скорее не согласен	Полностью не согласен
1. (+) В семье иногда приемлемо использовать физическую силу для поддержания порядка и дисциплины.	1	2	3	4	5
2. (-) Государство должно принять решительные меры для предотвращения и наказания домашнего насилия.	5	4	3	2	1
3. (+) Домашнее насилие может служить способом решения конфликтов в семье и укрепления семейных уз.	1	2	3	4	5
4. (-) В семье не должно быть места рукоприкладству, домашнее насилие недопустимо в любых обстоятельствах.	5	4	3	2	1
5. (-) Насилие в семье не может служить мерой воспитания, оно наносит непоправимый вред психологическому и физическому здоровью детей.	5	4	3	2	1

Окончание табл. 1

6. (+) В некоторых семьях нормально урегулирование конфликтов через физическое воздействие, это помогает им разрешать споры и сохранять брак.	1	2	3	4	5
7. (-) Люди, ставшие жертвами домашнего насилия, заслуживают защиты и поддержки общества.	5	4	3	2	1
8. (+) В определённых ситуациях применение физической силы может помочь ребёнку осознать последствия своих действий и научиться контролировать свои эмоции.	1	2	3	4	5
9. (-) Применение физической силы не может помочь в разрешении конфликтов в семье, это приводит только к ухудшению взаимоотношений.	5	4	3	2	1
10. (+) Рукоприкладство – допустимое явление для некоторых семей, нет необходимости с ним бороться.	1	2	3	4	5

также удивление (30,0% и 33,9%), грусть (21,6% и 22,7%) и гнев (19,7% и 18,4%) среди женщин и среди мужчин соответственно. Женщины 18-24 лет, по версии ПО EmoDetect, более склонны, чем участницы 25 лет и старше проявлять грусть (26,8% против 21,6%). Женщины старшей возрастной группы проявляли больше отвращения (10,0% против 4,2%). Мужчины 18-24 лет, согласно анализу EmoDetect, более склонны, чем участники 25 лет и старше проявлять гнев (24,2% против 18,4%) и радость (8,1% против 3,6%). Мужчины старшей возрастной группы проявляли больше удивления (33,9% против 25,2%). В среднем участники младшей возрастной группы проявляли больше гнева (на 4,7%) и удивления (также на 4,7%), чем старшей группы (см. таблицу 2).

Таблица 2

СРЕДНИЙ ПРОЦЕНТ ВЫЯВЛЕННОЙ ЭМОЦИИ ПРИ
ПРОСМОТРЕ ПЕРВОГО РОЛИКА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ
ВОЗРАСТА И ПОЛА

Эмоция	Средний процент выявленной эмоции			
	18-24		25+	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Гнев	23,5%	24,2%	19,7%	18,4%
Отвращение	4,2%	5,9%	10,0%	8,0%
Страх	8,3%	8,8%	11,6%	10,8%
Радость	5,6%	8,1%	4,6%	3,6%
Грусть	26,8%	25,2%	21,6%	22,7%
Удивление	29,3%	25,2%	30,0%	33,9%

По второму ролику (в котором демонстрируется насилие над **ребенком со стороны женщины**) у участников 18-24 лет наиболее распространенными эмоциями, которые выявил ПО EmoDetect, среди женщин были грусть (27,0%), удивление (25,6%) и гнев (23,3%), а среди мужчин – удивление (25,2%) и грусть (24,6%).

У респондентов 25 лет и старше – удивление (27,3%) и грусть (23,7%) среди женщин и также удивление (31,9%) и грусть (25,2%) среди мужчин. Женщины 25 лет и старше более склонны, чем участницы 18-24 лет, проявлять отвращение (11,0% против 3,8%). Мужчины 18-24 лет более склонны, чем участники 25 лет и старше проявлять радость (13,5% против 4,6%). Мужчины старшей возрастной группы проявляли больше удивления (31,9% против 5,2%). В среднем участники старшей возрастной группы проявляли больше удивления (на 4,2%), чем респонденты младшей группы, а мужчины – больше радости (на 4,2%), чем женщины (см. таблицу 3).

Таблица 3

СРЕДНИЙ ПРОЦЕНТ ВЫЯВЛЕННОЙ ЭМОЦИИ ПРИ
ПРОСМОТРЕ ВТОРОГО РОЛИКА В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ВОЗРАСТА И ПОЛА

Эмоция	Средний процент выявленной эмоции			
	18-24		25+	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Гнев	23,3%	16,6%	19,5%	19,4%
Отвращение	3,8%	5,9%	11,0%	6,2%
Страх	13,7%	12,2%	12,0%	10,6%
Радость	4,0%	13,5%	5,6%	4,6%
Грусть	27,0%	24,6%	23,7%	25,2%
Удивление	25,6%	25,2%	27,3%	31,9%

По третьему ролику (в котором демонстрируется насилие **над мужчиной со стороны женщины**) у участников 18-24 лет наиболее распространенными эмоциями, которые выявил ПО EmoDetect, среди женщин были удивление (27,0%), грусть (23,1%) и гнев (22,4%), а среди мужчин – грусть (28,8%), удивление (23,8%) и гнев (23,6%). У респондентов 25 лет и старше –

также удивление (30,2%), грусть (23,3%) и гнев (20,0%) среди женщин, и удивление (32,1%) среди мужчин. Между женщинами двух возрастных категорий разницы не было обнаружено. Мужчины 18-24 лет, согласно анализу ПО EmoDetect, более склонны, чем мужчины 25 лет и старше проявлять гнев (23,6% против 19,3%) и грусть (28,8% против 19,1%). Мужчины старшей возрастной группы проявляли больше удивления (32,1% против 23,8%) и отвращения (10% против 5,7%). Между двумя возрастными группами статистически значимой разницы не обнаружено (см. таблицу 4).

Таблица 4

СРЕДНИЙ ПРОЦЕНТ ВЫЯВЛЕННОЙ ЭМОЦИИ ПРИ
ПРОСМОТРЕ ТРЕТЬЕГО РОЛИКА В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ВОЗРАСТА И ПОЛА

Эмоция	Средний процент выявленной эмоции			
	18-24		25+	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Гнев	22,4%	23,6%	20,0%	19,3%
Отвращение	9,2%	5,7%	10,8%	10,0%
Страх	13,2%	11,4%	11,7%	12,3%
Радость	2,9%	4,3%	2,1%	5,1%
Грусть	23,1%	28,8%	23,3%	19,1%
Удивление	27,0%	23,8%	30,2%	32,1%

Гнев, грусть и удивление стали самыми часто испытываемыми эмоциями при просмотре всех трех роликов (Гипотеза 2.1М частично подтверждена, гнев и грусть проявлены, но нет страха).

Если рассматривать разницу в реакциях по полу, то мужчины в среднем чаще проявляли гнев на ситуации насилия над женщиной и мужчиной (по 21% против 18%), отвращение на ситуацию насилия над женщиной (8% против 6%), меньше страха испыты-

вали при просмотре роликов с ситуацией насилия над женщиной (9% против 11%), радость появилась чаще при просмотре роликов насилия над ребенком (9% против 5%), по грусти и удивлению нет разницы в реакциях на разные ролики. Женщины же чаще проявляли отвращение на ситуацию насилия над мужчиной (10% против 7%), но реже пугались в ситуации насилия над женщиной (9% против 12%) и чаще проявляли радость, по сравнению с другими контекстами (5% против 2%), по демонстрации грусти, удивления и гнева разницы практически нет.

3 этап. Далее были выявлены преобладающие эмоции участников по версии самих участников (самооценка). Для этого сразу после демонстрации роликов респондентам было предложено пройти еще раз онлайн-анкету из 1 этапа (вторая волна опроса) с добавлением открытых вопросов для того, чтобы участники описали эмоции, которые они испытали при просмотре каждого ролика. Также в анкете респондентов попросили указать, какой/какие ролики вызвали у них наиболее яркие эмоции.

После просмотра видеороликов выросла неприемлемость домашнего насилия у мужчин возраста 18-24 года и женщин старше 25 лет, но незначительно (см. таблица 5). Гипотеза 2.2.М опровергнута.

Таблица 5

ПОКАЗАТЕЛИ НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ПРОБЛЕМЫ
ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ ПО ШКАЛЕ ЛАЙКЕРТА
УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕРИМЕНТА ПОСЛЕ ОПРОСА И
ПОСЛЕ ПОВТОРНОГО ОПРОСА, ПРОВЕДЕННОГО ПОСЛЕ
ПРОСМОТРА РОЛИКОВ

№ волны опроса	Средний балл по шкале Лайкерта			
	18-24		25+	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
1 (до просмотра)	49,7	43,9	46,5	43,8
2 (после просмотра)	49,8	45,3	47,1	43,8

По отзывам участников, роликом, вызвавшим наибольшие эмоции при просмотре, оказался второй (в котором демонстрируется насилие над ребенком со стороны женщины) – его выбрали 21 человек (48,8%). Респонденты старшей возрастной группы выбирали второй ролик с эпизодом домашнего насилия над ребенком со стороны матери в два раза чаще, чем младшей группы. Следующий по популярности выбор – третий ролик (в котором демонстрируется насилие над мужчиной со стороны женщины), он вызвал наибольшие эмоции у 17 участников (39,5%). Респонденты младшей возрастной группы, а также мужчины, выбирали третий ролик. Первый ролик стал самым непопулярным выбором – его отметили 3 человека (7,0%), почти все из них – женщины 18-24 года. Гипотеза 3С, 4С подтверждены, а 5С – опровергнута.

4 этап. На данном этапе проводилось сравнение самооценки эмоций респондентом на просмотренные ролики, и анализа, полученного с помощью ПО EmoDetect. Для этого было создано облако слов на основе открытых вопросов анкеты, где респонденты описывали испытанные ими при просмотре роликов эмоции, чтобы выявить ключевые слова, использованные участниками для описания своих эмоций. Самыми часто используемыми словами для описания эмоций, которые респонденты пережили при просмотре первого ролика (в котором демонстрируется насилие над женщиной со стороны мужчины), стали *страх* (14 раз) и *тревога* (2 раза), *отвращение* (11 раз), *злость* (11 раз), *неприязнь* (7 раз), *жалость* (5 раз), *сочувствие* (3 раза), *презрение* (3 раза), *грусть* (2 раза). ПО EmoDetect в первом ролике выявил удивление (29,6%), грусть (24,1%), гнев (21,5%), страх (9,9%), отвращение (7,0%), радость (5,5%). В данном случае собственное описание респондентами своих эмоций и анализ EmoDetect не совпали. Такие эмоции, как страх, отвращение и злость упоминались респондентами чаще всего, однако анализ EmoDetect отнес их к наименее выраженным.

После просмотра второго ролика (в котором демонстрируется насилие над ребенком со стороны женщины) респонденты описали свои эмоции следующими словами: *злость* (15 раз), *жалость* (13 раз) *сочувствие* (6 раз), *грусть* (5 раз), *неприязнь и отвращение* (по 3 раза), *стыд* (3 раза), *страх* (2 раза). По версии ПО EmoDetect, эмоции респондентов распределились в следующем порядке: удивление (27,5%), грусть (25,1%), гнев (19,7%), страх (12,1%), отвращение (6,7%), радость (6,9%). В случае со вторым роликом оценка респондентов и ПО EmoDetect частично совпала. Участники зачастую описывали свои эмоции как злость, жалость (грусть) и отвращение, и ПО также выделило грусть и гнев как преобладающие.

В случае с третьим роликом (в котором демонстрируется насилие над мужчиной со стороны женщины) участники чаще всего использовали следующие слова: *удивление* (13 раз) и *недоумение* (5 раз), *страх* (8 раз) и *ужас* (4 раза), *жалость и сожаление* (по 4 раза), *отвращение* (2 раза). ПО EmoDetect в третьем ролике выделило следующий порядок: удивление (28,3%), грусть (23,6%), гнев (21,3%), страх (12,2%), отвращение (8,9%), радость (3,6%). В данном случае описание участников и анализ EmoDetect также совпали частично. И ПО EmoDetect, и респонденты выделили удивление как самую яркую эмоцию.

В большинстве случаев ПО EmoDetect определило эмоции участников так же, как и сами участники. Гипотеза 4М частично подтверждена. Эмоции не всегда осознаются людьми и вербализируются, эта способность так же зависит от эмоционального интеллекта человека, который не учитывался в данном случае, поэтому мы наблюдаем некоторую разницу.

5 этап. Участникам была дана возможность оценить, насколько, на их взгляд, точно ПО EmoDetect выявило испытанные ими эмоции (по 10-балльной шкале). Средняя оценка точности распознавания эмоций по первому ролику составила 6,3 балла, по второму – 6,6 балла, по третьему – 6,7 баллов. Таким

образом, средняя оценка участников по всем трем роликам составила 6,5 баллов из 10. Стоит отметить, что в целом мужчины, а в особенности мужчины старшей возрастной группы, способность ПО EmoDetect распознать свои эмоции оценивали ниже, чем женщины, что может говорить об общем более скептическом отношении технологизации, чем у более молодых людей. Гипотеза 5М подтверждена (см. табл. 6).

Таблица 6

СРЕДНИЙ БАЛЛ ОЦЕНКИ РЕСПОНДЕНТОМ АНАЛИЗА ИИ
ПО ДЕСЯТИБАЛЛЬНОЙ ШКАЛЕ ПО РОЛИКАМ
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА И ПОЛА

Ролик	Средний балл оценки респондента (из 10 возможных)			
	18-24		25+	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
№1	6,7	6,4	6,7	5,3
№2	7,2	6,4	7,0	5,8
№3	6,9	6,7	6,7	5,8

Методологические выводы. Эксперимент задумывался как пилотаж возможности определения эмоций участников эксперимента на чувствительную тему (на примере темы домашнего насилия). В ходе эксперимента ПО EmoDetect показало себя как достойный инструмент для проведения качественных социологических исследований, хотя технология на данном этапе обладает некоторыми особенностями использования: при первых попытках обработать реакции респондентов, она была склонна неточно определять кадр нейтрального выражения лица участника, поэтому его лучше определять вручную (ПО предоставляет такую возможность). Однако после успешной обработки видео ПО EmoDetect предоставляло подробный анализ, доступный для восприятия как человеку, незнакомому с тонкостями работы данного ПО (участники эксперимента зачастую были удовлет-

ворены удобством представляемого для оценки анализа), так и исследователем, заинтересованным в дальнейшей интерпретации. Имеет смысл продолжать подобные эксперименты, вводя новые переменные, например, уровень эмоционального интеллекта. Этим обусловлены ограничения использования данной технологии в социологических исследованиях.

Использование ПО EmoDetect в исследовании отношения к сенситивной тематике положительно сказалось на желании респондентов участвовать в эксперименте. Многие респонденты выражали большую заинтересованность, когда понимали, что их реакцию на ролики с эпизодами насилия будет анализировать не человек, а программа. Это в какой-то мере отдаляло участника и исследователя, что позволяло человеку расслабиться и сфокусироваться на самих роликах, а не на том, что ему, возможно, стоит выдать социально одобряемую реакцию. Таким образом, данный подход может дать этическое преимущество в исследованиях.

Содержательные выводы. Более негативное отношение к проблеме насилия наблюдается у женщин (причем у младшей группы самое негативное), чем у мужчин. Однако вторая волна опроса показала, что мужчины группы 18-24 лет склонны чаще менять свое отношение в сторону более негативного после просмотра роликов с эпизодами непосредственного проявления домашнего насилия. В целом просмотр роликов оказывал незначительное влияние на социальную установку участников.

Удивление, грусть и проявления гнева (гнев в версии ПО Эмодетект) – эмоции, которые демонстрируют участники при восприятии видеороликов о домашнем насилии. Также важным замечанием будет тот факт, что в ряде случаев участникам было сложно сопереживать персонажам роликов, так как игра актёров социальной рекламы, использованной в качестве материалов для эксперимента, по их отзывам, была недостаточно натуральной, что мешало полностью погрузиться в происходя-

щее в роликах. Эти особенности стоит учесть при проведении последующих исследований.

Роликом, который вызвал у большинства участников самые яркие эмоции стал тот, в котором демонстрировалось проявление домашнего насилия над ребёнком со стороны матери. Он опередил даже третий ролик, который из-за специфики исследовательского запроса (стояла задача найти ролик с проявлением насилия над женщиной со стороны женщины, что встречается крайне редко в медиа) был самым жестоким из всех, так как заканчивается гибелью жертвы насилия. Это говорит о том, что среди всех возможных акторов наиболее негативное отношение к домашнему насилию именно над детьми. Меньшая эмоциональность ролика о насилии над женщиной со стороны мужчины может быть связана с популярностью темы в медиадискурсе, и некоторым «эмоциональным привыканием» к ней. Специфика проблемы насилия женщины над мужчиной также интересно отражена в полученных выводах: на этот контекст и мужчинами, и женщинами отвращение продемонстрировано чаще, чем в других случаях.

Заключение

Основным выводом по результатам эксперимента является признание полезным автоматической (при помощи ПО «Эмодект» и его аналогов) оценки эмоционального состояния людей при работе с материалами сенситивных тематик в эмпирических социологических исследованиях может стать полезной при разработке социальной рекламы (оценки воздействия социальной рекламы на целевую аудиторию), выявлении гендерной специфики восприятия проблемы и поиске информантов со специфическим опытом для фокус-групп и глубинных интервью.

Интеграция автоматизированного анализа эмоций в методологический арсенал социологии открывает новые перспек-

тивы для изучения «неудобных» тем, позволяя выйти за рамки декларативных ответов и получить доступ к непосредственным, небурбализованным реакциям респондентов. Несмотря на необходимость дальнейшей доработки и адаптации, данный подход представляет собой многообещающее направление для развития эмпирических практик в социальных науках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котов Д. А.* Алгоритмы искусственного интеллекта в прикладных социологических исследованиях // СоциоДиггер. Ежегодник ВЦИОМ. 2023, т. 4, № 7-8 (27). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/algorithmy-iskusstvennogo-intellekta-v-prikladnykh-sociologicheskikh-issledovaniyakh> (дата обращения 20.10.2025).

2. *Ekman P., Friesen W.* Facial Action Coding System: A Technique for the Measurement of Facial Movement. Palo Alto: Consulting Psychologists Press, 1978. 42 p. DOI: 10.1037/t27734-000.

3. *Ярош О. Б., Митина Н. А.* Методика нейрокогнитивной оценки эмоционального восприятия региональной политической семиотики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Социология. Педагогика. Психология. 2021, т. 7(73), № 4. С. 30–47. EDN: INMZZZ.

4. *Рогожникова Т. М.* Аналитические инструменты для психолингвистической экспертизы конфликтотенных текстов // Политическая лингвистика. 2020, № 5(83). С. 164-182. DOI: 10.26170/pl20-05-15.

5. *Ларина Т. И.* О взаимосвязи эмоционального интеллекта и личностных черт с отношением к чувствительной теме (на примере проблемы домашнего насилия) // Вестник Института социологии. 2024, т. 15, № 4. С. 192-212. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.10. EDN: SIQVRL.

Сведения об авторах:

Пузанова Жанна Васильевна

Профессор кафедры социологии, доктор социологических наук,
профессор, Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы.

Scopus Author ID: 57194574281

SPIN-код: 6188-3980

eLibrary ID: 193540

Ларина Татьяна Игоревна

Доктор социологических наук, доцент кафедры социологии
Российского университета дружбы народов имени Патриса
Лумумбы

SPIN 4607-6817

Elibrary autor ID 701812

Бобкова Софья Владимировна

Студентка 3 курса кафедры социологии, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Статья поступила в редакцию: 23.10.2025 г.

Статья принята к публикации: 15.04.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.3

**SOCIOLOGICAL POTENTIAL OF AUTOMATED ANALYSIS
OF EMOTIONAL PERCEPTION OF THE PROBLEM OF
DOMESTIC VIOLENCE**

Puzanova Zhanna V.

People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
(RUDN University), Moscow, Russia
Puzanova-zhv@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-7405-3303

Larina Tatiana I.

People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
(RUDN University), Moscow, Russia
Larina-ti@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-1331-1302

Bobkova Sofia V.

People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
(RUDN University), Moscow, Russia
1132226032@rudn.ru
ORCID: 0009-0009-5729-9983

For citation: Puzanova Zh.V., Larina T.I., Bobkova S.V. Sociological Potential of Automated Analysis of Emotional Perception of the Problem of Domestic Violence, *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 1(62), p. 71-94. DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.3.

Abstract: The article presents the results of a pilot study aimed at testing the use of automatic emotion analysis using the “EmoDetect” software for studying the perception of sensitive topics in empirical sociology. The case of domestic violence was selected for this research. Methodology. The study involved an experiment (N=43) utilizing an online survey method to measure social attitudes towards domestic violence (two waves: before and after the demonstration of videos and emotion analysis).

Participants were shown three videos depicting domestic violence with different actors: violence against a woman by a man, against a man by a woman, and against a child by a woman. The “EmoDetect” software was used to analyze emotions during the viewing of the videos.

Results. It was found that automatic emotion analysis is a promising tool for sociology, reducing the effect of social desirability bias. Gender differences in reactions were identified: women demonstrated more negative attitudes, while men showed higher levels of anger expression. The video about violence against a child was recognized as the most emotionally provocative. A partial discrepancy between verbalized emotions and the data from the “EmoDetect” software analysis was discovered, indicating the need to account for factors of emotional intelligence. For the first time in Russian sociology, the possibility of using the “EmoDetect” software to study respondents’ emotional reactions to sensitive content has been demonstrated. The results open up opportunities for more effective development of social advertising, formation of samples for qualitative research, and objective study of the perception of socially significant problems.

Keywords: emotions, sensitive topics, social attitude, domestic violence, experiment, “EmoDetect” software.

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the initiative research work of RUDN University No. 100942-0-000 “Social Practices and Barriers to Perception of the RUDN Territory as a Local Center of Attraction in the City: A Comparative Analysis of Opinions of Students, Staff, and Local Residents.”

References

1. Kotov D.A. Algorithms of artificial intelligence in applied sociological research (in Russian), *SotsioDigger. Yearbook of VTsIOM*, 2023, vol. 4, no. 7-8 (27). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/algorithmy-iskusstvennogo-intellekta-v-prikladnykh-sociologicheskikh-issledovaniyakh> (accessed 20.10.2025).
2. Ekman P., Friesen W. *Facial Action Coding System: A Technique for the Measurement of Facial Movement*. Palo Alto: Consulting Psychologists Press, 1978. 42 p. DOI: 10.1037/t27734-000.
3. Yarosh O.B., Mitina N.A. Methodology of neurocognitive assessment of emotional perception of regional political semiotics

- (in Russian), *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology], 2021, vol. 7(73), no. 4, p. 30-47.
4. Rogozhnikova T.M. Analytical tools for psycholinguistic examination of conflictogenic texts (in Russian), *Politicheskaya Lingvistika* [Political Linguistics], 2020, no. 5(83), p. 164-182. DOI: 10.26170/pl20-05-15.
 5. Larina T.I. On the relationship of emotional intelligence and personality traits with attitude to a sensitive topic (on the example of the problem of domestic violence) (in Russian), *Vestnik Instituta Sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2024, vol. 15, no. 4, p. 192-212. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.10.

Information about the authors

Zhanna V. Puzanova

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology of the People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University).
Scopus Author ID: 57194574281
SPIN-код: 6188-3980
eLibrary ID: 193540

Tatiana I. Larina

Doctor of Sociological Sciences, associate Professor of the Department of Sociology of the People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University).
SPIN 4607-6817
Elibrary autor ID 701812

Sofia V. Bobkova

A third-year student of the Department of Sociology of the People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University).

**МОЛЧАНИЕ В ДИАЛОГЕ: КОНВЕРСАЦИОННЫЙ
АНАЛИЗ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАУЗ В ПОВСЕДНЕВНОМ РАЗГОВОРЕ**

Спиркина Анастасия Константиновна

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия

Эл. почта: spirkina.ak@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2849-6792

Для цитирования: Спиркина А. К. Молчание в диалоге: разговорный анализ как методология исследования пауз в повседневном разговоре // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026. Том 35, № 1(62). С. 95-120. DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.4. EDN: NCDQQP.

В статье рассматривается проблема использования этнометодологического подхода, в широком смысле, и разговорного анализа (КА, анализа разговоров), в частности, для исследования роли молчания и пауз в повседневном диалоге. Указываются преимущества и недостатки КА для исследования диалогового молчания. В разговорном анализе молчание теряет большую часть своей загадочности, неуловимости и «невыразимости», так как обозначается на письме специальными знаками. Молчание, записанное на бумаге, становится объектом систематического наблюдения. С помощью указанной методологии, а также теоретико-методологической программы социологии повседневности в целом, автор развивает микроструктурный подход к анализу ситуации диалога. Согласно данному подходу, молчание и паузы внутри разговора более или менее регламентированы по длине и местоположению в структуре диалога (в зависимости от типа диалоговой коммуникации), а также сопровождающим их невербальным сигналам. Эта «регламен-

тация» в рамках этнометодологии становится видимой для исследователя не как культурные нормы или общие рамки приличия, но (не отрицая существование последних) как практики по построению локальной социальной структуры, техник воспроизводства, восстановления, объяснения и интерпретации взаимных действий. В связи с этим указывается на необходимость различения пауз по их структурной роли в разговоре и по рациональным объяснениям, которые им дают рядовые участники и наблюдатели на основе их практического использования и здравого смысла.

Ключевые слова: конверсационный анализ, этнометодология, молчание в разговоре, анализ пауз, структура взаимодействия, социология повседневности.

На классическом этапе своего развития социология имела дело преимущественно с большими, *яркими* событиями социальной жизни – процессами модернизации и индустриализации обществ, революциями, культурными трансформациями, массовыми движениями и другими коллективными феноменами. Явления микроуровня общества были скорее отражениями макропроцессов, чем самостоятельными, первичными единицами анализа. В середине 20 века в рамках зарождающейся тогда социологии повседневности, родоначальником которой считается А. Шютц, специфически социологический взгляд на мир распространился на незамечаемые, нерелексированные области социальной жизни – привычные *рутинные* действия. В каком-то смысле это был шаг в «темную область», прежде неважную, даже «бессмысленную», а потому и как будто не существовавшую для социологии – шаг в сторону микроуровня общества, понимания социальности в эпоху слома «больших нарративов», определявших судьбу человека и зачастую приносящих его в жертву коллективу.

Феномен молчания был раньше и до сих пор остается такой «темной зоной», которой для классиков социологии была повсед-

невность. При всей силе и неумолимости процессов «расколдовывания» и рационализации современных обществ, на которые М. Вебер указывал более ста лет назад, молчание остается поистине «магической» областью жизни, в которой находит выражение не только мистическое сознание религиозных виртуозов, но и поэтические, фантазмагорическое интенции сознания обычного человека. С литературой и философией у молчания сложились по-настоящему долгие и крепкие отношения. С серьезными же эмпирическими социально-гуманитарными дисциплинами, они пока только начинают робко зарождаться.

Тем не менее, это в каком-то смысле «родство судеб» повседневности и феномена молчания показывает нам направления, в которых «расколдовывание» и «прояснение» мира в области молчания могло бы произойти. Изучение его различных форм на микроуровне как реального практического феномена, присутствующего перед глазами исследователя здесь и сейчас, дает социологу чувство его осязаемости и ощущение «земли под ногами». Социология повседневности могла бы сыграть большую роль в разработке социологического теоретико-методологического инструментария для работы с феноменом молчания, какими бы ни были его реальные эмпирические проявления в социальной жизни¹. Разумеется, разработка новых или применение уже известных методов для изучения молчания является для этих целей первостепенной задачей.

Исследование разговоров – огромная предметная область, поле для приложения различных методологических подходов. Конверсационный анализ, как его отдельное направление, «вырастает» из социологии повседневности – главным его источником обычно считают этнометодологию Г. Гарфинкеля [1, с. 219-220].

¹ Более широко общеметодологические и общетеоретические соображения относительно молчания как объекта исследования в социологии развиты в [2]. Применение микросоциологического/микроструктурного подхода к различным эмпирическим формам молчания развиты автором в [3; 4; 5].

Хотя повседневным разговором интересовались исследователи не только в рамках нашей дисциплины, в целом можно связать интерес к живому повседневному диалогу с интересом к качественной методологии, поэтому внимание к повседневным речевым взаимодействиям объединяет этнографов, психологов, социолингвистов, философов, а также представителей дискурс-анализа, психоанализа и других исследователей интеракции.

Оставляя за скобками вопрос о том, по каким причинам диалог начинается, каковы его цели и прагматические итоги, в данной статье мы хотели бы сосредоточиться на самом течении повседневного разговора и на роли молчания в нем. Диалог, с точки зрения социологов, какими бы ни были их теоретические предпочтения, может представлять собой два различных (но связанных между собой) явления. С одной стороны, это «арена» для разворачивания социальных отношений – место и время, удобные для фиксации отношений власти и подчинения, социального действия, солидарности/конфликта и других концептов, обычно входящих в арсенал именно макросоциологов. В диалоге, как в микрокосме, находят отражение некоторые процессы, выходящие на макроуровень социальной жизни.

Второе «видение» диалога – интерактивное. Изучение молчания в диалоге здесь – это исследование локальной социальной структуры и того, как в ней участвует молчание. В случае повседневного диалога эта структура – принципиально нестрогая. Диалог отличается от постановки или ритуального действия своей относительной структурной непредсказуемостью, поэтому разговор о его структуре – это разговор только о ее общих местах. В разговоре мы не знаем, что скажет собеседник и обычно не можем распланировать реплики дальше одной фразы (своей и потом партнера). Тем не менее, как бы парадоксально это ни звучало, повседневный диалог – это и *постановка* (разыгрывание «себя» перед другим), и *ритуал* (повседневного взаимодействия). Однако, актерство, которое используют люди,

проявляется не столь явно, чтобы мы считали повседневные разговоры чистой подделкой и не могли усмотреть в них ни капли искренности [6, с. 687]. Интерактивное понимание диалога включает в себя в том числе рассмотрение «постановочных», «театральных» механизмов молчания, которые используют люди в повседневных разговорах.

Молчание в диалогах будет разным в зависимости от того, как в данный момент разговора его участники определяют ситуацию. При этом партнеру по диалогу обычно без слов удастся правильно понять тип коммуникативной игры. Если диалог предполагает обилие вариантов интерпретации молчания, например, молчание из задумчивости, молчание в шутку, молчание как обида, молчание как флирт и т.д. и т.п., двум людям приходится определять и по необходимости переопределять ситуацию и место в ней молчания на протяжении диалога. Чем более жестко структурирован разговор, тем более ограниченным набором способов должно определяться молчание. В крайней точке этого спектра лежит ритуальное действие.

Несмотря на внешнюю «простоту» повседневного разговора, молчание и паузы внутри него могут легко менять свой смысл для участников и наблюдателей: превратиться в некую тренировку по самоконтролю, состязание в эмоциональной устойчивости и «силе характера» или являться выражением враждебности. Хотя разговор представляет собой комплексное явление, иногда сопровождающееся множественным рефреймингом (от обычных шуток и иронии до флирта и умышленного введения партнера по общению в заблуждение), высказывания в повседневном разговоре (как и паузы) подчиняются для участников логике здравого смысла, основанного на рациональных объяснениях и практической необходимости, а для социолога – внешнему «контексту» и внутренней структуре ситуации.

Молчание — ответ?

Когда грудничок лепечет непонятные слоги или даже просто кричит, мама часто отвечает ему совершенно обычными словами, так, будто он начал совершенно обычный разговор, произнес какую-то реплику в диалоге с ней или задал вопрос, на который должен последовать ответ — особенно, если такая «реплика» раздалась из тишины. Иногда точно так же поступают хозяева домашних животных, наверное, кроме владельцев аквариумных рыбок. И. Гофман тоже отмечал эту «диалоговую» настроенность нашего сознания: «Если во время уличной политической акции вдруг залает собака, на нее, с большим или меньшим успехом, можно не обратить внимания, но если ее угрождает залаять как раз на стыке реплик и лай будет воспринят как комментарий к только что сказанному, то с этим впечатлением будет трудно справиться. Аудитория будет охвачена смехом или попытками подавить смех» [6, с. 285]. Данные примеры иллюстрируют некоторую склонность человеческого сознания к «диалогизации» действий и звуков, или, выражаясь иначе, к восприятию речевых действий как направленных на социальную реальность, относящихся к социальному, к Другому. Это свойство нашего мышления формируется благодаря усвоенному и постоянно воспроизводимому социальному порядку разговора. Неудивительно поэтому, что и молчание часто интерпретируется именно как *реплика в диалоге* и ставится в такие семантически нелепые предложения, как «что ты хотел сказать своим молчанием?», «о чем они молчат?» и т.д. Более того — молчание не только интерпретируется таким образом, но еще и в действительности намеренно используется в качестве ответа. И наоборот — если собеседника по близости нет, необходимо сохранять молчание, а если этого не делать и быть застигнутым за разговорами с самим собой, придется придумывать оправдания и терпеть чувство неловкости.

С другой стороны, молчание не всегда наполнено каким-то особым смыслом, который необходимо раскрыть. В таких случаях мы говорим: «просто... я набирал воздуха / подбирал слово / задумался / вспоминал что было дальше в этой истории» и т.п. Короче говоря, люди либо придают молчанию в разговоре особое значение, либо наоборот, стараются не обращать на него внимания. Разница здесь, скорее всего, находится на границе между сознательным, намеренным, лично-волевым и неосознанным, структурно-зависимым молчанием.

Д. Курзон также разделяет преднамеренное и непреднамеренное молчание [7]. Собственно, молчание и речь для него – это альтернативы. Если человеку был задан вопрос, он может выбрать речь, а может выбрать молчание, поэтому последнее так же является речевым действием. Исследователь фокусирует свое внимание на молчании как на результате сознательного выбора. Он пытается ответить на вопрос: что бы все-таки сказал коммуникант, если бы *сказал*, а не *промолчал*? Как молчание можно словесно проинтерпретировать? Очевидно, такая модель предполагает сильного субъекта. Намерение молчать – действие скорее исключительное, иногда даже героическое, но оно вряд ли может являться основой механики повседневного диалога. Когда молчание заменяется невысказанной речью, анализ молчания, по сути, сводится к языковому анализу.

Курзон верно подчеркивает, что есть ситуации, непохожие в этом отношении на простой повседневный диалог, когда ответ на вопрос принудительным образом «вытягивается» из нас силами институциональной власти и особенностями самой ситуации: вопрос в кабинете у врача, сотрудника таможенной службы, полицейского, учителя в классе, даже вопрос интервьюера в исследовательском интервью или вопрос журналиста. Молчание – отказ отвечать – может восприниматься как попытка ограничить, сломить или захватить власть. При этом в подобных ситуациях молчание может быть вызвано сильными эмоциями,

страхом ответить неправильно, смущением (например, в случае осмотра или опроса врачом-гинекологом/урологом). В то же время полное молчание по отношению к субъекту власти ставит под сомнение его способность владеть ситуацией и вести ее в то русло, в которое он хочет.

Хотя мы можем использовать логику Д. Курзона и считать, что молчание в разговоре постоянно интерпретируется говорящими, мы не думаем, что это что-то нам дало бы в исследовательском плане кроме догадок, так как мы не можем наверняка знать обдумывается ли конкретное молчание собеседника в контексте породивших его психических причин. Более продуктивным для наших целей мы считаем взгляд на данную ситуацию как на локальную структуру, выстраивающую рамки, в которых молчание воспринимается уместно или неуместно в конкретном месте разговора и ведет к тем или иным структурным исходам. Возможно, человек рефлексировал над мотивами молчащего; возможно, он просто думает, как ему самому дальше поступить и что сказать. Если верно наше предположение, что в повседневном разговоре нарочный слом коммуникации случается редко, и люди вступают в диалог и продолжают его добровольно, то молчание в большинстве случаев можно так же считать одним из компонентов социального порядка, разумно и рационально встроенного в структуру повседневного диалога.

Мы не хотели бы отрицать молчание «по личным мотивам», хотя бы потому что сама разговорная практика показывает, насколько эффективно в качестве объяснения может работать концепция преднамеренного молчания и насколько она распространена среди людей. Спорить с ней не имеет никакого смысла. Тем не менее, следовало бы указать, что диалог как событие, «отрезок реальности», *не является плоским, но структурирован* (или, лучше сказать, «самоструктурируется» в процессе его производства), что формирует зоны, где молчание, как и говорение, приобретают не просто разные оттенки смысла, но и вообще

могут стать исключительно неуместными или, наоборот, необходимыми. Проще говоря, когда человек *сам захотел* использовать молчание как диалоговую стратегию, он сталкивается с необходимостью вставить свое молчание в то место диалога, в котором это не прозвучит грубо, сопроводить молчание некоторыми признаками вовлечения в разговор, сделать его понятным, разумно объяснимым, и закончить молчать не слишком поздно, чтобы пауза не показалась неуместной или неловкой. С вопроса, как часто и как долго молчит конкретный человек с его индивидуальными психическими особенностями, биографической ситуацией и набором социальных статусов, мы хотели бы переместить фокус внимания на то, как часто и в какие моменты любого члена общества заставляет молчать конкретная ситуация.

Этнометодологический подход к молчанию

В 1999 году Майкл Линч опубликовал статью, содержание которой по большей части представляло собой разговор о дисциплинарно-отщепенческом статусе этнометодологии в социальных науках, ввиду неясности ее теоретических оснований, о которых она «многозначительно молчит» [8]. В данном тексте эта щепетильная проблема проиллюстрирована еще и этнометодологической картиной реального диалогового молчания. На примере описания поведения основателя конверсационного анализа, в сущности, можно понять в чем состоит этнометодологический подход к молчанию:

«Во время коллоквиума летом 1975 года Харви Сакс читал публичную лекцию об организации типа последовательности вопросов и ответов. После нее в зале встал один джентльмен и задал вопрос, который звучал примерно так: «Если бы я приставил пистолет к Вашей голове и попросил Вас назвать теоретика, оказавшего наибольшее влияние на Вашу работу, кого бы Вы назвали?». Сакс курил сигарету. ... Он сделал паузу.

Опустив голову и держа сигарету на краю пепельницы, он выдерживал паузу, периодически стряхивая пепел. Это продолжалось минуту или две. Пауза тогда казалась бесконечной. ... Затем Сакс поднял глаза и молча отказался отвечать на вопрос. ... Я понятия не имею, о чем на самом деле думал Сакс в то время, но для данной цели я не вижу необходимости исследовать его личные намерения или мотивы. Молчание Сакса было контекстным ходом. Оно было понятно только по отношению к предшествовавшему ему требованию. Это было частью диалога. ... Сакс не просто не смог найти ответ. Его явно нарочитое молчание и последующий отказ были мужественно нетрадиционными: они представляли собой акт гражданского неповиновения, обнажавший дерзость требования человека, задавшего ему вопрос» [8, р. 211-212].

Контекстом этого молчания были некоторые трудности, которые испытывала этнометодология по поводу своей теоретической и литературной традиции, потому что ее либо нет вовсе, либо она не имеет никакого значения, либо она глубоко вторична перед эмпирическими аналитическими упражнениями, на основе которых и Гарфинкель, и Сакс выстраивали свою работу со студентами. Хотя лекционный материал того же Гарфинкеля демонстрировал глубокое знание многих сложных концепций, он был весьма абстрактным и вводил студентов в замешательство. К тому же основатель этнометодологии подчеркивал важность обретения мастерства, которого можно достичь только при работе с «материалом», коим могли являться письменные тексты, магнитофонные записи и стенограммы, коллекции фотографий, полевые наблюдения и показательные выступления. Теоретически же, можно сказать, этнометодология «основана ни на чем», что и создает для нее «умолчание о теории». Она страдает «этнометодологическим безразличием», в том смысле, что ей не интересно является ли порядок, который она изучает рациональным, эффективным, демократичным, безопасным и т.д., она не выис-

кивает ошибки или дисбалансы. Вопрос лишь в том, как порядок воспроизводится в действиях.

Этот пример показывает, как, собственно, производится этнометодологическое знание – указание на контекстные ходы, действия как диалоговые стратегии, внимание к деталям, игнорирование всего «скрытого», в том числе личных мотивов и «невыразимых мыслей». Этнометодология молчания способна заставить нас посмотреть «на поверхность» действий, не углубляясь в то, что нам недоступно, но она отнюдь не банальна, когда описывает событие (молчание) как «практику», совершающую определенное действие во взаимно-обменной социальной структуре события.

Конкретные результаты применения этнометодологического подхода к анализу диалогового молчания будут рассмотрены нами ниже. Во всяком случае, то, что этнометодология, и микро-социология в целом, ясно дают нам понять относительно молчания – к данному объекту изучения невозможно подходить с позиции объективно присущего ему (невыраженного словами) смысла, который мы должны обнаружить. Значение молчания существует только в контексте деятельности.

Возможности и ограничения конверсационного анализа в исследовании пауз

Молчание в повседневном разговоре имеет не случайный, а систематический характер, играет определенную роль в структуре диалога, занимает в нем свое место. При этом молчание в диалоге индексично, то есть, определяется контекстом действия, а не имманентными смыслами. «Заметить» молчание в разговоре без звукозаписывающих средств, конечно, можно, однако в таком случае, предмет исследования существенно ограничивается таким молчанием, которое нам легко вспомнить – длительные паузы, наполненные сильными эмоциями – неловкостью, сты-

дом, душевным волнением. Помимо того, что такое наблюдение не будет точным, оно не будет ни новым, ни интересным. Подобного рода паузы хорошо описаны в литературе и философии, и лишь приоткрывают для нас сферу диалогового молчания в наиболее драматичной его форме.

Конверсационный анализ лишает молчание его загадочности, неуловимости и невыразимости, потому что обозначает все разговорные паузы на письме специальными знаками. Молчание, записанное на бумаге, становится объектом систематического наблюдения. Анализ разговоров – это исследовательский инструмент, с помощью которого становятся видны и фиксируемы невербальные аспекты коммуникации. Связано его развитие с появлением портативной звукозаписывающей техники. На сегодняшний день в любом смартфоне есть встроенный диктофон, технически обеспечивающий удобство и незаметность аудиозаписи. Еще лучше невербальные компоненты коммуникации передает видеозапись, однако, ведение видеозаписи может быть замечено коммуникантами, что нарушает естественное течение разговора и серьезно затрудняет для нас сбор данных.

Транскрипт в конверсационном анализе полезен в качестве фиксации пауз, подсчета их количества и длительности. Он позволяет систематизировать и квантифицировать анализ, приближая исследовательские выводы к идеалу научной обоснованности. Для данных целей транскрипт существенно облегчает анализ. Еще одно достаточно очевидное преимущество транскрипта перед аудио- или видеозаписями – возможность использовать его фрагменты в научном тексте. Однако, понимание смыслов молчания, коих может быть великое множество даже в рамках обычного повседневного диалога, с помощью транскрипта едва ли осуществимо в достаточной мере. Цифры в скобках, возможно, могут натолкнуть на понимание значения конкретной паузы, но не дают достаточно подробной картины ситуации. Поэтому анализ разговоров, направленный на раскрытие структуры диа-

лога, уместно проводить одновременно и с транскриптами, и с аудиозаписями (или видеозаписями – в зависимости от исследовательского фокуса). Тем не менее, даже аудиозаписи могут «проглатывать» важные детали ситуации – куда и какие участники перемещаются, какие при этом жесты и выражения лиц они производят, – доступ к которым не восстановить даже в памяти, если аудиозапись делал другой человек.

Транскрипт придает эмпирическому исследованию повседневного разговора формальность и строгость, оставляя его в поле качественной социологии. При этом конверсационалисты используют в качестве эмпирического материала примеры, которые не обладают ни в каком смысле систематичностью, но зато обладают эмпирической реальностью и организованностью, которая имела место в данном разговоре. Преимуществом метода является ориентация не на субъективные представления о чем-либо, а на реальные (в том числе речевые) действия участников разговора.

Таким образом, современный исследователь повседневного диалога сталкивается с выбором из трех альтернатив: аудиозапись (с транскриптом или без), видеозапись (с транскриптом или без) и простое наблюдение (с последующей письменной фиксацией с той мерой подробности, которую позволяет память). Выбор, как обычно, осуществляется согласно задачам и возможностям конкретного исследования.

Эмпирически молчание в диалоге фиксируется тогда, когда молчат все участвующие в нем субъекты. Хотя молчание одного из участников весьма интересно, и связано с важнейшей темой организации очередности в разговоре (пока один говорит, другой молчит), нас будут интересовать только моменты разговора, когда молчат все его действующие лица. Именно такие зоны диалога сильнее всего ощущаются самими участниками как молчание и паузы. Они более, чем молчание слушающего, приближаются к тем структурным зонам разговора, где молчание замечается, рефлексивируется и нормируется.

Кроме того, в естественном языке молчанием может быть обозначено даже действие, которое включает в себя речь – т.н. «умолчания» (то, о чем нельзя говорить открыто, информация о чем не должна звучать). Последние не имеют прямого отношения к молчаниям и паузам в диалоге. Типичные проявления вранья и «ухода от темы» характеризуются акустическим молчанием в самую последнюю очередь. Вариантом стратегического действия при умолчании может служить перевод темы или «закрытие темы», которое может сопровождаться структурной паузой. Однако, если сам факт умолчания на определенную тему скрывается, этой паузы может и не быть.

Хотя изначально конверсационный анализ фокусировался на диалогах со многими участниками, закономерности возникновения в диалоге молчания и пауз проще увидеть на простых формах разговоров, а именно, когда количество участников не более двух-трех человек. Чем больше в разговоре принимает участие индивидов, тем сложнее с помощью аудиозаписи уловить момент, когда один человек использует в рамках разговора определенные конверсационные стратегии при помощи пауз. В частности, конверсационный анализ может дать нам увидеть, какой длительности паузы в диалоге были допустимы, а при каких участники начинали применять действия для нормализации диалога; после каких или перед какими действиями (или высказываниями) в диалоге появляется молчание; как с помощью молчания указывается на необходимость коррекции в диалоге и т.д.

Структурные зоны молчания в диалоге

Молчания и паузы в диалоге приобретают смысл не только через апелляцию к личным намерениям молчащего, рассмотренную выше как «молчаливый ответ», но и к их позиции и роли в структуре диалога. Молчание в диалоге (как и речь) направляется, канализируется самим порядком разговора, признанным в

равной мере всеми его участниками. Для исследования диалогового молчания в данной статье используется этнометодологический подход и анализ структуры ситуации. Ниже мы выделим несколько тем, развитых в указанных направлениях исследования диалога, дающих представление о месте и роли пауз в повседневном разговоре.

Некоторые паузы инициированы той «структурной осью» разговора, которому большое внимание уделили основатели конверсационного анализа – порядком очередности [9, с. 39]. Диалог всегда структурирован по тому, кто в данный момент взял себе слово. Во многих случаях, хотя и не всегда, чтобы передать или использовать свое право произнести реплику, необходима некоторая условность, своеобразный «ритуал передачи слова», который часто сопровождается паузой. Такая пауза является не просто «признаком уважения» партнера по взаимодействию, но признаком и сигналом для него, что мне понятна сама ситуация, распределение в ней социальных ролей и организация ее структуры на практическом уровне. Для участников разговора пауза «передачи слова» может интерпретироваться, например, как окончание темы или фразы одним из собеседников и продолжение ее или начало новой темы – другим. Для иллюстрации такого рода пауз рассмотрим фрагмент диалога, в котором двое друзей обсуждают какие билеты на поезд лучше взять²:

Пример 1.

Б: Если в поезде спать всю дорогу тогда да (1,7)

А: да СТО ПРОЦЕНТОВ уснем потому что поезд даже

² Эмпирическим материалом статьи служит пилотажное исследование, проведенное автором при участии студентов 2-го курса Социологического факультета ГАУГН в мае-июле 2023 года с использованием метода конверсационного анализа. В результате данного исследования было собрано и проанализировано 40 повседневных диалогов длительностью от 2 до 5 минут. Все диалоги записаны тайно, то есть, являются примерами разговоров в естественном виде.

по-моему на ласточку в пять утра (1,5) мы пока (0,5) ну не знаю мы ж долго не будем спать (0,5) считай сколько вот мы (0,5) все обычно просыпаемся в двенадцать (1,3) там в час, где-то ну допустим, условно

Б: С чего это в двенадцать=

А: =Не-не-не обычно просыпаемся вот допустим мы уезжаем (0,4) третьего числа в пять утра. (0,7) Второго числа мы встаем в двенадцать (2) а::: и получается мы прям целый-целый день (1,8) целый-целый день на ногах. (4,3) И мы уже мне кажется в пять утра мы прям (.) завалимся и уснем. (3,6) Вот. (2,3)

Б: Ну я тоже сказал сразу типа (1,8) тысяча (0,6) стоит намного больше чем два часа времени³

В «релевантных местах перехода» говорящий прерывается и дает слово другому, если этого не происходит, он продолжает говорить до следующего подходящего места перехода. «В любом месте перехода, в котором не реализуется ни одна возможность для высказывания, возникает возможность заминки и тем самым прерывания говорения» [10, с. 169]. Например, в четвертой реплике диалога (А) из трех возможных мест перехода (с завершающей интонацией и достаточно длительными паузами) передача слова произошла только на третий раз, подчеркнуто выделенный говорящим как конец реплики: «*целый-целый день на ногах. (4,3) И мы уже мне кажется в пять утра мы прям (.) завалимся и уснем. (3,6) Вот. (2,3)*». После первой паузы была

³ При составлении транскриптов мы использовали систему условных обозначений для кодировки устной речи, введенную в научный оборот Гейл Джефферсон [см.: 10; 11; 12]. Не имея возможности представить здесь данную систему целиком, приводим «ключи» лишь для тех знаков, которые использовались для иллюстраций диалогов в данной статье: «(1,5)» – длительность паузы в секундах; «(.)» – короткая пауза; «СТО» – сильный акцент на слове; «=>» – реплики произносятся без паузы; знаки препинания – для обозначения интонаций; вне зависимости от правил пунктуации; «двенад-» – прерванное слово; «а:::» – растянутый слог, «дтура» – интонационное ударение на слог.

предпринята попытка развития мысли. В данном случае пауза стала местом «коррекции» реплики А в условиях молчания Б.

То, как молчание внутри диалога воспринимается самими участниками зависит от того, в каком месте диалога оно возникло [10, с. 170]. Сравним две паузы похожей длительности из нашего примера: 1) «Если в поезде спать всю дорогу тогда да (1,7)» и 2) «получается мы прям целый-целый день (1,8)». В первом случае после паузы произошла передача слова, во втором – нет. Пауза (1,7) «принадлежит» скорее А (заминка перед началом реплики), чем Б, так как Б передал право говорить, окончив свою фразу. Пауза же (1,8) не является местом перехода, так как ни логически, ни интонационно фраза А еще не была окончена. Гарфинкель и Сакс указывают, что молчание может быть связано с определенным говорящим, так как смена очереди предполагает «передачу слова», не только как права говорить, но как *обязанности* [13, р. 294].

В повседневном разговоре (не в дебатах, ритуале или чем-либо еще) содержание и длительность высказываний заранее неизвестны, поэтому спрогнозировать, когда человек замолчит невозможно. Задержки могут быть как естественным следствием наступления места перехода, так и внезапным прекращением речи, там, где место перехода не предполагается. Обычно люди обоюдно понимают, что человек еще не все сказал, и слово пока не перешло им. При этом, если следующий участник не воспользовался релевантным местом перехода, кроме случая, когда к нему непосредственно обращаются, например, с вопросом, само появление места перехода в структуре разговора выглядит как пауза.

Если человек замолчал посреди своей реплики (логически, грамматически и/или интонационно его мысль не закончена), участники интерпретируют данное молчание как паузу, которую говорящий имеет право взять, если она не слишком длинная. При этом они стараются найти ей рациональное объяснение (наби-

рает воздуха, вспоминает, подбирает слова и т.д.). Хотя молчание довольно «загадочно», использование молчания в разговоре не всегда предполагает использование его со скрытыми целями и мотивами. Наоборот, когда в разговоре используется молчание, так же, как и другой речевой акт, люди сами стремятся сделать его объяснимым, рациональным, правильно интерпретируемым, понятным так, как хотелось бы молчащему, и так, как способен понять адресат. Могут использоваться невербальные сигналы «объясняющие» для собеседника паузу.

Если пауза субъективно кажется затянутой, но передача слова пока не желательна, то используются протяжные звуки, заполняющие пустоту. Например, в высказывании «*мы встаем в двенадцать (2) а::: и получается...*» пауза из субъективно длинных 5 секунд превратилась в паузу из субъективно приемлемых 2 секунд за счет несодержательного звукового заполнения пространства протяжным «а». Молчание же, когда «нечего сказать», относится к особой форме «нечего сказать», так как обычно, когда слова не находятся, но желание поддерживать разговор есть, мы издаем какие-то звуки, или формулируем очень простые предложения [6, с. 659].

Еще одной базовой характеристикой разговора является наличие адъацентных (смежных) пар – связанных между собой пар реплик или действий в разговоре. Смежные пары имеют следующее свойство: если имеет место первая реплика / первое действие из пары, то ответ собеседника будет воспринят как ответ на эту реплику / действие. Например, после вопроса должен следовать ответ, после просьбы или приглашения – исполнение (принятие) или отказ. «*Б: С чего это в двенадцать // А: =Не-не-не обычно просыпаемся*» – в данном случае произошло наложение реплик (вполне типичный вариант): Б не успел закончить вопрос, А начал отвечать. Вторая часть пары наступает темпорально после первой. Даже если устного ответа не последовало бы, от А все равно ожидался бы ответ – вербальный или невербальный.

Паузы в диалоге должны быть поняты как части разделов диалога, проще говоря, они должны стоять на своем месте. В ответ на вопрос можно получить паузу, но не слишком длинную, и в сопровождении невербальных признаков раздумья, чтобы дать собеседнику время на формулирование своих мыслей и не перенимать его очередь для продолжения или же «починки» разговора. В смежных парах существуют предпочтительные и неpreferchitelnyye ответы. Чаще всего задержка встречается перед неpreferchitelnyymi ответами [1, с. 231]. В нашем примере Б высказал вопрос-недоумение, после чего сразу же последовал ответ-объяснение от А (удовлетворение недоумения, ответ на вопрос).

Пара «вопрос-ответ» также зачастую служит для участников утверждением в вовлеченности в разговор партнера по взаимодействию. Структурно же при этом происходит учащение чередования реплик. Для иллюстрации приведем фрагмент бытового диалога между супругами:

Пример 2.

А.: Да это-то я знаю когда из банка тебе звонят ой блин у меня тут такой кринж недавно был вот я такая дура (2.0)

Б.: Че (1.5)

А.: Я не знаю вообще о чем я думала <...>

Дальше следует пространный рассказ о столкновении с телефонными мошенниками без смены реплик. Грамматически мысль А была завершена в первой реплике, но содержательно скорее означала только начало истории. Пауза длиной в две секунды заставила Б задать вопрос, подталкивающий А к рассказу истории, то есть, к продолжению, развитию своей реплики. Б воспользовался своей очередью в разговоре после того, как А выждала уже слишком большую паузу в том месте, где история А могла бы начаться. В данном случае связка «пауза – смена

реплики – пауза» – «(2.0) Че (1.5)» – структурно отделяет обмен репликами, который можно назвать «бытовым разговором» или «беседой», от «рассказа о мошенниках», встроенного в «разговор». То есть, в данном примере происходит введение во взаимодействие дополнительной внутренней «рамки». Именно поэтому на данной структурной границе возникает пауза, включившая в себя в данном случае и две смены реплик. Иногда паузы могут маркировать некоторые высказывания, которые следуют за ними, например, как «запоздалые мысли», «объяснения» – или в данном случае, как «рассказ истории о мошенниках».

Редко пауза, соединяющая две реплики, может затянуться дольше, чем это было бы психологически комфортно говорящим. Тогда они могут сказать о таком моменте диалога, что имело место «неловкое молчание». «Грубо говоря, молчание внутри чередов (не в релевантном месте перехода) – это «пауза», и другие первоначально не должны заполнять его своими репликами; молчание после возможной точки завершения – это первоначально задержка и его следует минимизировать; продолжительное молчание в релевантном месте перехода может стать заминкой» [10, с. 170].

Молчание обычно называется «неловким», когда диалог повис в воздухе, при том, что от него требуется движение. Из бытовых наблюдений нетрудно заметить, что далеко не всякое долгое или не слишком долгое молчание вызывает чувство неловкости или другие яркие эмоции. Почему некоторые паузы влияют на людей таким образом, а некоторые остаются незамеченными? «Когда у индивидов истощается их запас «пустяков», они оказываются официально в состоянии разговора при отсутствии темы для него; типичным последствием является озабоченность взаимодействием, переживаемая как «болезненное молчание» [14, с. 146]. Это происходит тогда, когда важнейшая из характеристик разговора, которую мы уже упоминали, – быть неким «фразовым пинг-понгом» – теряется, и разговор становится уже не очень похож

на разговор. Закономерный эмоциональный ответ на такого рода молчание – неловкость, растерянность, тревога. Само чувство неловкости подсказывает исследователю (и обывателю), что сейчас происходит нечто такое, чего лучше бы не происходило, – нарушение привычного порядка интеракции.

Социальные структуры повседневного взаимодействия, в которых каждый день вынуждены существовать и действовать люди, составляют основу жизни человека в обществе. Исследование повседневных практик человеческого общения не может ограничиваться только артикулированными смыслами, вложенными в слова, выражения и интонации хотя бы потому, что умение «правильно промолчать» так же отражает социальную компетентность в понимании локального социального порядка и, шире, культуры конкретного общества, как и умение уместно говорить.

Молчание является сложным для интерпретации объектом не только для социально-гуманитарных исследователей, но и для рядовых членов общества. Зачастую молчание одного собеседника означает совсем не то, что подумал второй. Вместе с тем, избегать этой сложности просто заменив молчание «невыраженными» словами, артикулировав его «подразумеваемый смысл», далеко не всегда продуктивно и оправдано, и помимо этого, не всегда возможно. Анализ роли молчания и пауз в диалоге ярко демонстрирует, что иногда молчание не имеет никакого (глубокого) смысла, кроме собственно микроструктурного. Паузы позволяют реализовывать разговор как событие, являясь при этом не «вакуумом», в котором располагаются слова, а полноценной его частью.

Однако, молчание может как встраиваться в коммуникацию, быть ее звеном, или компонентом, следствием и реализацией естественной структуры разговора, так и может быть тем, что ее

нарушает. Если в первом случае исследуется структурирующее разговор молчание, то во втором – мы должны выяснить, какие правила были нарушены через молчание и какими способами люди приводят такое взаимодействие в норму. Если ход в игре не был сделан, значит были нарушены ее правила. Таким образом, когда неуместное или странное молчание заставило участников коммуникации усомниться в серьезности актуальной социальной реальности или своем правильном ее понимании, взаимодействие выходит на мета-уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Улановский А. М.* Феноменология разговора: метод конверсационного анализа // Вопросы психолингвистики. 2016, т. 27, № 1. С. 218-237. EDN: VRNNTV.
2. *Подвойский Д. Г., Спиркина А. К.* В тишине..., меж людей...: молчание как предмет социологического изучения // Социологические исследования. 2022, № 6. С. 125-135. EDN: GRVUVS. DOI: 10.31857/S013216250019659-7.
3. *Спиркина А. К.* Игра в «молчанку» как форма социального взаимодействия // Социологические исследования. 2023, № 7. С. 84-92. EDN: GJWUVH. DOI: 10.31857/S013216250026588-9.
4. *Спиркина А. К.* Конструирование социальности в практике «молчания у гроба» // Умолчание. Интерпретация культурных кодов: 2023 / Сост. и общ. ред. В. Ю. Михайлина. Саратов: ИЦ «Наука», 2023. С. 244-257. EDN: EUOHOU.
5. *Спиркина А. К.* Роль молчания в производстве социального порядка медитации (на примере випассаны) // Вестник РУДН: Серия Социология. 2023, т. 23, № 2. С. 389-403. EDN: XSDHTJ. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-389-403.
6. *Гофман И.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Р. Е. Бумагина, Ю. А. Данилова, А. Д. Ковалева, О. А. Оберемко; под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 752 с. ISBN 5-93947-011-4. EDN: QOCOAX.
7. *Kurzon D.* Discourse of silence. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1998. 162 p. ISBN 978-90-272-8260-6. DOI: 10.1075/pbns.49.
8. *Lynch M.* Silence in context: Ethnomethodology and social theory // Human studies. 1999, vol. 22, № 2. P. 211-233. EDN: AGRAUL. DOI: 10.1023/A:1005440501638.

9. *Исупова О. Г.* Конверсационный анализ: представление метода // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2002, № 15. С. 33-52. EDN: PEYINZ.

10. *Сакс Х., Шеглофф Э., Джефферсон Г.* Простейшая систематика организации очередности в разговоре / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. 2015, Т. 14. № 1. С. 142-202. EDN: TRRRAJ.

11. *Турчик А. В.* Конверсационный анализ смеха в речевом взаимодействии: случай конструирования оценок власти // Социологический журнал. 2010, № 1. С. 21-36. EDN: PBDSHP.

12. *Jefferson G.* Glossary of transcript symbols with an introduction // Conversation Analysis: studies from the first generation / Ed. by G. Lerner. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2004. P. 13-31. DOI: 10.1075/pbns.125.02jef.

13. *Schegloff E. A., Sacks H.* Opening up Closings // Semiotica. 1973, vol. 8, № 4. P. 289-327. DOI: 10.1515/semi.1973.8.4.289.

14. *Гофман Э.* Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ. С. С. Степанова, Л. В. Трубицыной. М.: Смысл, 2009. 319 с. EDN: QXZUNR. ISBN 978-5-89357-276-6.

Сведения об авторе

Спиркина Анастасия Константиновна

Кандидат социологических наук, младший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, ассистент кафедры
социологии и культурологии МГТУ им. Баумана.

SPIN-код: 9208-8977

Elibrary Author_id: 1131791

Статья поступила в редакцию: 16.10.2025 г.

Статья принята к публикации: 23.04.2026 г.

SILENCE IN DIALOGUE: CONVERSATION ANALYSIS AS A METHODOLOGY FOR STUDYING PAUSES IN EVERYDAY CONVERSATION

Spirkina Anastasia K.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

spirkina.ak@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2849-6792

For citation: Spirkina A.K. Silence in dialogue: conversation analysis as a methodology for studying pauses in everyday conversation. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 1(62), p. 95-120. DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.4.

Abstract. The article examines the problem of using the ethnomethodological approach, in a broad sense, and conversation analysis (CA), in particular, to study the role of silence and pauses in everyday dialogue. The advantages and disadvantages of CA for the study of conversational silence are indicated. Conversation analysis deprives silence of its mystery, elusiveness and «inexpressibility», since it marks all conversational pauses in writing with special signs. Silence recorded on paper becomes the object of systematic observation. Using this methodology, as well as the theoretical and methodological program of the sociology of everyday life in general, the author develops a microstructural approach to analyzing the situation of dialogue. According to this approach, silence and pauses within a conversation are more or less regulated in terms of length and location in the structure of the dialogue (depending on the type of dialogue communication), as well as the non-verbal signals accompanying them. This «regulation» within the framework of ethnomethodology becomes visible to the researcher not as cultural norms or general frameworks of decency, but (without denying the existence of the latter) as practices for building local social structure, techniques for reproduction, restoration, explanation and interpretation of mutual actions. In this regard, the need to distinguish pauses by their

structural role in a conversation and by the rational explanations given to them by ordinary participants and observers based on their practical use and common sense is pointed out.

Keywords: conversation analysis, ethnomethodology, silence in conversation, analysis of pauses, interaction structure, sociology of everyday life.

References

1. Ulanovsky A.M. Phenomenology of conversation: Method of conversation analysis (in Russian), *Voprosy psiholingvistiki*, 2016, vol. 27, no. 1, p. 218-237.
2. Podvoyskiy D.G., Spirikina A.K. In the quiet..., between people...: silence as a subject of sociological study (in Russian), *Sociologicheskie issledovaniya*, 2022, no. 6. p. 125-135. DOI: 10.31857/S013216250019659-7.
3. Spirikina A.K. «Silence game» as a form of social interaction (in Russian), *Sociologicheskie issledovaniya*, 2023, no. 7, p. 84–92. DOI: 10.31857/S013216250026588-9.
4. Spirikina A.K. “Construction of sociality in the practice of “silence at the coffin” (in Russian), in: *Silence. Interpretation of cultural codes: 2023*, ed. by V.Y. Mikhailin. Saratov: IC «Nauka», 2023, p. 244-257.
5. Spirikina A.K. The role of silence in the production of social order in meditation (on the example of vipassana) (in Russian), *Vestnik RUDN: Seriya Sociologiya [RUDN Journal of Sociology]*, 2023, vol. 23, no. 2, p. 389-403. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-389-403.
6. Goffman E. *Frame analysis: an essay on the organization of experience* (transl., in Russian), ed. by G.S. Batygin, L.A. Kozlova. Moscow: IS RAN, 2003. 752 p.
7. Kurzon D. *Discourse of silence*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1997. 162 p. DOI: 10.1075/pbns.49.
8. Lynch M. Silence in context: Ethnomethodology and social theory, *Human studies*, 1999, vol. 22, no. 2, p. 211-233. DOI: 10.1023/A:1005440501638.
9. Isupova O.G. Conversation analysis: The exposition of the method (in Russian), *Sotsiologiya 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2002, no. 15, p. 33-52.
10. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation (transl., in Russian),

- Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]*, 2015, vol. 14, no. 1, p. 142-202.
11. Turchik A.V. Conversation analysis of laughter in speech interaction: The case of the construction of the evaluations of power (in Russian), *Sociologicheskij zhurnal*, 2010, no. 1, p. 21-36.
 12. Jefferson G. “Glossary of transcript symbols with an introduction”, in: *Conversation Analysis: studies from the first generation*, ed. by G. Lerner. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2004, p. 13-31. DOI: 10.1075/pbns.125.02jef.
 13. Schegloff E.A., Sacks H. Opening up Closings, *Semiotica*, 1973, vol. 8, no. 4, p. 289-327. DOI: 10.1515/semi.1973.8.4.289.
 14. Goffman E. *Interaction ritual: essays on face-to-face behavior* (transl., in Russian). Moscow: Smysl, 2009. 319 p.

Information about the author

Anastasia K. Spirkina

Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Assistant Professor at the Department of Sociology and Cultural Studies at Bauman Moscow State Technical University.

SPIN-code: 9208-8977

Elibrary Author_id: 1131791

**М. К. ГОРШКОВ КАК МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИННОВАТОР. ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО**

Михайлов Алексей Александрович

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия

Эл. почта: mix-al.mix@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8874-0377

Для цитирования: Михайлов А.А. М. К. Горшков как методический инноватор. Памяти выдающегося ученого // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026. Т. 35, № 1(62). С. 121-134. DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.5. EDN: AKDFTL.

В статье представлен анализ методических и методологических инноваций, внедрённых в отечественную социологию академиком РАН Михаилом Константиновичем Горшковым (1950–2025). На основе изучения его научных трудов и оценок экспертного сообщества выделены четыре ключевые инновации: динамическая концепция общественного мнения, социология массового сознания как самостоятельное научное направление, теория и инструментарий социологической диагностики, а также систематизация прикладной методологии. Показана эволюция научных взглядов учёного – от ранних работ советского периода, выполненных в стенах Академии общественных наук при ЦК КПСС, до создания целостной диагностической модели, интегрирующей междисциплинарные и контекстуальные подходы. Обосновывается вывод о том, что методические инновации М. К. Горшкова образуют единую развивавшуюся систему, а созданная им научная школа заложила фундамент современного анализа российского общества.

Ключевые слова: М. К. Горшков, социологическая диагностика, общественное мнение, массовое сознание, прикладная социология, методология социологических исследований, российское общество.

Михаил Константинович Горшков (29 декабря 1950 г. – 24 ноября 2025 г.) – выдающийся отечественный социолог, академик РАН, доктор философских наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, многолетний руководитель ведущих социологических центров страны. Это ученый, которому уже посвящена обширная литература [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10], к огромному сожалению, теперь пополняющаяся попытками осмысления его творчества по траурному поводу.

Но масштаб личности и деятельности, а также объем научного наследия Михаила Константиновича оказываются таковы, что несмотря на обилие публикаций, мы все еще далеки от их полного понимания. Например, остается малоизвестным тот факт, что совсем еще молодой М. К. Горшков выступал одним из организаторов и руководителей уникального всесоюзного социологического исследования, сопровождавшего массовое обсуждение принятия новой Конституции СССР. С 15 июня по 30 июля 1977 г. на 45 предприятиях, представительно распределенных по Советскому Союзу, был проведен опрос 14817 человек, позволивший измерить динамику ознакомления с проектом конституции и отношения к нему [11]. В своих совместных с Н. И. Бетанели и Н. П. Пищулиным исследованиях во второй половине 1980-х годов, М. К. Горшков одним из первых социологов получил фактические данные о масштабах «фальсификации предпочтений» в общественном мнении [12], как стали полагать позднее, и приведших к краху всей советской системы [13, р. 261-288].

За позднейшими масштабными работами Михаила Константиновича, на наш взгляд, также неоправданно порой теря-

ется из вида методическое влияние дважды издававшегося под его редакцией практического руководства «Как провести социологическое исследование» [14; 15], в позднем СССР и ранней постсоветской России сопоставимое с «Рабочей книгой социолога» [16] и учебником В. А. Ядова [17]. «Выросшие» из этого руководства издания «Основы прикладной социологии» [18] и особенно «Прикладная социология» [19], несомненно, повлияли на тысячи студентов и практиков, сформировав их видение методики эмпирических социологических исследований. Таким образом, М. К. Горшков на протяжении десятилетий не только руководил ключевыми социологическими центрами, но и формировал методологический облик отечественной социологии. В связи с этим, осмысление его методологического наследия представляет интерес не меньший, чем анализ конкретных результатов исследований и основанных на них теоретических положений. Не претендуя на полноту такого осмысления, мы попытаемся выделить наиболее важные аспекты вклада Горшкова в модернизацию социологической методологии, те его идеи и подходы, которые были новаторскими на момент их выдвижения, даже если сейчас они кажутся вполне очевидными.

На наш взгляд, одной из наиболее значимых методолого-методических новаций М. К. Горшкова стала системно-динамическая концепция формирования и функционирования общественного мнения. Согласно ей, «общественное мнение есть не что иное, как система, причем система целостная, динамичная, целесообразная» [20, с. 203]. Необходимо заметить, что такой системно-динамический подход противостоит вовсе не статическим моделям, которые могли бы трактовать общественное мнение, например, как застывшую реакцию на текущие события. Подобные упрощенные взгляды едва ли когда-нибудь существовали в социальной науке. Однако атомистический, «энумеративный» подход к общественному мнению и сегодня еще остается доминирующей парадигмой его изучения [21; 22].

В чем принципиальная разница одного и другого? Если мы рассматриваем общественное мнение просто как сумму индивидуальных установок, то закономерности изменения их набора, очевидно, лежат вне самого общественного мнения. Это могут быть либо индивидуально-психологические процессы (как то предполагается, например, в психоаналитических моделях [23]), либо просто внешняя манипуляция со стороны политических элит и деятелей СМИ. В концепции же Горшкова принципиально важным являлось то, что она позволяет перейти от фиксации отдельных мнений к анализу его функционирования по собственным внутренним законам.

С методической точки зрения результатом применения такой концепции становится отрицание упрощенных моделей объяснения состояния и изменений общественного мнения. На макро-социальном уровне и левый «критический» взгляд на него как на результат манипуляций со стороны ангажированных СМИ в капиталистических обществах, и право-либеральное видение тоталитарного «массового психоза» в советской системе оказываются одинаково нерелевантными из-за своего редуccionизма (примечательно, что в обоих случаях общественное мнение сводится к результату воздействия элит). На уровне же прикладных социологических исследований оказывается невозможной выработка технократических стратегий управления общественным мнением, которые позволяли бы быстро и эффективно «переобучить» население новым, нужным власти установкам. Как это удачно сформулировал С. Н. Комиссаров в своих воспоминаниях об академике Горшкове, «власть часто игнорирует сложность общества, укладывая эту сложность в простые схемы, удобные для иллюстрации принятых решений. Призвание учёного – смотреть в лицо жизни, какой бы сложной она ни была» [3, с. 170].

Системно-динамический подход к общественному мнению оказался масштабируемым и на другие, более широкие явления массового сознания: от социальных чувств и обще-

ственных настроений до духовной атмосферы и ценностных ориентаций больших групп людей. В программной статье «К вопросу о социологии массовидных духовных образований», М. К. Горшков провёл концептуализацию социологического анализа этих явлений, разделив их на два уровня: массовидные духовно-психологические (социальные чувства, общественные настроения и умонастроения, духовная атмосфера) и духовно-практические (общественное мнение и общественные волевые побуждения). Его ключевой теоретический вывод состоял в том, что «непосредственно воздействуют на количественно-качественные характеристики массовидных духовных образований как состояний сознания больших социальных общностей не общественные отношения (что чаще всего утверждается), а общественная ситуация» [24, с. 9].

Введение в социологический анализ таких внешних переменных при одновременном постулировании внутренних, системных источников динамики общественного мнения и массового сознания, в методическом отношении означает уже не просто отрицание упрощенных моделей, но необходимость нового подхода, который получил у М. К. Горшкова название «социологической диагностики» [25]. Его суть заключается в сочетании принципов междисциплинарности и контекстуальности, применяемых на четырех уровнях: 1) на уровне методических, процедурных правил и приемов, направленных на эмпирическое изучение социальных фактов, 2) макросоциологического теоретического анализа явлений и процессов, 3) анализа в рамках теорий среднего уровня, 4) интегрирования эмпирических фактов в рамках теоретических интерпретаций. Такая интегральная диагностика «не только обеспечивает единство и взаимообогащение эмпирического и теоретического анализа социума, но и делает инструментарий высоковалидным – её результаты отражают реальные состояния общества» [26, с. 153]. Как отмечает С. А. Кравченко, «этот диагностический инструментарий позво-

ляет перейти от социологии как науки об обществе к социологии как науке для общества – выработать объективный прогноз его развития в контексте глобальных и национальных реалий, что дает возможность выдвигать достижимые цели, определять конкретные средства движения к ним, учитывать субъективные факторы его исторического преобразования и функционирования» [4, с. 185].

Нельзя не заметить, что подобная комплексность подхода корреспондирует с все шире распространяющимися в мировой социологии идеями «смешивания методов» и триангуляции, направленными на преодоление так называемого «кризиса воспроизводимости». В этом отношении наследие М. К. Горшкова своими работами выводил российскую социологию на передовой уровень. В целом же можно сказать, что его методические идеи представляют собой не разрозненные техники, а единую, развивавшуюся на протяжении десятилетий систему. Начав с анализа общественного мнения в советский период, он пришёл к созданию целостной модели социологической диагностики, укоренённой в понимании сложной, многослойной социальной реальности постсоветской России. Системно-динамическая концепция общественного мнения обеспечила возможность перехода от статичных описаний к процессуальному анализу, в рамках которого конкретный инструментарий эмпирических социологических исследований превращался в инструмент познания и «терапии» социума. Наследие М. К. Горшкова – это не только конкретные методы и публикации, но и определённый стиль научного мышления: прикладной, нацеленный на объективное знание, но при этом открытый к сложности социальной реальности и служащий интересам общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Данилов А. Н.* Михаил Константинович Горшков // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020, № 4. С. 130-131. EDN: TOUVMK.
2. *Комиссаров С. Н.* Академик РАН Михаил Горшков: «Есть такое призвание–общество изучать» // Гуманитарий Юга России. 2025, т. 14, № 6. С. 22-33. EDN: QRXNAX. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.6.1.
3. *Комиссаров С. Н.* Академик РАН Михаил Горшков: Личность учёного в эпоху перемен // Управление наукой: теория и практика. 2025, т. 7, № 4. С. 164-197. DOI: 10.19181/smp.2025.7.4.9. EDN: QSDSWX.
4. *Кравченко С. А.* Социологическая диагностика М. К. Горшкова: достоверное знание о российском обществе, прогнозы его будущего // Полис. Политические исследования. 2017, № 2. С. 183-191. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.13.
5. *Кравченко С. А.* Академик РАН Михаил Горшков: инновации в отечественную социологию и социологическое образование // Гуманитарий Юга России. 2025, т. 14, № 6. С. 34-45. EDN: QPCNAA. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.6.2.
6. *Кравченко С. А.* Теория социологической диагностики академика М. К. Горшкова: возможности ее использования для анализа пандемии COVID-19 // Гуманитарий Юга России. 2020, т. 9, № 6. С. 48-56. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.6.2.
7. *Кумыков А. М., Тумов А. А.* Методологический вклад академика М. К. Горшкова в изучение российской идентичности и межэтнических отношений: памяти ученого // Гуманитарий Юга России. 2025, т. 14, № 6. С. 46-58. EDN: OKAGSY. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.6.3.
8. Наследие академика М. К. Горшкова: социология для России и регионов // Гуманитарий Юга России. 2025, т. 14, № 6. С. 16-21. EDN: SCVWAN.
9. *Харитонов Е. М.* В зеркале общественного мнения: академик Михаил Горшков // Гуманитарий Юга России. 2016, т. 17, № 1. С. 14-18.
10. *Чугров С. В.* Опыт социологической диагностики Михаила Горшкова // Полис. Политические исследования. 2012, № 6. С. 175-177. EDN: PFCYXP.
11. *Пивоваров В. Г., Кулагин А. С., Горшков М. К.* Итоги социологического исследования процесса формирования и функционирования общественного мнения о проекте Конституции СССР в трудовых коллективах // Всенародное обсуждение проекта конституции СССР /Под ред. В. Г. Пивоварова. М.: АОН при ЦК КПСС, 1978. С. 71-125.
12. Гласность и демократизация. Общественное мнение о перестройке // Известия ЦК КПСС. 1989, № 4. С. 105-108.
13. *Kuran T.* Private truths, public lies: The social consequences of preference falsification. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, 1998. 432 p.

14. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Маслова О. М.* Как провести социологическое исследование: В помощь идеол. активу /Под ред. М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги. М.: Политиздат, 1985. 287 с. ISBN 978525003209.

15. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Маслова О. М.* Как провести социологическое исследование: В помощь идеол. активу /Под ред. М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1990. 287 с. ISBN 5-250-00320-6.

16. *Руткевич М. Н., Кабыща А. В., Андреенков В. Г.* Рабочая книга социолога / Академия наук СССР, Институт социологических исследований. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1983. 433 с.

17. *Ядов В. А.* Социологическое исследование: Методология. Программа. Методы. М.: Наука, 1972. 239 с.

18. *Горшков М. К., Докторов Б. З., Маслова О. М., Шереги Ф. Э.* Основы прикладной социологии: Учеб. для вузов /Под ред. Ф. Э. Шереги, М. К. Горшкова. М.: Фирма “Ингерпракс”, 1996. 179 с.

19. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Прикладная социология: методология и методы: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2009. 416 с. ISBN 978-5-16-003468-3.

20. *Горшков М. К.* Общественное мнение: история и современность. М.: Политиздат, 1988. 383 с. EDN: TIFQXD. ISBN 5-250-00057-6.

21. *Шубрт И.* Действительно ли опросы общественного мнения изучают общественное мнение? // Социологические исследования. 2018, № 12. С. 56-62. DOI: 10.31857/S013216250003169-8.

22. *Бабич Н. С.* Онтологические допущения опросов общественного мнения в социально-политическом и технологическом контексте // Социология науки и технологий. 2019, т. 10, № 4. С. 113-124. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-14007.

23. *Sarnoff I.* Psychoanalytic theory and social attitudes // Public opinion quarterly. 1960, vol. 24, № 2. P. 251-279.

24. *Горшков М. К.* К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования. 2021, № 2. С. 3-14. EDN: BDUMDQ. DOI: 10.31857/S013216250012674-4.

25. *Горшков М. К.* Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. М.: Новый хронограф, 2016. 496 с. ISBN 978-5-94881-343-1.

26. *Горшков М. К.* Социальная справедливость и неравенства как объект социологической диагностики // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 21 / Под. ред. М. К. Горшкова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 150-172. DOI: 10.19181/ezheg.2023.6. ISBN 978-5-89697-419-2.

Сведения об авторе:

Михайлов Алексей Александрович

Аспирант социологического факультета Государственного
академического университета гуманитарных наук,
преподаватель кафедры методологии и методов
социологических исследований Государственного
академического университета гуманитарных наук.

SPIN код: 9137-2318

Elibrary Author_id: 1242862

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025 г.

Статья принята к публикации: 17.04.2026 г.

**M. K. GORSHKOV AS A METHODOLOGICAL INNOVATOR.
IN MEMORY OF AN OUTSTANDING SCIENTIST**

Mikhailov Aleksey A.

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

mix-al.mix@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8874-0377

For citation: Mikhailov A.A. M. K. Gorshkov as a methodological innovator. in memory of an outstanding scientist, *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 1(62), p. 121-134. DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.5.

Abstract. This article presents an analysis of the methodological innovations introduced into Russian sociology by Russian Academy of Sciences Academician Mikhail Konstantinovich Gorshkov (1950–2025). Based on a study of his scientific works and expert community assessments, four key innovations are identified: a dynamic concept of public opinion, the sociology of mass consciousness as an independent scientific field, the theory and tools of sociological diagnostics, and the systematization of applied methodology. The article explores the evolution of the scholar’s scientific views, from his early Soviet-era work at the Academy of Social Sciences under the CPSU Central Committee to the creation of a comprehensive diagnostic model integrating interdisciplinary and contextual approaches. It substantiates the conclusion that M.K. Gorshkov’s methodological innovations form a unified, evolving system, and the scientific school he founded laid the foundation for the modern analysis of Russian society.

Keywords: M. K. Gorshkov, sociological diagnostics, public opinion, mass consciousness, applied sociology, methodology of sociological research, Russian society.

References

1. Danilov A.N. Mikhail Konstantinovich Gorshkov (in Russian), *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 2020, no. 4, p. 130-131.

2. Komissarov S.N. Academician M. K. Gorshkov: «There is such a vocation – to study the society» (in Russian), *Humanities of the South of Russia*, 2025, vol. 14, no. 6, p. 22-33. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.6.1.
3. Komissarov S.N. Academician of the RAS Mikhail Gorshkov: The Researcher's Personality in Times of Change (in Russian), *Science Management: Theory and Practice*, 2025, vol. 7, no. 4, p. 164-197. DOI: 10.19181/smtpr.2025.7.4.9.
4. Kravchenko S.A. Sociological Diagnostics by Mikhail Gorshkov: Valid Knowledge of Russian Society, Prognoses of Its Future (in Russian), *Polis. Political Studies*, 2017, no. 2, p. 183-191. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.13.
5. Kravchenko S.A. Academician M. K. Gorshkov: innovations in Russian sociology and sociological education (in Russian), *Humanities of the South of Russia*, 2025, vol. 14, no. 6, p. 34-45. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.6.2.
6. Kravchenko S.A. The Theory of Sociological Diagnostics of Academician M.K. Gorshkov: the Possibilities of Its Use for COVID-19 Pandemic Analysis (in Russian), *Humanities of the South of Russia*, 2020, vol. 9, no. 6, p. 48-56. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.6.2.
7. Kумыков А.М., Тумов А.А. Methodological contribution of academician M. K. Gorshkov to the study of Russian identity and interethnic relations: in memory of the scientist (in Russian), *Humanities of the South of Russia*, 2025, vol. 14, no. 6, p. 46-58. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.6.3.
8. The Legacy of Academician M. K. Gorshkov: Sociology for Russia and the Regions (in Russian), *Humanities of the South of Russia*, 2025, vol. 14, no. 6, p. 16-21.
9. Kharitonov E.M. V zerkale obshchestvennogo mneniya: akademik Mihail Gorshkov [In the Mirror of Public Opinion: Academician Mikhail Gorshkov] (in Russian), *Humanities of the South of Russia*, 2016, vol. 17, no. 1, p. 14-18.
10. Chugrov S.V. Mikhail Gorshkov's experience of social diagnostics (in Russian), *Polis. Political Studies*, 2012, no. 6, p. 175-177.
11. Pivovarov V.G., Kulagin A.S., Gorshkov M.K. "Itogi sociologicheskogo issledovaniya processa formirovaniya i funkcionirovaniya obshchestvennogo mneniya o proekte Konstitucii SSSR v trudovykh

- kollektivah” [Results of a sociological study of the process of formation and functioning of public opinion on the draft Constitution of the USSR in work collectives] (in Russian), in: *Vsenarodnoe obsuzhdenie proekta konstitucii SSSR* [National discussion of the draft constitution of the USSR], ed. by V.G. Pivovarov. Moscow: AON pri CK KPSS, 1978. p. 71-125.
12. Glasnost’ i demokratizaciya. Obshchestvennoe mnenie o perestrojke [Glasnost and Democratization. Public Opinion on Perestroika] (in Russian), *Izvestiya CK KPSS* [News of the Central Committee of the CPSU], 1989, no. 4, p. 105-108.
 13. Kuran T. *Private truths, public lies: The social consequences of preference falsification*. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, 1998. 432 p.
 14. Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Maslova O.M. *Kak provesti sociologicheskoe issledovanie: V pomoshch’ ideol. aktivu* [How to Conduct a Sociological Research Study: Helping the Idea Active] (in Russian), ed. by M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. Moscow: Politizdat, 1985. 287 p. ISBN 9785250003209.
 15. Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Maslova O.M. *Kak provesti sociologicheskoe issledovanie: V pomoshch’ ideol. aktivu* [How to Conduct a Sociological Research Study: Helping the Idea Active] (in Russian), ed. by M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. 2nd edition, suppl. Moscow: Politizdat, 1990. 287 p. ISBN 5-250-00320-6.
 16. Rutkevich M.N., Kabyshecha A.V., Andreenkov V.G. “Rabochaya kniga sociologa” [Workbook of a sociologist] (in Russian), in: *Akademiya nauk SSSR, Institut sociologicheskikh issledovanij. 2-e izd., pererab. i dop.* [Academy of Sciences of the USSR, Institute of Sociological Research. 2nd ed., revised. and additional]. Moscow: Nauka, 1983. 433 p.
 17. Yadov V.A. *Sociologicheskoe issledovanie: Metodologiya. Programma. Metody* [Sociological Research: Methodology. Program. Methods] (in Russian). Moscow: Nauka, 1972. 239 p.
 18. Gorshkov M.K., Doctorov B.Z., Maslova O.M., Sheregi F.E. *Osnovy prikladnoj sociologii: Ucheb. dlya vuzov* [Fundamentals of Applied Sociology: Textbook for Universities] (in Russian), ed. by F.E. Sheregi, M.K. Gorshkov. Moscow: Firma “Interpraks”, 1996. 179 p.
 19. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Prikladnaya sociologiya: metodologiya i metody: uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij*

- [Applied Sociology: Methodology and Methods: A Textbook for Students of Higher Education Institutions] (in Russian). Moscow: Alfa-M: INFRA-M, 2009. 416 p. ISBN 978-5-98281-155-4, 978-5-16-003468-3.
20. Gorshkov M.K. *Obshchestvennoe mnenie: istoriya i sovremennost'* [Public opinion: history and modernity] (in Russian). Moscow: Politizdat, 1988. 383 p. ISBN 5-250-00057-6.
 21. Šubrt I. Do Public Opinion Polls actually Provide a Survey of Public Opinion? (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2018, no. 12, p. 56-62. DOI: 10.31857/S013216250003169-8.
 22. Babich N.S. The Ontological Assumptions of Public Opinion Polls in Socio-Political and Technological Context (in Russian), *Sociology of Science and Technology*, 2019, vol. 10, no. 4, p. 113-124. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-14007.
 23. Sarnoff I. Psychoanalytic theory and social attitudes, *Public opinion quarterly*, 1960, vol. 24, no. 2, p. 251-279.
 24. Gorshkov M.K. To the Issue of Sociology of Collective Spiritual Phenomena (Theoretical and Methodological Aspect) (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2021, no. 2, p. 3-14. DOI 10.31857/S013216250012674-4.
 25. Gorshkov M.K. *Rossijskoe obshchestvo kak ono est': (opyt sociologicheskoy diagnostiki). V 2 t.* [Russian society as it is: (an attempt at sociological diagnostics). In 2 vol.] (in Russian). Vol. 2. Moscow: Novyj hronograf, 2016. 496 p. ISBN 978-5-94881-343-1.
 26. Gorshkov M.K. "Social'naya spravedlivost' i neravenstva kak ob'ekt sociologicheskoy diagnostiki" [Social justice and inequalities as an object of sociological diagnostics] (in Russian), in: *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik: vyp. 21* [Russia under Reform: Yearbook: Issue 21], ed. by M.K. Gorshkov; Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2023, p. 150-172. DOI: 10.19181/ezheg.2023.6. ISBN 978-5-89697-419-2.

Information about the author

Aleksey A. Mikhailov

Postgraduate student of the sociological faculty of the State Academic University of Humanities, Lecturer at the Department of Methodology and Methods of Sociological Research of the State Academic University of Humanities.

SPIN code: 9137-2318

Elibrary Author_id: 1242862

DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.6

EDN: ZEIXMM

РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ В САМООПИСАНИИ ОБЩЕСТВ. К ОСМЫСЛЕНИЮ НАСЛЕДИЯ М. С КОСОЛАПОВА

Батыков Иван Владимирович

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Эл. почта: ivbatykov@socexpertiza.ru

ORCID: 0000-0002-9026-5824

Для цитирования: Батыков И.В. Репрезентативность в самоописании обществ. К осмыслению наследия М. С Косолапова // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026. Т. 35, № 1(62). С. 135-151. DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.6. EDN: ZEIXMM.

Статья посвящена теоретико-методологическому осмыслению научного наследия М. С Косолапова, безвременно ушедшего выдающегося ученого, внесшего большой вклад в методологию количественных социологических исследований российского общества. Его актуальность обусловлена возрастающей сложностью описания социальной реальности в условиях интенсивной трансформации и рисков искажённого самоописания общества. В этой ситуации обеспечение репрезентативности социологических данных в широком смысле (не только как представительности выборки относительно генеральной совокупности, но и как представительности инструментария относительно сознания и жизненного мира респондентов), над которым всю жизнь трудился М. С Косолапов, выступает ключевым условием получения достоверного социального знания.

Ключевые слова: М. С Косолапов, научное наследие, методология социологических исследований, репрезентативность выборки, валидность шкал, надёжность шкал, обоснованность инструментария, социальное прогнозирование.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках темы Государственного задания: ЕГИСУ 125032004271-7.

В 2025 году не стало выдающегося методолога, многолетнего руководителя Центра социологических исследований Института социологии, талантливого учителя и просто замечательного человека Михаила Самуиловича Косолапова. Он оставил после себя не только организованные им социологические исследования, коллективы, научные работы, учеников, но и след в науке и жизни, относящийся к явлениям более высокого порядка – набор идей, устремлений, стилистических особенностей мышления, которые формируют человеческую культуру и, подобно расходящимся на десятилетия и века волнам, часто переживают даже саму память о тех, кто был их отправной точкой. Но пока эта память жива, мы чувствуем обязанность возвращаться к идеям ушедших коллег с тем, чтобы лучше понять их, точнее описать смысл их деятельности и передать его другим, усиливая волны их распространяющегося в культуре влияния. Как же может быть в концентрированном виде описан смысл научной работы М. С Косолапова? За свою жизнь он успел затронуть множество тем, от структуры социологических данных [1] и теории измерений [2] до этнической идентичности [3], демографического кризиса [4] и социального самочувствия [5]. Однако во всей его работе есть определенный лейтмотив, который мы и попытаемся уловить.

На наш взгляд, центральной проблемой, решавшейся М. С Косолаповым во всей его профессиональной деятельности, была адекватность описания социальной реальности. Как человек, получивший физико-математическое образование, он имел четкое представление о теории как формализме, отражающем законы окружающего мира, – представление, которое в социальных науках неизбежно сталкивается с огромными, кажущимися подчас неразрешимыми, проблемами. Социальное поведение невозможно описать без учета свободы воли, осознания смысла

жизни, эмоциональных отношений между людьми, а все эти вещи крайне трудно поддаются формальному, математическому отражению. Однако без такого отражения знание общества о самом себе неизбежно будет неполным, искаженным, приводящим к постоянным ошибкам и просчетам. В контексте наиболее часто используемой терминологии прикладной социологии, основанное на неверном формализме самописание общества будет нерепрезентативным.

Проблема репрезентативности в широком смысле связана не только со способностью выборки эмпирического исследования к несмещенному отражению характеристик всей изучаемой совокупности. Эта «статистическая» репрезентативность является лишь одним из аспектов общей возможности переноса социологических выводов на общество в целом. Корректно построенное исследование выступает микромоделью социума не только с точки зрения отношений вида «выборка – население страны», но и отношений «индивид – социальная система», «сознание респондента – сознание типичного человека». Действительно, если даже наша выборка сформирована со строжайшим соблюдением принципов равной вероятности попадания всех представителей исследуемой популяции, но мы задаем ей недостаточное количество вопросов, недостаточно представительных относительно системы взглядов респондентов, то никаких адекватных выводов мы получить не сможем. Корректность инструментария чаще описывается через такие показатели качества измерения, как валидность и надежность, но работы М. С Косолапова заставляют задуматься о том, что их необходимо дополнять и представлениями о репрезентативности инструментария социологического исследования относительно сознания респондентов. То есть вести речь о репрезентативной выборке не только людей, но и, так сказать, «идей».

Ранний период исследований М. С Косолапова связан именно с этими, более «имманентными» аспектами репрезентативности, которые в советской социологии часто обобщались через

понятие «обоснованности» измерения. Например, опираясь на свои разработки в области многомерного шкалирования [6; 7], он следующим образом формулирует задачу обоснования шкалы предпочтений: «... если мы предоставим респондентам свободу выбора оснований при оценке исследуемых объектов, то по каким основаниям они будут производить эту оценку? Для решения такой задачи нам нужны исходные данные, которые не навязывали бы респонденту никаких представлений о тех характеристиках, которые могут быть использованы при восприятии исследуемых объектов по указанному свойству. Например, для оценки профессий по привлекательности на первом этапе можно было бы попросить респондентов оценить попарно сходство между профессиями по привлекательности. Задачей исследователя в этом случае является определение операциональных характеристик профессий (зарплата, уровень образования и т.д.), которыми неявно пользуются респонденты при оценке сходства профессий по привлекательности» [8, с. 128]. Таким образом, многомерное шкалирование оказывается тем инструментом, который позволяет представительно и обоснованно извлекать признаки из сознания респондентов [9]. В дальнейшем эта возможность экспликации латентных признаков, отражающих реально существующие в сознании людей параметры предпочтений и сравнений, была дополнена предложениями по отбору релевантных формулировок при помощи методического эксперимента [10; 11].

На следующем этапе М. С Косолапов перешел к проблеме обоснования представительности уже не отдельных индикаторов, но их динамики, измеряемой в сравнительных исследованиях [12]. Эта комплексная ориентация в обеспечении репрезентативности проявлялась, в частности, в разработавшихся М. С Косолаповым совместно с Т. М. Дридзе методах прогнозного социального проектирования, которые решали задачу адекватного отражения уже не генеральной совокупности субъектов,

и не индивидуального сознания отдельно взятого субъекта, но совокупности субъектов во взаимодействии между собой в рамках социальной ситуации [13; 14; 15].

Практическим итогом работы М. С. Косолапова над проблемой репрезентативности во всех ее проявлениях стало его многолетнее участие в разработке выборки, организации и проведении [16; 17] Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE) – первом и наиболее масштабном общенациональном лонгитюдном обследовании домохозяйств в постсоветской России [18; 19; 20]. Выборка мониторинга была спроектирована как территориальная, вероятностная, стратифицированная, многоступенчатая, соответствовавшая лучшим мировым стандартам как для одномоментного, так и для панельного анализа при сохранении репрезентативности. М. С. Косолапов лично добивался строжайшего контроля качества на всех этапах проектирования выборки, сбора и анализа данных. Именно благодаря методологической дисциплине РМЭЗ НИУ ВШЭ стал уникальным источником репрезентативных данных, ежегодно охватывающих все российское общество и позволяющих многочисленным исследователям отслеживать динамику доходов, занятости, здоровья и потребительского поведения населения на протяжении уже более трёх десятилетий [21; 22; 23; 24; 25; 26]. На этом фоне деятельность М. С. Косолапова представляет собой пример ответственного отношения к эмпирическому фундаменту социальной науки. Благодаря его методологическому вкладу российское общество получило надёжное «зеркало», в котором социально-экономические процессы отражаются с высокой точностью и минимальными систематическими искажениями.

Сегодня новые вызовы для обеспечения репрезентативности создает развитие цифровых технологий. Исследования в блогосфере и социальных сетях сталкиваются с проблемой «цифрового разрыва»: активные пользователи интернета не репрезентируют

все население, однако генерируют огромное количество регистрируемых различными платформами вербальных и поведенческих реакций. Это приводит к искаженному пониманию общественных настроений при экстраполяции данных из соцсетей на все общество без учета стратификации по признаку цифровой активности. М. С Косолапов отмечал, что современная цифровая социология вынуждена разрабатывать новые методы коррекции таких смещений для того, чтобы не только сохранить репрезентативное представление об обществе, но и не отстать в конкуренции за внедрение «больших данных» [27].

Итак, обобщение опыта работы М. С Косолапова позволяет сформулировать некоторые важные выводы относительно того, какие функции выполняет репрезентативное самописание общества.

Основная функция репрезентативности – инференционная, в наиболее распространенном случае массовых опросов позволяющая переносить результаты, полученные на выборке, на всю генеральную совокупность. Без обеспечения репрезентативности любое исследование остается лишь описанием мнений ограниченной группы, лишаясь научной ценности. Репрезентативная выборка выступает как микромодель социального целого, обеспечивая возможность экстраполяции выявленных закономерностей, переход от частного знания к общему, позволяя судить обо всем обществе на основе ограниченного числа наблюдений.

Комплексная репрезентативность обеспечивает корректность методологических оснований исследования, задавая строгие правила для построения выборки, проектирования инструментов измерения, сбора и анализа данных. Она минимизирует произвол исследователя и придает исследованию научную строгость. Использование системы измерительных процедур на априорном и апостериорном уровнях позволяет получить валидные и надежные результаты именно благодаря обеспечению репрезентативности.

Обнаруженные на репрезентативных временных рядах тенденции могут быть экстраполированы, служа основой для социального прогнозирования. Адекватный прогноз невозможен без данных, корректно воспроизводящих не только структуру общества, но и процессы ее изменения. Репрезентативные панельные исследования позволяют фиксировать направление, скорость и глубину социальных изменений, например, своевременно обнаруживая критические сдвиги в положении различных групп населения.

На более общем уровне репрезентативность выступает инструментом конструирования и осмысления социальной реальности. Эта функция проявляется не только в статистике, но и в качественных исследованиях, где репрезентативность понимается как глубина и полнота представления социальных феноменов (например, социальных ситуаций) через понятия и категории. В этом смысле именно репрезентативность обеспечивает как восходящую, так и нисходящую стратегию социологического анализа эмпирической информации [28]. Только репрезентативные описания могут служить фундаментом для социологических обобщений и построения теорий среднего уровня.

Таким образом, именно репрезентативные описания являются источником достоверного социального знания. Они позволяют выявлять объективные тенденции, закономерности и пропорции в обществе, отслеживать динамику социальных процессов и строить доказательные социологические теории. Особенно важна их роль в сравнительных исследованиях и при проведении социальных мониторингов, так как в политике, маркетинге и государственном управлении репрезентативность служит гарантией качества и обоснованности принимаемых решений. В них репрезентативные описания используются для диагностики социальных проблем и оценки эффективности мер социальной политики, а искажённая картина общества и его процессов приводит к ошибочным управленческим решениям.

Кроме того, репрезентативные описания формируют единое информационное пространство, в котором общество осознаёт само себя, а публичная дискуссия опирается на проверяемые факты, а не на спекулятивные мнения. Репрезентативные в широком смысле опросы играют роль «голоса общества», позволяя различным социальным группам быть услышанными в публичном пространстве. Они способствуют легитимации управленческих решений и обеспечивают обратную связь между институтами власти и населением, выполняя тем самым важную демократическую функцию.

Своей многолетней работой Михаил Самуилович Косолапов внес неоценимый вклад в совершенствование каждой из приведенных функций самоописания российского общества. Сначала он был одним из первых, кто искал строгие методы представительного отражения человеческого сознания в социологическом инструментарии. Благодаря в том числе его работам, у нас есть понимание того, как социолог может не «выдумывать», а выявлять те вопросы, которые по-настоящему волнуют людей и направляют их действия и оценки. Затем Михаил Самуилович занялся систематизацией подходов к сравнительному анализу социальной динамики – без которого невозможно понять ни суть, ни направления происходящих в обществе изменений. И, наконец, вершиной его трудов стало создание прикладного инструмента исследования этих изменений – Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Косолапов М. С.* Классификация методов пространственного представления структуры исходных данных // Социологические исследования. 1976, № 2. С. 98-109.

2. *Косолапов М. С.* Типология шкал как основа адекватной интерпретации исходных данных // Сравнительный анализ и качество эмпирических социологических данных / Под ред. В. Г. Андреевкова, М. С. Косолаповой. М.: ИСИ АН СССР, 1984. С. 47-78.

3. *Bahry D., Kosolapov M., Wilson R., Kozyreva P.* Ethnicity and trust: Evidence from Russia // *American Political Science Review*. 2005, vol. 99, № 4. P. 521-532. DOI: 10.1017/S0003055405051853.
4. *Zohoori N., Mroz T.A., Popkin B., Glinskaya E., Lokshin M., Mancini D., Kozyreva P., Kosolapov M., Swafford M.* Monitoring the economic transition in the Russian Federation and its implications for the demographic crisis—the Russian Longitudinal Monitoring Survey // *World Development*. 1998, vol. 26, № 11. P. 1977-1993.
5. *Воронин Г. Л., Дорофеева З. Е., Евграфова К. О., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И.* Российские домохозяйства: динамика доходов, расходов, социального самочувствия (1994-2023 гг.) // *Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)*. Вып. 15: сб. науч. ст. / Под ред. П. М. Козыревой. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2025. С. 6-95.
6. *Клигер С. А., Косолапов М. С., Толстова Ю. Н.* Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. М.: Наука, 1978. 112 с.
7. *Косолапов М. С.* Неметрическое многомерное шкалирование: постановка задач и алгоритмы их решения // *Многомерный анализ социологических данных: методические рекомендации, алгоритмы и описание программ* / Под ред. В. Г. Андрееenkova, Ю. Н. Толстовой. М.: ИСИ АН СССР, 1981. С. 74-90.
8. *Косолапов М. С.* Проверка обоснованности формируемого инструмента измерения с помощью методов многомерного шкалирования // *Методологические проблемы использования математических методов в социологии* / Под ред. Е. Х. Нерсесовой. М.: ИСИ АН СССР, 1980. С. 125-131.
9. *Косолапов М. С., Шрайбер Е. Л.* Формирование признакового пространства с помощью многомерного шкалирования // *Типология и классификация в социологических исследованиях* / Под ред. В. Г. Андрееenkova, Ю. Н. Толстовой. М.: ИСИ АН СССР, 1982. С. 111-142.
10. *Косолапов М. С., Куимова О. А.* Методический эксперимент как метод построения стандартных эмпирических индикаторов // *Методические аспекты стандартизации эмпирических индикаторов исследований брака и семьи* / Под ред. М. С. Мацковского. М.: ИСИ АН СССР, 1986. С. 68-82.
11. *Косолапов М. С.* Методический эксперимент как метод изучения познавательных возможностей различных эмпирических индикаторов // *Методы социологического исследования. 3-я Всесоюзная конференция*. Вып. 5. М.: ИС АН СССР, 1989. С. 26-29.
12. *Косолапов М. С.* Методы анализа структурных сдвигов // *Методологические и методические аспекты сравнительных социологических исследова-*

ний / Под ред. В. Г. Андреевкова, М. С. Косолаповой. М.: ИСИ АН СССР, 1983. С. 88-114.

13. Дридзе Т. М., Косолапов М. С., Кроник А. А. К технологии изучения социальных процессов с позиций проблемно-ситуационного подхода // Прогнозное проектирование и социальная диагностика / Под ред. Т. М. Дридзе. Кн. 1. М.: ИС АН СССР, 1991. С. 124–140.

14. Дридзе Т. М., Косолапов М. С., Кроник А. А., Мазлумянова Н. Я., Рабинович Е. М. Опрос в прогнодном социальном проектировании // Прогнозное социальное проектирование. Теоретико-методологические и методические проблемы / Под ред. Т. М. Дридзе. М.: Наука, 1994. С. 98–115.

15. Дридзе Т. М., Косолапов М. С., Кроник А. А. К технологии диагностики проблемных жизненных и локальных социальных ситуаций // Социально обоснованное градоустройство в режиме прогнозного проектирования: от социальной диагностики к профилактике конфликтных ситуаций и конструктивному диалогу заинтересованных сторон / Под ред. Т. М. Дридзе, Е. М. Акимкина. М.: Ин-т социологии РАН, 2005. С. 310–322.

16. Сваффорд М. С., Косолапов М. С., Козырева П. М. Международные стандарты оценки качества социологических обследований // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8, № 1-2. С. 281-302. EDN: NKIZRB.

17. Терентьев Е. А., Мавлетова А. М., Косолапов М. С. Интервьюирование с помощью компьютерных технологий в лонгитюдных обследованиях домохозяйств // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018, № 3 (145). С. 47-64. EDN: XSWAQH. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.03.

18. Сваффорд М. С., Косолапов М. С., Козырева П. М. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы // Мир России. Социология. Этнология. 1999, т. 8, № 3. С. 153-172.

19. Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B.M. Data resource profile: The Russia longitudinal monitoring Survey—Higher School of Economics (RLMS-HSE) phase II: Monitoring the economic and health situation in Russia, 1994–2013 // International journal of epidemiology. 2016, vol. 45, № 2. P. 395-401. DOI: 10.1093/ije/dyv357.

20. Дорофеева З. Е., Козырева П. М., Косолапов М. С., Тонис Е. И. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: особенности методологии, принципы организации, исследовательские возможности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026, № 1 (191). С. 40-64. DOI: 10.14515/monitoring.2026.1.3210.

21. Гурко Т. А. Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей // Женщина в российском обществе. 2022, № 4. С. 3-14. EDN: HСХВЕН. DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.1.

22. Юсенко С. Р., Зубкова Т. С., Сорокин А. С., Халтурина Д. А. Ожирение в России: динамика распространенности и половозрастная структура с конца XX века // *Общественное здоровье*. 2024, т. 4, № 3. С. 17-29. DOI: 10.21045/2782-1676-2024-4-3-17-29.

23. Лукьянова А. Л. Снижение неравенства в оплате труда в России: динамика и ключевые факторы (2005–2023 гг.) // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2024, № 4 (65). С. 267-275. EDN: ICXGFB. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_267-275.

24. Бабич Н. С., Михайлов А. А. Анализ достоверности данных массовых опросов (на примере оценок распространённости курения в России) // *Социологическая наука и социальная практика*. 2024, т. 12, № 3 (47). С. 198-213. EDN: XFHTMI. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.9.

25. Канева М. А., Моисеенко В. Д. Оценка влияния показателей здоровья на занятость в России (2015–2022 гг.) // *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. 2024, т. 54, № 5 (599). С. 120-140. EDN: IRNLDV. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-5-120-140.

26. Осаволок А. А. Социальные и территориальные детерминанты культурного потребления в России: эмпирический анализ на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2025, № 3 (187). С. 61-81. EDN: ANVIVG. DOI: 10.14515/monitoring.2025.3.2802.

27. Выступление М. С Косолапова // *Учёные записки ФНИСЦ РАН: материалы заседания Учёного совета (Москва, 19 декабря 2018 г.)*. Выпуск первый. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 52-57.

28. Татарова Г.Г. От постулатов эмпирической социологии к методологии анализа данных // *Социология: методология, методы, математические модели*. 1999, № 11. С. 51-71. EDN: PFFBML.

Сведения об авторе

Иван Владимирович Батыков

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН.

SPIN-код: 3304-7031

AuthorID: 510482

ResearcherID: AHD-4350-2022

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026 г.

Статья принята к публикации: 28.04.2026 г.

**REPRESENTATIVENESS IN THE SELF-DESCRIPTION OF
SOCIETIES. TOWARDS AN UNDERSTANDING OF THE
LEGACY OF M. S. KOSOLAPOV**

Batykov Ivan V.

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ivbatykov@socexpertiza.ru
ORCID: 0000-0002-9026-5824

For citation: Batykov I.V. Representativeness in the self-description of societies. towards an understanding of the legacy of M. S. Kosolapov, *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 1(62), p. 135-151. DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.6.

Abstract. The article is devoted to a theoretical and methodological understanding of the scientific legacy of M. S. Kosolapov, an outstanding scholar who untimely passed away and who made a major contribution to the methodology of quantitative sociological research on Russian society. The relevance of this study is conditioned by the increasing complexity of describing social reality in the context of intensive transformation and the risks of society's distorted self-description. In this situation, ensuring the representativeness of sociological data in a broad sense (not only as the representativeness of a sample with respect to the general population, but also as the representativeness of measurement instruments with respect to the consciousness and lifeworld of respondents), on which M. S. Kosolapov worked throughout his life, is a key condition for obtaining reliable social knowledge.

Keywords: M. S. Kosolapov, scientific legacy, methodology of sociological research, sample representativeness, scale validity, scale reliability, instrument validity, social forecasting.

Acknowledgment: The article was prepared within the framework of the State Assignment: EGISU 125032004271-7.

References

1. Kosolapov M.S. Classification of methods of spatial representation of the structure of initial data (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 1976, no. 2, p. 98-109.
2. Kosolapov M.S. “Tipologiya shkal kak osnova adekvatnoj interpretacii iskhodnyh dannyh [Typology of scales as a basis for adequate interpretation of initial data]” (in Russian), in: *Sravnitel'nyj analiz i kachestvo empiricheskikh sociologicheskikh dannyh [Comparative analysis and quality of empirical sociological data]*, ed. by V.G. Andreenkov, M.S. Kosolapov. Moscow: ISI USSR Academy of Sciences, 1984, p. 47-78.
3. Bahry D., Kosolapov M., Wilson R., Kozyreva P. Ethnicity and trust: Evidence from Russia, *American Political Science Review*, 2005, vol. 99, no. 4, p. 521-532. DOI: 10.1017/S0003055405051853.
4. Zohoori N., Mroz T.A., Popkin B., Glinskaya E., Lokshin M., Mancini D., Kozyreva P., Kosolapov M., Swafford M. Monitoring the economic transition in the Russian Federation and its implications for the demographic crisis—the Russian Longitudinal Monitoring Survey, *World Development*, 1998, vol. 26, no. 11, p. 1977-1993.
5. Voronin G.L., Dorofeeva Z.E., Evgrafova K.O., Kiseleva I.P., Kozyreva P.M., Kosolapov M.S., Smirnov A.I., Sokolova S.B., Tonis E.I. “Russian households: dynamics of income, expenditures, social well-being (1994–2023)” (in Russian), in: *Bulletin of the Russian Economic Situation Monitoring and public health at the HSE (RLMS - HSE). Vol. 15*, ed. by P.M. Kozyrev. Moscow: Nat. researched University “Higher School of Economics”, 2025, p. 6-95.
6. Klinger S.A., Kosolapov M.S., Tolstova Yu.N. *SHkalirovanie pri sbore i analize sociologicheskoy informacii [Scaling in the collection and analysis of sociological information]* (in Russian). Moscow: Nauka, 1978. 112 p.
7. Kosolapov M.S. “Non-metric multidimensional scaling: statement of problems and algorithms for their solution [Non-metric multidimensional scaling: statement of problems and algorithms for their solution]” (in Russian), in: *Multidimensional analysis of sociological data: methodological recommendations, algorithms and*

- description of programs [Multidimensional analysis of sociological data: methodological recommendations, algorithms and description of programs]*, ed. by V.G. Andreenkov, Yu.N. Tolstov. Moscow: Institute of Social Sciences of the USSR Academy of Sciences, 1981, p. 74-90.
8. Kosolapov M.S. "Proverka obosnovannosti formiruемого instrumenta izmereniya s pomoshch'yu metodov mnogomernogo shkalirovaniya [Testing the validity of the measurement tool being developed using multidimensional scaling methods]" (in Russian), in: *Metodologicheskie problemy ispol'zovaniya matematicheskikh metodov v sociologii [Methodological problems of using mathematical methods in sociology]*, ed. by E.Kh. Nersesov. Moscow: Institute of Social Sciences of the USSR Academy of Sciences, 1980, p. 125-131.
 9. Kosolapov M.S., Shraiber E.L. "Formirovanie priznakovogo prostranstva s pomoshch'yu mnogomernogo shkalirovaniya [Formation of a feature space using multidimensional scaling]" (in Russian), in: *Tipologiya i klassifikaciya v sociologicheskikh issledovaniyah [Typology and classification in sociological research]*, ed. by V.G. Andreenkov, Yu.N. Tolstova. Moscow: Institute of Social Sciences of the USSR Academy of Sciences, 1982, p. 111-142.
 10. Kosolapov M.S., Kuimova O.A. "Metodicheskij eksperiment kak metod postroeniya standartnyh empiricheskikh indikatorov [Methodological experiment as a method for constructing standard empirical indicators]" (in Russian), in: *Metodicheskie aspekty standartizacii empiricheskikh indikatorov issledovaniy braka i sem'I [Methodological aspects of standardization of empirical indicators for studies of marriage and family]*, ed. by M.S. Matskovsky. Moscow: Institute of Social Sciences of the USSR Academy of Sciences, 1986, p. 68-82.
 11. Kosolapov M.S. "Metodicheskij eksperiment kak metod izucheniya poznavatel'nyh vozmozhnostej razlichnyh empiricheskikh indikatorov [Methodological experiment as a method of studying the cognitive capabilities of various empirical indicators]" (in Russian), in: *Metody sociologicheskogo issledovaniya. 3-ya Vsesoyuznaya konferenciya. Vyp. 5. [Methods of sociological research. 3rd All-Union Conference. Issue 5]*. Moscow: Institute of Social Sciences of the USSR Academy of Sciences, 1989, p. 26-29.

12. Kosolapov M.S. “Metody analiza strukturnykh sdvigo [Methods of analysis of structural shifts]” (in Russian), in: *Metodologicheskie i metodicheskie aspekty sravnitel'nykh sociologicheskikh issledovaniy [Methodological and methodological aspects of comparative sociological research]*, ed. by V.G. Andreenkov, M.S. Kosolapov. Moscow: Institute of Social Sciences of the USSR Academy of Sciences, 1983, p. 88-114.
13. Dridze T.M., Kosolapov M.S., Kronik A.A. “K tekhnologii izucheniya social'nykh processov s pozicij problemno-situacionnogo podhoda [On the technology of studying social processes from the perspective of a problem-situational approach]” (in Russian), in: *Prognoznoe proektirovanie i social'naya diagnostika [Predictive design and social diagnostics]*, ed. by T.M. Dridze. Book 1. Moscow: Institute of Social Sciences of the USSR Academy of Sciences, 1991, p. 124–140.
14. Dridze T.M., Kosolapov M.S., Kronik A.A., Mazlumyanova N.Ya., Rabinovich E.M. “Opros v prognoznom social'nom proektirovanii [Survey in predictive social design]” (in Russian), in: *Prognoznoe social'noe proektirovanie. Teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy [Predictive social design. Theoretical, methodological and methodological problems]*, ed. by T.M. Dridze. Moscow: Nauka, 1994, p. 98–115.
15. Dridze T.M., Kosolapov M.S., Kronik A.A. “K tekhnologii diagnostiki problemnykh zhiznennykh i lokal'nykh social'nykh situacij [Toward a technology for diagnosing problematic life and local social situations]” (in Russian), in: *Social'no obosnovannoe gradoustrojstvo v rezhime prognoznogo proektirovaniya: ot social'noj diagnostiki k profilaktike konfliktnykh situacij i konstruktivnomu dialogu zainteresovannykh storon [Socially based urban development in the predictive design mode: from social diagnostics to conflict prevention and constructive dialogue between stakeholders]*, ed. by T.M. Dridze, E.M. Akimkin. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2005, p. 310–322.
16. Swafford M.S., Kosolapov M.S., Kozyreva P.M. Mezhdunarodnye standarty ocenki kachestva sociologicheskikh obsledovaniy [International standards for assessing the quality of sociological surveys] (in Russian), *The World of Russia. Sociology. Ethnology*, 1999, vol. 8, no. 1-2, p. 281-302.

17. Terentev E.A., Mavletova A.M., Kosolapov M.S. Computer-assisted personal interviewing for longitudinal household studies (in Russian), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2018, no. 3(145), p. 47-64. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.03.
18. Swafford M.S., Kosolapov M.S., Kozyreva P.M. Rossijskij monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya (RMEZ): izmerenie blagosostoyaniya rossiyan v 90-e gody [Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS): Measuring the Well-Being of Russians in the 1990s] (in Russian), *The World of Russia. Sociology. Ethnology*, 1999, vol. 8, no. 3, p. 153-172.
19. Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B.M. Data resource profile: The Russia longitudinal monitoring Survey—Higher School of Economics (RLMS-HSE) phase II: Monitoring the economic and health situation in Russia, 1994–2013, *International journal of epidemiology*, 2016, vol. 45, no. 2, p. 395-401. DOI: 10.1093/ije/dyv357.
20. Dorofeeva Z.E., Kozyreva P.M., Kosolapov M.S., Tonis E.I. Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE): Methodological Features, Organizational Principles, Research Opportunities (in Russian), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2026, no. 1(191), p. 40-64. DOI: 10.14515/monitoring.2026.1.3210.
21. Gurko T.A. Development of the parenthood institution: analysis of empirical indicators (in Russian), *Women in Russian society*, 2022, no. 4, p. 3-14. DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.1.
22. Yusenko S.R., Zubkova T.S., Sorokin A.S., Khaltourina D.A. Obesity in Russia: prevalence dynamics and sex and age structure since the end of the 20th century (in Russian), *Public Health*, 2024, vol. 4, no. 3, p. 17-29. DOI: 10.21045/2782-1676-2024-4-3-17-29.
23. Lukyanova A.L. Decreasing earnings inequality in Russia: Trends and drivers from 2005 to 2023 (in Russian), *Journal of the New Economic Association*, 2024, no. 4(65), p. 267-275. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_267-275.
24. Babich N.S., Mikhailov A.A. Analysis of the mass survey data reliability (using the example of smoking prevalence in Russia estimates) (in Russian), *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2024, vol. 12, no. 3(47), p. 198-213. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.9.

25. Kaneva M.A., Moiseenko V.D. Assessing the Impact of Health Indicators on Employment in Russia (2015–2022) (in Russian), *The all-Russian ECO Journal*, 2024, vol. 54, no. 5(599), p. 120-140. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-5-120-140.
26. Osavolyuk A.A. Social and regional determinants of cultural consumption in Russia: empirical analysis on RLMS-HSE data (in Russian), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2025, no. 3(187), p. 61-81. DOI: 10.14515/monitoring.2025.3.2802.
27. “Vystuplenie M. S. Kosolapova [Speech by M. S. Kosolapov]” (in Russian), in: *Uchyonye zapiski FNISC RAN: materialy zasedaniya Uchyonogo soveta (Moskva, 19 dekabrya 2018 g.). Vypusk pervyy [Scientific Notes of the Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences: Proceedings of the Meeting of the Academic Council (Moscow, December 19, 2018). Issue One.]*. Moscow: Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2019, p. 52-57.
28. Tatarova G.G. Ot postulatov empiricheskoy sociologii k metodologii analiza dannyh [From the postulates of empirical sociology to the methodology of data analysis] (in Russian), *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)*, 1999, no. 11, p. 51-71.

Information about the author

Ivan V. Batykov

Candidate of Sociological Sciences, Senior Research Fellow of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

SPIN-code: 3304-7031

AuthorID: 510482

ResearcherID: AHD-4350-2022

IN MEMORIAM

EDN: ZWCSOQ

ПАМЯТИ ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА ГАВРИЛЬЦА (1934–2026)

Во время подготовки этого номера журнала, уже ставшего трагическим по своему тону из-за ухода наших выдающихся и любимых коллег М. К. Горшкова и М. С. Косолапова, нам пришлось еще одно страшное известие. 3 марта 2026 года ушел из жизни Юрий Николаевич Гаврилец, выдающийся советский и российский ученый, математик, экономист и социолог, один из основоположников математической социологии.

Выпускник механико-математического факультета МГУ, Ю. Н. Гаврилец начал свою работу в социальной науке в лаборатории академика В. С. Немчинова и в созданном на её основе ЦЭМИ АН СССР. Исследуя широкий спектр проблем оптимального планирования, социального измерения, динамики социальных процессов, моделирования установок и интересов, Юрий Николаевич стал одним из первых, кто внедрял математические методы для решения социологических и социально-экономических задач. Первым в СССР он начал читать курс лекций по математической социологии, создал и возглавил лабораторию математической социологии ЦЭМИ РАН. Он также исследовал кибернетические законы управления социальными системами, в частности закон необходимого разнообразия, предупреждая об опасности упрощения мышления и унификации сознания в угоду управляемости.

Долгие годы Юрий Николаевич был членом редакционного совета журнала «Социология: 4М», вносил неоценимый вклад в обеспечение качества статей, щедро делился своими идеями и

огромным научным опытом. Коллеги и ученики запомнят его как человека редкой внутренней свободы. Будучи беспартийным в советское время, в 90-е годы Юрий Николаевич критиковал индивидуалистический гедонизм и размывание нравственных ориентиров, настаивая на приоритете социальной справедливости над чистой экономической эффективностью. Оставаясь математиком и строгим ученым, он не боялся обращаться к религии, признавая ограниченность человеческого знания. Во всем и всегда он оставался патриотом России. Юрий Николаевич Гаврилец оставил после себя не только научные труды, но и школу учеников, продолжающих его дело. Его жизнь – пример служения истине в самые сложные периоды для нашей страны, а имя навсегда вписано в историю отечественной науки как символ интеллектуальной честности, принципиальности, гуманизма и независимости.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

О журнале

«Социология: методология, методы и математическое моделирование» (Социология: 4М) – специализированное издание, посвященное проблемам методологии и методов социологических исследований, вопросам сбора, измерения и анализа социологических данных, построению математических моделей социальных процессов.

Редакция журнала отдает предпочтение статьям, которые вносят вклад в развитие социологической методологии, проясняя существующие в этой области проблемы и предлагая новые решения. Одновременно в журнале публикуются аналитические обзоры по социологическим методам, статьи, в которых делается акцент на опыте применения методов сбора и анализа данных для решения актуальных социологических задач.

Основные рубрики журнала:

- общие вопросы методологии и методики исследований;
- методологические проблемы социологической теории;
- статистические методы и анализ данных;
- теория и методы измерения, теория и история методов;
- процедуры сбора данных;
- качество социологических данных, онлайн-опросы;
- качественные методы в социологии;
- методический эксперимент.

Критерии соответствия рукописей тематике журнала не являются жесткими, вопрос о целесообразности публикации статьи решается в каждом случае индивидуально.

Периодичность выхода и доступность номеров

Журнал выходит четыре раза в год. Полнотекстовые версии статей размещаются в свободном доступе на официальном сайте журнала после выхода номера.

Порядок рассмотрения и рецензирования

После получения рукописи статьи редакция принимает решение о соответствии её содержания профилю журнала и о целесообразности передачи рукописи рецензентам. Причины отрицательного решения могут включать в себя в том числе отсутствие результатов проверки математических моделей на оригинальных эмпирических данных, недостаточное или вызывающее сомнение в их достоверности описание источников эмпирических данных, несоответствие современному состоянию исследований по проблеме, а также отсутствие научной новизны. В случае положительного решения статья передается на рецензирование. Решающим для принятия или отклонения рукописи становятся отзывы независимых рецензентов, назначаемых редакцией. Все статьи, направляемые в адрес редакции, проходят обязательную процедуру рецензирования одним экспертом. В случае необходимости редакция назначает второго рецензента.

Процедура рецензирования анонимна и для авторов, и для рецензентов. Рецензент получает рукопись статьи без указания имени и аффилиации авторов. Редакция не сообщает авторам статей фамилии рецензентов и не обсуждает их квалификацию. Рецензенты отбираются из числа специалистов в данной тематической области. Редакция сообщает о результатах рецензирования автору статьи посредством электронной почты в течение трех месяцев после ее получения; в случае отсутствия отзывов к этому моменту редакция сообщает о новых сроках рассмотрения.

Редакция журнала предоставляет авторам право ответить на замечания рецензента по существу и прояснить собственную позицию.

Журнал публикует оригинальные исследовательские работы, которые не публиковались прежде (за исключением электронных препринтов и тезисов). Передавая в редакцию рукопись, автор принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком бы то ни было ином издании без согласования с редакцией журнала.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Оформление статьи

Редакция журнала принимает статьи любого объёма. Для отправки рукописи необходимо перейти на сайт Электронной редакции <https://www.manuscript.fnisc.ru/soc4M>.

Текст, включая примечания и библиографический список, должен соответствовать стандартам.

- Шрифт – Times New Roman
- Размер шрифта – 12
- Межстрочный интервал – 1,5
- Выравнивание – по ширине
- Поля страницы: 2 см со всех сторон

Рисунки, схемы и таблицы должны быть такого же формата, что и текст, и снабжаться сквозной нумерацией.

Формулы и обозначения должны быть набраны в редакторе формул *Microsoft Equation*.

Комплект статьи включает, кроме основного текста, аннотацию, 8–10 ключевых слов с пометкой «Ключевые слова», справку об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, места работы, должности, ученой степени и звания, полного почтового домашнего адреса, номеров телефонов и адреса электронной почты.

Сопроводительное письмо к рукописи должно содержать описание научной новизны и краткое обоснование, почему статья может представлять интерес для читателей «Социологии: 4М».

Также в этом письме автор должен подтвердить, что представленная статья носит характер оригинального исследования, которое прежде не публиковалось нигде (кроме препринтов и тезисов конференций) и не находится на рассмотрении ни в каком другом издании.

Требования академической этики

Редакционная политика журнала предполагает соблюдение всеми сторонами, участвующим в процессе подготовки статей (авторами, рецензентами и редакцией), требований публикационной этики, обеспе-

чивающих беспристрастную и конфиденциальную оценку рукописей, отсутствие плагиата или незаконного присвоения результатов. Редакция выражает готовность публиковать сообщения о найденных ошибках и о фактах нарушения авторами рукописей публикационной этики.

Сведения о статье на английском языке

Статья может быть принята к публикации только при наличии следующей информации на английском языке: автор, заглавие, данные об аффилиациях автора (наименования организаций, электронный адрес автора, ответственного за корреспонденцию), аннотация, ключевые слова. В качестве английских наименований организаций рекомендуется использовать названия, индексируемые в зарубежных базах научного цитирования (например, *Web of Science* или *Scopus*).

Аннотация на английском языке может быть расширенной, т.е. более полной по сравнению с аннотацией на русском языке. Аннотация должна укладываться в объем от 100 до 250 слов.

Список использованных источников

Все источники, упомянутые в тексте, должны сопровождаться библиографическими ссылками. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. За точность (правильность) цитат в статье, а также цифр и иной информации, ответственность несет автор.

Ссылки на источники оформляются в виде приставейного библиографического списка и нумеруются в порядке следования с указанием по тексту в квадратных скобках порядкового номера ссылки цифрой: [1], [7]. Одновременная ссылка на несколько номеров дается в одних скобках: [3; 7; 11; 12; 13], [3, с. 5; 7, с. 8–14]. Ссылка на неопубликованные работы не допускается. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом и примерами, приведенными ниже.

При оформлении библиографических описаний обязательно указание DOI и EDN (при их наличии). Для монографий требуется указание ISBN.

Примеры библиографических описаний:

1. Дюркгейм Э. Моральное воспитание / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 456 с. ISBN 978-5-7598-2530-2. DOI: 10.17323/978-5-7598-2530-2. EDN: QOJUNL.

2. Климова А. М., Артамонов Ф. А., Ммель К. Ш. Измерение политического знания: разработка и апробация шкалы в России // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2021, № 52. С. 61–94. DOI: 10.19181/4m.2021.52.3. EDN: ARWFHV.

3. Сорокин П.А. Дальняя дорога: автобиография. М.: Терра, 1992. 303 с. ISBN 5-239-01378-0.

4. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American sociological review. 2000. Vol. 65, № 1. P. 19–51. DOI: 10.2307/2657288. EDN: GSHGFR.

5. Glänzel W., Schubert A. Analysing scientific networks through co-authorship // Handbook of quantitative science and technology research. Springer: Dordrecht, 2004. P. 257–276. ISBN 978-1-4020-2702-4. DOI: 10.1007/1-4020-2755-9_12.

Использованные источники в романском алфавите (кириллице)

В случае принятия рукописи к публикации авторы по запросу редакции обязаны предоставить транслитерированный в латинице полный список литературы к своей статье.

Основные требования:

- названия цитируемых русскоязычных публикаций следует давать в виде перевода на английский с пометкой в скобках, что речь идет о работе на русском языке (in Russian);
- для переводных работ указывается исходное название источника на языке публикации, выходные данные – в транслитерированном виде;
- названия источников (журналов), а также фамилии авторов желательно давать в том виде, в каком они индексируются в зарубежных базах научного цитирования (например, *Web of Science* или *Scopus*);

- название источника может сопровождаться его переводом на английский язык, например: Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling);
- при составлении списка источников недопустимо использовать российский ГОСТ, в частности запрещено в качестве разделительных знаков использовать «//» и «←»;
- название источника выделяется курсивом;
- указывается DOI источника (при наличии), но не указывается ISBN и EDN.

Примеры библиографических описаний на английском языке:

1. Durkheim É. *L'éducation morale* (transl., in Russian). Moscow: HSE University, 2021. 456 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2530-2.
2. Klimova A., Artamonov G., Chmel K. Measuring political knowledge: development and testing the scale in Russia (in Russian), *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2021, no. 52, p. 61–94. DOI: 10.19181/4m.2021.52.3.
3. Sorokin P. *A long journey* (transl., in Russian). Moscow: Terra, 1992. 303 p.
4. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values, *American sociological review*, 2000, vol. 65, no. 1, p. 19–51. DOI: 10.2307/2657288.
5. Glänzel W., Schubert A. “Analysing scientific networks through co-authorship”, in: *Handbook of quantitative science and technology Research*, ed. by H.F. Moed, W. Glänzel, U. Schmoch. Springer, Dordrecht, 2004, p. 257–276. DOI: 10.1007/1-4020-2755-9_12.

INFORMATION FOR AUTHORS

About the journal

“*Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*” (*Sociology: 4M*) is a peer-reviewed scholarly journal presenting pioneering work on problems of methodology and methods of sociological research, on the collection, measurement and analysis of social science data, on building mathematical models of social processes.

Sociology: 4M publishes articles that contribute to the development of sociological methodology, clarify the existing problems in this area and offer new solutions. In addition, it publishes analytical reviews of sociological methods.

Main topics:

- general issues of methodology and research methods;
- statistical methods and data analysis;
- theory and methods of measurement, theory and history of methods;
- data collection procedures;
- the quality of social science data, online surveys;
- qualitative methods in sociology;
- social science experiments.

The research topics are not limited by this list; the decision on publication is made in each case individually.

Publication frequency and access

The journal is published four a year. Full-text versions of articles are available for open access on the journal’s website.

The review procedure

All papers submitted to *Sociology: 4M* are screened by the editors for general suitability. The reasons for the negative decision may include the absence of mathematical models verification based on original empirical data, insufficient description of the empirical data sources, inconsistency with current state of research on the problem, and the lack of scientific novelty. If the decision is positive the article is sent to formal review. The results of this review are crucial to the acceptance or rejection of the manuscripts. All papers meeting basic editorial criteria are reviewed at least by one expert. If necessary, editors appoint a second reviewer for the paper.

The review procedure of is anonymous for both authors and reviewers. The experts receive manuscripts without any indication of the name and affiliation of the authors. Editors do not reveal the reviewers' names to authors and not discuss their qualification. Reviewers are selected from experts in the subject area. The editorial team will contact the authors by email with the results of peer-review within three months after submission; if the reviews have not been received by this date, a new target date is announced.

The editorial team provides authors the right to respond to comments of the reviewers and to clarify their own position.

The journal publishes only original research papers which have not been published before (except for electronic preprints and theses). By submitting a manuscript the author agrees not to publish it in whole or in part in any form without the editors' permission.

There are no publication fees in *Sociology: 4M*.

Article design

The editorial board accepts articles of any length. To send a manuscript, please go to the Electronic Editorial Board website <https://www.manuscript.fnisc.ru/soc4M>.

The text, including notes and bibliography, must comply with the standards.

- Font – Times New Roman;
- Font size – 12;

- Line spacing – 1.5;
- Justified text alignment;
- Page margins: 2 cm on all sides.

Formulas and symbols should be typed in *Microsoft Equation*.

The author should also provide an abstract, 8-10 keywords, author's name, affiliation and position, contact information.

The cover letter accompanying the manuscript should contain a description of scientific novelty and a brief justification of why the article may be of interest to «Sociology: 4M» readers.

In this letter the author must confirm that the article is based on an original study, has not been published anywhere before (except as a preprint or in conference abstracts) and is not under consideration in any other journal.

Publication ethics statement

The editorial policy requires compliance with the requirements of publication ethics by all parties involved in the preparation of the article (authors, reviewers and editors), that provides the confidential review of manuscripts, absence of plagiarism or misappropriation of the results. The editorial board expresses its readiness to publish error reports and information about violations of publication ethics by authors.

Information about the article in English

Authors should provide the following information in English: authors' names, titles, authors' affiliation (names of organizations, e-mail of the author responsible for correspondence), abstract and keywords. We recommend using the English organizations' names from such citation indexes as Web of Science and Scopus.

We also recommend supplying an extended English abstract (up to 250 words).

List of references

Authors should provide references to all sources mentioned in the text. The author must indicate sources of all citations, numbers, and other information. Authors are responsible for the accuracy of quotes as well as numbers and other information.

References to unpublished works are not permitted. Bibliographic descriptions of publications should be made in accordance with Russian state technical standards (GOST).

Transliteration of references

If the manuscript is accepted the authors must provide transliterated references within two weeks upon acceptance for publication. Basic requirements are as follows:

- publication titles should be given in English with a note that it is a work in Russian;
- for translated works (originally published in one of Romance languages) the title should be given in original language, the source – in transliterated form;
- we recommend to provide the author names and source titles (journals) in the form they are indexed in such citation databases as Web of Science and Scopus.
- the source title may be accompanied by a translation into English, for example: *Sotsiologiya: 4M* (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling);
- source titles should be given in italics.

**Социология: методология, методы,
математическое моделирование**

Сетевое научное издание

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) Эл № ФС77-85872 от 4 сентября 2023 г.

ISSN 2949-463X

Учредители

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Общественная организация «Российское общество социологов»
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35
Сайт: <https://www.ssa-rss.ru>. Телефон: 8 499 719-09-71

Главный редактор – Бабич Н. С.

Журнал «Социология: методология, методы, математическое
моделирование» включен в базу РИНЦ, перечень ВАК

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35
Электронная почта редакции: sociology.4m@gmail.com
Телефон редакции: +7 (993) 957-91-75
Официальный сайт журнала: <https://www.soc4m.ru>

2026. Т. 35. № 1 (62). Дата выхода в свет 04.06.2026